

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ПРИКАМЬЯ

И. А. МЯЛИЦЫН

ГЕНЕРАЛ РУБЦОВ

И. А. МЯЛИЦЫН

ГЕНЕРАЛ РУБЦОВ

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1981

Очередная книга серии посвящена генерал-майору Ф. Д. Рубцову, чья жизнь и деятельность были связаны с Пермью. Здесь он служил начальником гарнизона, зарекомендовал себя талантливым командиром, вырос до зрелого военачальника, командовал дивизией, которая формировалась в то время в Перми. Он оставил заметный след в подготовке кадрового состава, в повышении боеготовности дивизии, вел активную деятельность по усилению обороноспособности страны в предвоенные годы.

Корпус, которым командовал Ф. Д. Рубцов после перевода на западную границу, 22 июня 1941 года под Белостоком принял на себя первый удар фашистских войск. Ведя оборонительные бои, генерал-майор плечом к плечу со своими солдатами погиб в неравной схватке с врагом. Солдат-коммунист, он до последней минуты жизни стоял на защите революционных завоеваний своей отчизны.

Автору удалось по крупицам восстановить события 1941 года и ярко показать героические действия советского генерала.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Рецензент Ю. В. Плотников

ПОРОХ ДЕРЖАТЬ СУХИМ...

Задолго до начала очередного заседания первой областной партийной конференции делегаты заполнили зал оперного театра. Они переговаривались вполголоса, обсуждали ход конференции, работу Оргбюро ЦК ВКП(б) по созданию областного партийного аппарата, руководящих областных органов. И в зале стоял ровный гул.

Точно в одиннадцать из-за кулис на сцену вышли члены президиума, неторопливо расселись по стоящим в три ряда стульям. Гул сразу утих.

За большим и удобным столом, накрытым красной суконной скатертью, расположились для работы председатель Оргбюро ЦК ВКП(б) по Пермской области Николай Иванович Гусаров, его заместители Владимир Никитович Глазнов и Григорий Спиридонович Галайдин, председатель Оргбюро Верховного Совета РСФСР Федор Кириллович Семенов.

В центре, перед микрофоном, внимательно оглядев делегатов, встал высокий широкоплечий военный лет сорока. Светло-серая гимнастерка с ромбами в малиновых петлицах была аккуратно пригнана. Грудь его украшал орден Красного Знамени. У военного приветливое, открытое лицо, русые с косым пробором тщательно причесанные волосы. Это комбриг Федор Дмитриевич Рубцов, командир дивизии, начальник гарнизона Перми. Очередное заседание 28 февраля 1939 года поручено вести ему.

Чуть помедлив, бросив взгляд на президиум, Рубцов произнес:

— Товарищи делегаты, продолжаем работу конференции. По докладу товарища Семенова «О тезисах Центрального Комитета ВКП(б) и Совнаркома по Третьему пятилетнему плану» за вчерашний и позавчерашний дни выступили двадцать восемь делегатов из записавшихся восьмидесяти пяти человек. А теперь слово для выступления предоставляется товарищу Лошкареву, секретарю Чусовского горкома партии.

Из президиума к трибуне прошел высокий, лет тридцати человек с копной черных кучерявых волос и свободно, без написанного текста, слегка волнуясь, заговорил о развитии промышленности Пермской области.

Делегаты внимательно слушали оратора. Слушал его и председательствующий комбриг Рубцов. Но мысли Федора Дмитриевича время от времени возвращались к проблемам, более всего волновавшим его как военного. Вчера он тоже выступал на конференции. Говорил о больших изменениях, происходящих в Красной Армии, о поступающей новой современной боевой технике, о более грамотном и лучше подготовленном пополнении, приходящем в армию. Но в мире все ощутимее назревает обстановка большой войны. Нападение Японии на Китай, провокации у озера Хасан, оккупация Австрии германскими войсками, ультиматум Гитлера с требованиями передачи Судетской области, признание Англией и Францией фашистского правительства Франко... А против кого направлено острие антикоминтерновского пакта? Разве не против СССР? Да, надо строить, надо развивать хозяйство, но все ли возможное делается на местах для укрепления обороноспособности нашего государства? Третий пятилетний план предусматривает большие задачи, это верно. Но оборонная работа на предприятиях развита пока недостаточно. Переподготовка командного состава на лагерных сборах проходит с большими трудностями: еще многие руководители не понимают ее значения, ищут и находят пути задержки людей на сборы. В своем выступлении он назвал ряд директоров заводов, добившихся отмены призыва на сборы своих инженерно-технических работников. «Это головотяпство! Нельзя мешать готовить военные кадры!» — прозвучала тогда на весь зал реплика из президиума. А когда Рубцов закончил выступление, встал Гусаров.

— Товарищи делегаты, — заговорил он. — Мы должны во всем помогать армии, держать порох сухим. Это генеральная линия нашей партии... — Зал одобрительно зашумел: «Правильно! Правильно!» Раздались аплодисменты...

Вечером 1 марта конференция приступила к выборам состава обкома партии и делегатов на XVIII съезд ВКП(б). Председательствовал Н. И. Гусаров. В список состава обкома предложено семьдесят шесть человек, среди них — Федор Дмитриевич Рубцов.

Уже более часа шло обсуждение кандидатур. Каждый подробно рассказывал свою биографию. Первым это сделал Гусаров, потом Галайдин, Глазунов, Васильев, Погудин... Алфавита не придерживались, обсуждали в том порядке, в каком поступило предложение.

На трибуну вышел Федор Дмитриевич Рубцов.

— Родился я в 1896 году в селе Кулешово бывшей Ка-

лужской губернии, в бедной крестьянской семье, — начал он рассказывать. — Отец по профессии каменщик, мать домохозяйка. Я и два старших брата с детства работали у местных помещиков Аносова и Лисицына, пасли лошадей, ходили за скотом. Тринадцати лет остался без родителей. В 1915 году был призван в царскую армию, в 40-й запасной пехотный полк. Через год произведен в младшие унтер-офицеры. Воевал на Румынском фронте, в 14-й пехотной дивизии. В сентябре 1917 года ранен, после лечения демобилизовался. Всем, чего достиг к настоящему времени, я обязан Октябрьской революции. Это она дала мне путевку в жизнь.

В ноябре 1917 года поехал работать на завод в Петроград. А в декабре вступил добровольно в красногвардейский отряд командиром взвода, участвовал в боевых действиях против немцев. Летом 1918 года в составе 5-го отдельного Курского полка прибыл на Восточный фронт, командовал ротой, брал Симбирский мост. В 1918 году вступил в партию большевиков. В составе 15-й Инзенской стрелковой дивизии, в которую вошел полк, в 1919 году уехал на Южный фронт. Командовал батальоном. Дивизия с боями прошла от Лисок до Новороссийска, затем пешим порядком была переброшена под Каховку против Врангеля. Со своим батальоном форсировал Сиваш. Четырежды ранен, последний раз — под хутором Геркошан на Крымском полуострове — тяжело.

После гражданской войны служил командиром батальона, помощником командира полка. В 1930 году окончил Военную академию имени Фрунзе. Четыре года работал начальником 1-й части штаба, сначала 30-й стрелковой дивизии, затем Тираспольского укрепрайона. В 1934—1935 годах командовал стрелковым полком. В 1936—1937 годах служил начальником штаба 65-й стрелковой дивизии, полгода исполнял обязанности командира. С июля 1938 года по настоящее время команду 82-й стрелковой дивизией. Вот и все.

Командир Ф. Д. Рубцов
после ранения. 1917 год.

— Вопросы к товарищу Рубцову будут? — обратился к залу Гусаров.

— Можно мне? — спросил очень молодой высокого роста делегат, поднявшийся в партере. — За что вы награждены орденом Красного Знамени?

— За форсирование Сиваша, — ответил Рубцов.

— Вы награждены медалью «Двадцать лет РККА». Почему не носите эту награду? — спросили из президиума.

Федор Дмитриевич улыбнулся, одернул коверкотовую гимнастерку. Такой произвольный жест он иногда делал, начиная волноваться.

— Повредил во время учебных занятий... Показывал красноармейцам, как брать винтовку с ноги на плечо, и сколол часть эмали. Выслал медаль в Москву для замены.

— Значит, энергично, с энтузиазмом показывали, это хорошо!

— Надо все с чувством делать! — прозвучала реплика снова из президиума.

Зал одобрительно зашумел.

— Будут ли еще вопросы? — спросил Гусаров.

— Нет, нет! — раздались голоса с мест.

— Отводы будут? — обратился он к делегатам.

— Нет, нет! — прозвучало из зала.

— Товарищ Рубцов остается в списке для тайного голосования, — заключил Гусаров.

ДОМА

Федор Дмитриевич вернулся уже за полночь. Стараясь не шуметь, разделся и прошел на кухню.

— Что случилось, Федя? — услышал за спиной голос жены.

Евгения Григорьевна стояла в дверях и поглядывала на мужа с тревогой.

— Не спишь, Женя? — Рубцов повернулся к ней. — Ты же знаешь, что на партийной конференции сегодня завершающий день: выборы обкома, делегатов на съезд. А после всего был еще пленум обкома партии. Давай-ка поужинаем, умоюсь только.

Когда он вернулся на кухню, стол был накрыт.

— Жаль, что пирог остыл, твой любимый, рыбный, дважды подогревала, — жаловалась Евгения Григорьевна, устраиваясь напротив мужа.

— Спасибо, Женя. — Федор Дмитриевич благодарно взглянул на жену.

Пятнадцать лет они вместе, полстраны исколесили: Кировоград, Москва, Днепропетровск, Тирасполь, Ульяновск, Тюмень, Пермь. И никогда он не слышал от жены недовольства предстоящим переездом. Приходил домой и первым делом шутливо обращался к Надежде Зиновьевне: «Мамаша, что Вам сегодня снилось? — и, если теща начала рассказывать, улыбался: — Хороший был сон, к переезду на новое место...»

Он не любил уезжать один, жить без семьи в ожидании квартиры. Заказывал вагон, и вместе с энергичной, подвижной и жизнерадостной Евгенией Григорьевной грузили в него вещи: расставляли кровати, комод, шкаф, ящики с книгами, сундук так, чтоб всем необходимым можно было пользоваться в дороге. Получалась походная квартира на колесах. Время переводов, как правило, было благоприятным, выпадало на лето.

И если не сразу получали квартиру на новом месте, не расстраивались. Бывало, жили в красном уголке. Причем помещение использовалось по своему основному назначению: здесь проводились совещания, политинформации и беседы, бойцы в свободное время заходили почитать газеты, журналы...

В детстве Федору Дмитриевичу не удалось усвоить и четырех математических действий: так мало он учился. Но вот кончилась гражданская война, и командир батальона Рубцов поехал на командные курсы. А потом, поженившись, Федор Дмитриевич и Евгения Григорьевна решили серьезно учиться. Он стал готовиться в военную академию, она — в медицинский институт. Нелегко все это осуществлялось. Когда впервые держал экзамен в академию, то в простом диктante сделал сорок ошибок. Провалился, конечно.

С еще большим упорством вновь сел за учебники. И на следующий год выдержал экзамены по всем предметам. По русскому и немецкому языкам помогла ему Женя.

Поступила в Московский медицинский институт и она. Учиться обоим было трудно: появилась дочь. А малые дети не помощники в учении.

Закончив Военную академию имени М. В. Фрунзе, Федор Дмитриевич получил назначение. Уехала с ним и жена, а учебу не бросила. Через два года и Евгения Григорьевна получила диплом врача.

Но желание учиться у обоих не иссякло. В списке слушателей организованной в 1937 году Академии Генерального штаба есть и полковник Ф. Д. Рубцов. Он успешно сдал вступительные экзамены, комиссия приняла решение о зачислении.

Непредвиденные обстоятельства сорвали учебу. Командующий Урал ВО через Наркомат обороны отозвал Рубцова на замещение отстраненного от должности командира 65-й стрелковой дивизии комбрига Гаврющенко. «Вы начальник штаба этой дивизии, вам и принимать ее», — сказали в наркомате. И учеба отложена Рубцовым, как говорится, до лучших времен.

Любили бывать вместе супруги Рубцовы. И не только в кино, театре. Оба участвовали в художественной самодеятельности, пели в хоре, дуэтом исполняли украинские песни. Лишь в последние годы из-за большой загруженности Федор Дмитриевич перестал посещать эти занятия. Но всегда он находил время помочь Евгении Григорьевне в ее общественной работе женорга. Особенно в составлении плана работы.

Еще когда жили в Москве, Рубцов обучил Евгению Григорьевну стрелять. Да так, что она вышла победительницей соревнований среди жен командного состава. Сам Семен Михайлович Буденный вручил ей приз — портфель с выгравированной монограммой.

Федор Дмитриевич помог жене подготовиться к вступлению в партию. Он всегда знал все, что было связано с ее работой. Ежедневно она рассказывала о своих успехах, а бывало, и неудачах. И он делился с женой своими заботами.

Вот и сейчас, справившись с пирогом, Федор Дмитриевич говорил о прошедшей конференции:

— Активностью поразила меня конференция. Каждый пятый делегат выступил. А кое-кто и резко критиковал работу оргбюро... Отраднo, что делегаты в большинстве своем очень молоды. Секретарям обкома Гусарову и Галайдину по тридцать три года. Многим секретарям райкомов по двадцать семь, двадцать восемь лет. Самым интересным был доклад Николая Ивановича Гусарова. Умеет он говорить, умеет образно преподнести вопрос.

Например, критикуя работников просвещения за слабое знание интересов детей, Николай Иванович рассказал об учащемся одной из школ Верхне-Муллинского района Ване Тарасове, приславшем стихи в редакцию газеты. Стихи опубликованы. Потом стали выяснять, где же автор, в какой он школе, как ему гонорар выплатить. Наконец нашли. Говорят учительнице: «Читали, какие хорошие стихи Ваня Тарасов написал?» «Что вы... Не может он стихи писать, неспособный Тарасов, неуспевающий», — ответила учительница. Спросили Ваню. Он отказался. Испугался просто. Потом подумал, да и сознался. Показал целую тетрадку своих стихов, и неплохих стихов. Мне хочется эту историю рассказать нашим команди-

рам. Многие из них так же плохо знают интересы своих бойцов, как та учительница интересы учеников.

Евгения Григорьевна внимательно слушала мужа, не забывая налить ему в стакан чаю, достать сахар, поставить блюдо с вареньем.

— Можешь, Женя, поздравить меня, — сказал Федор Дмитриевич, — избрали членом обкома!

ВСТРЕЧА В ШКОЛЕ

Окончив трудовой день в детской клинической больнице, ординатор Евгения Григорьевна Рубцова идет в школу № 22, в ту самую школу, в которой учится ее девятилетняя Леночка и где она — председатель родительского комитета класса — часто бывает.

Мороз проникает за каракулевый воротник пальто, в рукава, щиплет нос и щеки, леденит руки. Евгения Григорьевна закуталась в пуховую шаль, спешит, поскрипывает снег под ее высокими белыми фетровыми ботами.

Сегодня, 2 декабря, вечер встречи учащихся с комбригом Рубцовым. На прошлой неделе директор школы Иван Федорович Киряков говорил с ней о возможности пригласить в школу комбрига Рубцова.

Она тогда посоветовала директору позвонить прямо Федору Дмитриевичу. Конечно, Федя согласился побывать в школе, выступить.

На встречу Евгения Григорьевна опоздала. Молодая учительница немецкого языка проводила Рубцову в зал, где школьники напряженно слушали ее мужа.

На сцене за небольшим столиком сидел директор школы. В стороне от стола стояла обычная черная доска с прикрепленной картой Северо-Запада европейской части СССР. На карте хорошо видна большая часть территории Финляндии, линия границы от Ленинграда до Баренцева моря. В руках у Федора Дмитриевича была деревянная некрашенная указка. Иногда он подходил к карте и уверенно показывал называемые географические пункты. Заметив вошедших, с улыбкой кивнул Евгении Григорьевне, взглядом проводил ее до места, наблюдая, как она уселась рядом с учительницей второго класса Марией Николаевной Потаповой.

— ...Я рассказал вам, ребята, историю появления самостоятельного государства Финляндии и о причинах советско-финляндского конфликта, два дня назад переросшего в военные действия. — Федор Дмитриевич помедлил, спросил: — Какие будут вопросы?

Как благодарность за выступление в зале раздались аплодисменты. Через полминуты они смолкли.

— Можно мне? — В первом ряду поднялся светловолосый веснушчатый мальчик. Краснея и чуть заикаясь, он сказал: — Мне ребята велели, чтобы я спросил вас, товарищ комбриг... — Он не успел приготовить фразу и теперь робел и смущался. — Чтобы вы, товарищ комбриг, рассказали нам, за что вас наградили орденом. И вообще о гражданской войне... И еще о Халхин-Голе...

С чувством выполненного долга веснушчатый мальчик уселся, оглядываясь и показывая довольным видом товарищам, что он все сделал. Ребята поддержали просьбу аплодисментами одобрения.

— Ну, хорошо, расскажу вам немного о гражданской. Давно ведь это было, нынче война совсем иная, техника все решает, а двадцать лет назад мы были голодны и плохо одеты, винтовка со штыком да «максим» — вот и все наше вооружение. Артиллерии было мало, снарядов и патронов не хватало...

— Все равно расскажите!

— Интересно, расскажите! — слышались робкие возгласы.

— Ладно, ребята, расскажу. Вы, конечно, знаете родину Владимира Ильича Ленина — город Ульяновск. Раньше он Симбирском назывался. Знаете?

— Знаем, знаем, — раздалось со всех сторон.

— Наш 5-й отдельный Курский полк, в котором я служил тогда командиром роты, прибыл на Восточный фронт, под Симбирск. Помню, на станции Чуфарово вызвал меня комбат и поставил задачу подготовиться совершить в одну из ближайших ночей стодвадцатикилометровый марш. «Куда и зачем, пока сам не знаю, — сказал комбат, — узнаем позже. Вот, Рубцов, мандат на право реквизиции горючего любого вида: керосина, бензина... И от спирта не отказывайся. Машину грузовик тебе даю, забирай его и поезжай», — добавил он.

Вам, ребята, слово «реквизиция» непонятно? Просто-напросто получил я мандат на право в любой организации, на любой базе забрать горючее и расписать с печатью оставить, вот и все, реквизировать, значит. «Найдешь горючее — машины получишь для переброски роты, не найдешь — пешком шагать будете», — сказал комбат.

Посадил я в старенький, с длинным кузовом, грузовик десять бойцов и поехал. Двое суток мотались мы по станциям и селам. Нашли восемь бочек горючего. А после получили мы обещанные машины. Как какую-нибудь заведут, она трясется в старческой лихорадке, такую струю дыма выпу-

стит, что задохнуться можно. Красноармейцы глядят и переговариваются: «А вона не бабахнет? Как пойдим, вона и рванет, на мелки железяки разлетится, не хочу в энто гроб сам лезти...» Бойцы у нас курские, говор такой.

Теперь уже вызывает всех командиров рот и батальонов командир полка Трунов и ставит задачу сосредоточиться в деревне Лаишевка, верстах в двадцати от Симбирска. Двадцать пять автомобилей на полк получено... И вот, наконец, грохочущая, стреляющая выхлопными трубами колонна тронулась. Пятьсот бойцов при восьми пулеметах. За нашей автомобильной колонной снарядили еще длинный обоз крестьянских лошадей, запряженных в телеги. На них везли патронные ящики и другое снаряжение. Да и не раз лошади в пути вытаскивали наши автомашины из осенней грязи на раскисшей от дождей дороге.

Вечером 11 сентября 1918 года полк приблизился к Лаишевке. Очевидно, у белых здесь сил было мало: они без боя оставили деревню. Занял наш батальон позиции. Моя рота — на восточной окраине деревни. Вырыли окопы. Ночь темная, прохладная, костров приказано не зажигать. Уж в темноте выдали скудный паек — ломоть хлеба с селедкой. Время-то трудное, голодное было. На рассвете 12 сентября открыли огонь наши батареи по холмистой возвышенности, покрытой небольшими сколками лиственного леса. Осень началась, и лес красиво, разноцветно выглядел. Смотрю в бинокль, хорошо видно, как от взрывов взлетает высоко черная земля с обломками кустарников и деревьев. Там позиции белых, пулеметные точки, окопы. Сигналом к наступлению должна быть атака кавалерийского эскадрона. Ждем. Наконец слева из балки появились наши конники, дивизион Боревица. Развернулись, помчались к вражеским позициям. От топота сотен конских ног загудела земля.

Пора и нам. Поднялся я из окопа, крикнул: «Вперед, курские!» — и побежал. Стрельбы вражеских пулеметов не слышно, а пули и слева, и справа, и над головой пролетают, так тонюсенько, по-осиному жужжат. Кой-кто падает. Вижу, как спотыкаются и со всего разбега кувыркаются убитые кони. Но слева и справа волной катится вперед и вперед красноармейская цепь: весь полк в атаку пошел. Вижу, что кавалеристы уже в районе вражеских позиций, там из окопов выскакивают солдаты, оглядываясь, пускаются наутек. Удирают!

От Лаишевки до Симбирска гнали мы беляков безостановочно. Одновременно с нашей 15-й Инзенской дивизией ворвались на улицы города другие соединения и части нашей армии. Симбирск мы взяли.

После поражения Поволжской белогвардейской армии в сентябре 1918 года начали наступление и другие армии Восточного фронта.

А что касается ордена Красного Знамени, то меня наградили им за форсирование Сиваша, а нашу 15-ю Инзенскую стрелковую дивизию стали называть Сивашской. Но об этом, ребята, мы поговорим в другой раз. О Халхин-Голе я тоже рассказывать не буду, а просто попрошу кого-нибудь из участников боев побывать у вас. Как? Договорились?

— Договорились! Согласны! — закричали школьники.

— А теперь мой совет вам — хорошо учиться. Особенно тем, кому нравится военное дело. Нам нужны грамотные, глубоко знающие науки бойцы и командиры. Умейте отлично стрелять, это очень важно. Всего вам доброго, ребята!

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Сразу же после возвращения из отпуска, который супруги провели в Сочи, комбриг Рубцов отправился в штаб дивизии. То, что Федор Дмитриевич был необычно взволнован, не ускользнуло от Евгении Григорьевны. Но серьезного значения этому она не придала. Еще свежи были впечатления от беззаботно и весело проведенного месяца, как бы сократившего для них суровую уральскую зиму. И не верилось, что в январе где-то зеленеют пальмы и что это «где-то» всего в четырех сутках езды от Перми.

Вернулся Федор Дмитриевич скоро, и по лицу его можно было определить, что он очень доволен.

— Ну как, Женя, разобрала чемоданы? — спросил жену, озабоченно оглядывая комнату, где на стульях, диване лежали вещи, их Евгения Григорьевна выложила из чемоданов и еще не успела убрать. — Сегодня вечером к нам придут гости, надо бы кой-что приготовить.

— А что случилось, Федя? — Евгения Григорьевна отложила пальто, которое держала в руках, намереваясь повесить в шкаф.

— Ничего особенного! Завтра я уезжаю в командировку, вот и хотел посидеть с друзьями на дорожку. Ты только не волнуйся, — закончил он торопливо, увидев, как побелели щеки жены.

— Федор! Куда ты едешь? — Евгения Григорьевна в недобром предчувствии опустила на стул, не замечая на нем стопку аккуратно сложенного белья.

— Понимаешь, Женя! — Он заходил по комнате. — Еще летом прошлого года я подавал рапорт с просьбой напра-

вить меня вместе с дивизией, уходившей в Монголию. Не удовлетворили. Здесь, оказывается, был нужнее. Товарищи воевали, а я... Да что говорить? В общем, когда возник конфликт с Финляндией, я снова подал рапорт с просьбой направить меня в действующую... В Москве был в управлении кадров Наркомата обороны. Обещали. А сегодня позвонили от наркома в штаб. Подписан приказ о моем переводе. Завтра еду. Успокойся, Женечка! Не каждому доверяется брать линию Маннергейма.— И он добавил ласково:— Гордиться должна, глупенькая!

А она все сидела на стуле, смотрела на Федора Дмитриевича, слушала, что он говорит, и никак не могла смириться с мыслью, что он уезжает, уезжает не просто в командировку, а на войну.

Так вот куда он уходил, оставив ее на вокзале, когда возвращались из Сочи и делали пересадку в Москве! Вот, оказывается, почему он был после этого до самой Перми сосредоточенно замкнут! Вот почему он сразу, не отдохнув с дороги, ушел в штаб!

— Женечка! Я не хотел тебя волновать раньше времени. Понимаешь?— Теплые руки мужа легко подняли Евгению Григорьевну, прижали к груди.— Ну, успокойся, улыбнись, у нас мало времени! Поверь, все будет хорошо!

ИЗ ДНЕВНИКА ЕВГЕНИИ ГРИГОРЬЕВНЫ

15 января 1940 года. Сегодня проводила Федора Дмитриевича. Все произошло так быстро и неожиданно... Только оставшись с Леной на опустевшем перроне, я полностью осознала, куда и зачем уехал мой Федор. На штабной «эмке» Ян Семенович* завез нас домой. Какой все-таки душевный он человек! Дорогой старался успокоить меня, взбодрить, а у подъезда дома помог выйти из машины, признался, что очень завидует Федору и верит в него. Ян Семенович был заместителем Федора по строевой подготовке, а теперь при-
нял дивизию.

Накануне отъезда вечером у нас собрались друзья Федора, как говорится, на прощальный ужин. Были военком Иван Петрович Беляев, начальник штаба Николай Михайлович Маковчук и Ян Семенович. Говорили о службе, о задачах в связи с напряженной международной обстановкой. Выпили за скорую победу, счастливую дорогу, за возвращение. А я все не могла поверить, что Федор уедет.

---

* Я. С. Адамсон, комбриг, заместитель командира 112-й стрелковой дивизии.

Сегодня Федора Дмитриевича провожало много знакомых и незнакомых мне военных, были работники обкома партии. Стоило поезду тронуться, как я почувствовала себя одинокой и несчастной.

17 января. С головой ушла в работу... Раньше старалась выкроить время для семьи, а сейчас дома бываю мало, да и трудно быть дома: все здесь напоминает Федора. Лена — с бабушкой, за нее не беспокоюсь. У меня подобралась трудная палата, много грудных детей. С ними сложно, не скажут, где болит, совершенно беспомощны. Видеть, как мучается ребенок, и знать, что быстро избавить его от страданий ты не в силах, тяжело. Чувствую, что не хватает опыта. Очень помогает в работе врач-ординатор Наталья Кузьминична Кузнецова. Прежде чем идти к профессору или показать ребенка заведующему отделением, захожу к Наталье Кузьминичне, советуюсь с ней. Удивительная она женщина, для всех находит ласковое слово, душевное тепло. Она жена военного. Наверное, и это нас тоже объединяет.

22 января. Сегодня был очень тяжелый день. Умер ребенок. До сих пор кажется, что у меня на руках лежит вздрагивающее в предсмертных судорогах крохотное тельце. Девочка поступила с двусторонним воспалением легких. Состояние тяжелейшее. Весь день не отходила от нее, а ночью Танечке стало совсем плохо. Бедная мать, она смотрела на меня полными мольбы и ужаса глазами, но я уже ничего не могла сделать. Слишком поздно обратились за помощью к медицине. Домой пришла под утро совершенно разбитая.

Писем от Феди пока нет.

23 января. От Феди все еще никаких вестей. Понимаю, что ему сейчас не до писаний, но все равно мне тяжело. Ведь несколько фраз написать жене должен... Не могу привыкнуть к тому, что одна, мы никогда не разлучались с ним надолго. Беспокоюсь. Не выходит из головы судьба Александра Павловича Фомина, старого сослуживца Феди по Сивашской дивизии, сокурсника по академии. Вчера получила письмо от Нины, жены Фомина. Вспоминает старое, дружбу мужей. Погиб полковник Фомин в Испании. Заменял его там второй сокурсник Феди и сосед по московской квартире Родион Яковлевич Малиновский*. Вернулся ли он из Испании?

27 января. Стала внимательно следить за сводками ТАСС, слушать сообщения по радио. С еще большим нетерпением жду письма от Феди. Но по-прежнему ничего нет. Сегодня совершенно неожиданно для себя открыла, как повзрослела

---

* Р. Я. Малиновский впоследствии Маршал Советского Союза, министр обороны СССР.

наша Леночка. Увидев, с каким волнением я доставала из ящика почту, она подошла ко мне, обняла и, глядя мне в лицо такими же, как у Феди, глазами, тихо сказала: «Мамочка! Нам завтра обязательно будет письмо, завтра!» Милая моя девочка! В суматохе работы и душевных переживаний я так мало бываю с тобой! Ведь Федя, несмотря на свою большую занятость, всегда находил время для дочери.

Слушатели 4-й группы Основного факультета Военной академии имени М. В. Фрунзе. 1930 год. Слева направо: 1-й ряд — Г. В. Щелков-Езов, А. П. Пакалн, Надеждин, А. С. Ромейко; 2-й ряд — М. И. Булдаков, А. П. Фомин, Р. Я. Малиновский, Ф. Д. Рубцов, М. М. Розенблат.

28 января. Ура! Наконец письмо от Феди (Леночка-то предугадала). Оно лаконично: «Детуся! Дорогая моя! Добрался я хорошо. Сразу окунулся в работу. Теперь нахожусь в местах, откуда почта ходит нерегулярно. Готовимся к боям и кой-что уже делаем. Сама понимаешь, часто писать не могу. Береги дочку. Мамаше скажи, что я страдаю без привычного украинского борща. За меня не волнуйся. Знаю, что ты большая фантазерка, будешь представлять все в черных красках. Не надо волноваться.

Целую всех вас. Федя».

6 февраля. Письмо от Федора встряхнуло меня. Кажется, и в клинике дела пошли лучше. Много сил приложила к лечению тяжелобольного Сережи Богатырева, поступившего с

двусторонним воспалением легких (сливная форма). Сегодня Сереже стало немного лучше. Да, странно все-таки устроен человек! Какое отношение имеет письмо от Феди к Сережинному здоровью? Никакого! А мне вот кажется, что мальчик стал поправляться потому, что я получила это письмо...

НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

Блиндаж командного пункта. Подвешенные к потолку две керосиновые лампы с пузатыми, чуть задымленными стеклами тускло освещали бревенчатые стены из сырой неошкуренной ели с подсыхающей, местами отслаивающейся корой. Из таких же еловых, лишь более массивных бревен, — потолок, грязноватые неоструганные толстые доски пола, грубо сколоченные столы и табуретки.

Комбриг Федор Дмитриевич Рубцов созвал здесь совещание командиров и начальников штабов полков, начальников служб 8-й стрелковой дивизии. Открыв совещание, командир дивизии предоставил слово начальнику разведывательного отдела штаба капитану Н. М. Елизарову. Высокий молодой командир быстро поднялся со скамьи, франтовато подошел к заранее прибитому к влажной стене картонному щитку, неторопливо закрепил карту и начал докладывать:

— Характер местности перед расположением 151-го стрелкового полка — возвышенность с сильно укрепленным населенным пунктом Кирка Муола. Слева в полосе действий дивизии — перед 310-м стрелковым полком — хорошо просматриваемая местность, на которой приозерная финская деревня Пяллила. Перед ней — траншеи, несколько дотов. Подходы перекрыты проволочными заграждениями в три кола, местами поставлены мины. В центральной части межозерного перешейка густой переспелый хвойный лес. Разведчики обнаружили здесь две линии завалов, пять вражеских блиндажей. Перед населенным пунктом Кирка Муола в четыре ряда гранитные надолбы. На высоте с одноименным названием — окопы с козырьками, блиндажи с деревянно-земляным перекрытием, связанные ходами сообщения. Достоверно не удалось выяснить, но есть основания предполагать, что южнее пункта Кирка Муола имеются два железобетонных дота для стрельбы вдоль ложины фланкирующим огнем. Наблюдателям показался подозрительным стог сена севернее села. При обстреле артиллерией верх стога разнесло снарядами, и стал ясно просматриваться свод округлой формы. Церковь, что виднеется на высоте Кирка Муола, представляет массивное каменное сооружение, обнесенное толстой стеной и являющееся прочным оборонительным узлом. Перед

фронтом дивизии в дотах и других сооружениях — 31-й пехотный полк и батальон лыжников противника. Сведения о характере сооружений показаниями пленных не подтверждены, так как ни одного пленного захватить не удалось... — закончил капитан Елизаров.

8-ю стрелковую дивизию, состоящую из двух стрелковых и гаубично-артиллерийского полков, танкового батальона, батальона связи, автобата, дивизиона противотанковых орудий, госпиталя и медсанбата, хлебозавода, ветеринарного лазарета и других частей, комбриг Ф. Р. Рубцов принимал необычно: на станции и полустанки под Ленинградом днем и ночью приходили из Белоруссии эшелоны и разгружались. Части и подразделения по наскоро расчищенным трассам уходили на Карельский перешеек, в заданный район сосредоточения между озерами Киркко-Ярви и Юски-Ярви.

Линия Маннергейма представляла внушительные сооружения. Оперативная зона заграждений начиналась от государственной границы на востоке и состояла из нескольких полос и целой системы опорных пунктов. Ряды колючей проволоки, лесные завалы, минные поля, эскарпы, надолбы — все это надежно преграждало пути на огромной территории. Войска Красной Армии понесли немалые жертвы при взятии этих укреплений. После преодоления полосы обеспечения, уходящей на глубину от двадцати до шестидесяти километров, натолкнулись на сплошную оборонительную полосу...

Прошло полторы недели, как полки 8-й стрелковой дивизии наконец сосредоточились в десяти-пятнадцати километрах от линии фронта в оставленных местным населением деревнях Вайпилала, Рантала, Полталла, заняв не только покинутые дома, но и леса, примыкавшие к этим населенным пунктам, соорудив в них сотни хвойных шалашей.

Первое знакомство комбрига Рубцова с группой бойцов вновь принятой дивизии состоялось в деревне Вайпилала, куда он приехал вместе с командиром 151-го стрелкового полка полковником Николаем Иосифовичем Фоминым и командиром первого батальона этого полка капитаном Дмитрием Евдокимовичем Высоцким.

По зигзагообразной широкой и длинной улице растянувшегося селения они пешком направились в расположение одной из рот батальона. Несмотря на позднее утро, было еще темно. Небо выглядело сумрачно-туманным. Обжигающий морозный воздух затруднял дыхание, по примятому затвердевшему снегу хрустко отдавались шаги. Высокие с двускатными пологими крышами и маленькими квадратными оконцами дома, далеко стоящие друг от друга; изгороди из коротких и длинных жердей, вперемешку поставленных наис-

кость к земле, создавали особый, чужой колорит. Впереди группы шел в черном полушубке, в шлеме-буденовке комбриг Рубцов. Оглядев один из домов, из которого вертикально поднималась вверх струя дыма, он произнес:

— Зайдем-ка, Николай Иосифович.

Неподалеку два бойца с топорами проворно рубили толстые жерди на короткие поленья. Один из них, быстро собрав дрова в охапку, скользнул в дом.

— Предупредить решил, — проронил командир полка.

Помощник командира
43-го полка 15-й Сивашской
дивизии Ф. Д. Рубцов
после учебных занятий.

Поздоровавшись с часовым, вставшим по стойке «смирно», Рубцов поднялся по крутой лестнице, открыл обшитую кошмой дверь. В нос ударило характерным запахом переполненного людьми жилья: табачным дымом, потом, солдатскими портянками, варившейся едой.

— Встать! Смирно! Товарищ комбриг, второй взвод третьей роты первого батальона 151-го стрелкового полка на отдыхе. Прибыл вчера вечером. Отставших нет, все здоровы, — уверенным голосом доложил широкоплечий, небольшого роста младший командир с двумя треугольниками в малиновых петлицах. — Отдыхаем, да и к бою готовимся, товарищ комбриг, — добавил он, оглядывая бойцов.

— Здравствуйте, товарищи, — поздоровался командир дивизии, — садитесь.

В доме стояли несколько скамеек из толстых досок, прибитых к чурбакам, около десятка разных по цвету и форме стульев и старых табуреток. «Вот они, кто будет штурмовать линию Маннергейма», — подумал Федор Дмитриевич. Крепкие здоровые ребята лет по двадцати пяти — двадцати восьми, призванные в армию через несколько лет работы «на гражданке» после действительной.

До прихода командиров одни красили белой краской каски, винтовки, другие чистили оружие. Сейчас все прекратили работу, ожидая, о чем же будут говорить пришедшие. Только двое бойцов, что стояли у топившейся печи, усердно

ложками помешивали в котелках дымящееся варево. Сняв буденовку и ремень, расстегнув полушубок, комбриг присел на пододвинутую одним из бойцов табуретку и спросил:

— Каково настроение, самочувствие после стокилометрового перехода, товарищи?

Опытный командир, сам прошедший пешком тысячи километров военных дорог, Рубцов испытывал потребность знать настроение, думы солдат. Знать, верят ли они в себя, в силу своего оружия.

Красноармейцы с интересом рассматривали командира дивизии, ромбы в петлицах, на широкой груди — орден Красного Знамени и медаль «XX лет РККА». Все они впервые видели командира дивизии.

— Поход как поход, товарищ комбриг, — слышались ответы бойцов посмелее, — только дюже холодно, носы кой-кто поморозил, а так ничего...

— А говорят, дальше укрепления еще страшнее, пушками не разбить, танки не пройдут, как брать-то будем? — спросил вставший длинный, худой чернявый боец с недокрашенной винтовкой, которую он аккуратно держал за конец ствола, чтоб не испачкать руки белилами.

Федор Дмитриевич предугадывал, что именно прочность вражеских долговременных укреплений будет волновать людей, ведь о них они наверняка слышаны. По своему опыту он знал, что «солдатский телеграф» действует, откликаясь на самое злободневное, что более всего волнует людей.

— Да, укрепления финская военщина создала серьезные, в несколько линий. Но вы видели же работу нашей артиллерии? Думаю, что и в полосе нашей дивизии она тоже потрудится хорошо. Нет таких крепостей, которых бы большевики не взяли. — Федор Дмитриевич на мгновение примолк, оглядывая присутствующих. — Вы, конечно, слышали о перекопских укреплениях. А мне пришлось их не просто видеть... Тоже страшили нас эти укрепления. По тому времени первоклассными они были, что линия Маннергейма сейчас. Хотите, расскажу?

— Расскажите, расскажите, товарищ комбриг, — слышались голоса.

Рубцов встал, снял полушубок. Находившийся рядом боец принял его и повесил на стенку возле двери. Комбриг подобней уселся.

— Крымский перешеек протяженностью в одиннадцать километров еще во времена Крымского ханства был пересечен десятиметровым валом. Много сотен лет назад вручную был сооружен вал, — начал комбриг. Воцарилась тишина. Лишь потрескивала топящаяся печь, да слышалось буль-

канье и сопение варившейся в котелках каши. — Ширина вала, именуемого Турецким, у основания метров пятнадцать, вверху — три-четыре. Перед валом был ров глубиной метров до десяти. Так вот врангелевцы первую линию укреплений соорудили перед рвом: три ряда окопов с проволочными заграждениями, с ходами сообщения и блиндажами. Вторую линию — по самому Турецкому валу, устроив пулеметные гнезда с бронированными перекрытиями, способными защитить от огня тяжелой артиллерии. Перед валом и по его скату врангелевцы сделали две полосы проволочных заграждений, во рву еще полосу колючей проволоки. За Турецким валом поставили крепостные орудия, привезенные с севастопольских фортов. Вот так был укреплен вал. Южнее его шла вторая полоса укреплений — Ющуньские позиции. Правый

Ф. Д. Рубцов (сидит в центре) среди бойцов и командиров 8-й стрелковой дивизии.
Карельский перешеек.

фланг, упиравшийся в Перекопский залив, охранялся боевыми судами. Слева подходил Сиваш, Гнилое море, как его называют. Вот попробуй-ка возьми эти укрепления, тем более в ту пору, когда у нас, по существу, и артиллерии-то почти не было. И что же? Взяли!

Федор Дмитриевич рассказал, как вел он свой батальон ночью по холодной ноябрьской воде через Сиваш, как ударили они по врангелевцам с тыла. Как был он тяжело ранен в атаке под хутором Геркошан. И как на 43-ю стрелковую бригаду, в которую входил его батальон, навалился конный корпус генерала Барабовича.

— Создалась критическая обстановка: полки стали отходить. Спас положение командир дивизии Раудмец, вовремя направив на выручку свой резерв с десятком пулеметов.

На следующий день все дивизии перешли в наступление. Лобовой атакой 51-я стрелковая дивизия взяла Турецкий вал и устремилась в глубь Крымского полуострова... Вот видите, — закончил рассказ комбриг, — крепость, которую Врангель считал неприступной, не устояла против героизма красных бойцов.

Федор Дмитриевич умолк. Не рассказал он своим бойцам только того, какой ценой стоила эта победа для Инзенской дивизии. А потеряла она в те дни две трети личного состава.

— Славная дивизия, — добавил Федор Дмитриевич. — Награждена орденом Красного Знамени и сейчас именуется 15-й Сивашской стрелковой.

ПИСЬМО МУЖУ

«Федя, дорогой мой, здравствуй! Наконец-то получила от тебя первую весточку. Понимаю, что тебе там не до писем, но если б ты знал, как я переволновалась за тебя. Ведь прошло полмесяца, а письма все нет и нет. Вчера Леночка мне говорит, что завтра обязательно будет письмо от папы... Я так рада!

Ты, как всегда, бодр и весел, и по тону твоего письма может показаться, что находишься на отдыхе, а не на войне.

Столько лет, Федя, мы прожили вместе и ни разу не разлучались. Я привыкла быть всегда рядом с тобой. И сейчас за тебя очень волнуюсь. Леночка тоже сильно тоскует по тебе. Она даже по секрету призналась, как прошлой зимой, во время ее болезни, вы с нею обманули меня. Ай-яй-яй! Я Леночке разрешила тогда только чай с вареньем, а ей захотелось жареной картошки. И ты, оказывается, принес. Да еще и сказал: «Ешь скорее, чтоб никто не увидел, а то попадет нам от мамы...» Я все узнала. Но так и быть — прощаю.

Каждое воскресенье Леночка зовет меня кататься на лыжах у Егошихи. И знаешь, что говорит? «Нельзя, чтобы лыжню нашего папы занесло снегом». Только у нас стоят просто жестокие морозы, частенько столбик на термометре укорачивается до отметки минус сорок. О лыжной прогулке не мо-

жет быть и речи. Над Камой висит туман, правый берег едва виден.

Федя, когда ты уехал, я поняла, что без тебя Пермь стала мне роднее и ближе. Иду по улицам и вспоминаю: вот здесь мы гуляли с тобой, вот здесь ты любил бывать. Недавно мы, врачи, всей клиникой ходили в оперный. Слушали «Князя Игоря». Музыка мне очень понравилась, но пели слабовато...

У нас в клинике все интересуются, как вы воюете, желают скорой победы.

Федор, скажу честно, в Перми тебя помнят и уважают.

Иногда звонят Ян Семенович и Иван Петрович. Спрашивают, есть ли от тебя вести, хотят знать, как идут твои дела. Меня подбадривают. Мне кажется, они сейчас немножко завидуют тебе. Напиши им.

Леночка наша — отличница. Я работаю, дел, как всегда, хватает. Задумываюсь над твоим давнишним советом стать хирургом. Когда вернешься, поеду на переквалификацию...

Мама здорова. Она и Леночка передают тебе огромный привет! Все мы целуем тебя, Феденька, крепко-крепко и ждем домой.

28 января 1940 г.

Твоя Женя».

ШТУРМ

Сменив выведенную на отдых и пополнение 136-ю стрелковую дивизию, 151-й и 310-й полки из соединения комбрига Рубцова заняли позиции перед укрепленными пунктами Кирка Муола и Пяллиля, на четырехкилометровом перешейке между озерами Киркко-Ярви и Юски-Ярви. Местность покрыта редким хвойным лесом с огромным количеством валунов. Глубокий снег, местами до метра, стал надежным союзником противнику, отлично замаскировав вражеские траншеи, доты и дзоты.

Полторы недели 8-я стрелковая дивизия готовилась к наступлению. В тридцатиградусный мороз и пронизывающий ветер наблюдатели с высоких деревьев часами следили за финской стороной. Все, что происходило за противотанковыми надылами, проволочными заграждениями, как вел себя любой холмик или бугорок — все должно быть замечено, взято на учет. Группы добровольцев-разведчиков в белых маскировочных халатах пробирались на лыжах в расположение вражеских позиций, засекали огневые точки противника. Артиллеристы время от времени вели беспокоящий обстрел, вызывая ответный огонь вражеских батарей. Все тщательно наносилось на карту.

В то же время в тылу дивизии из снежных сугробов были сделаны макеты финских дотов. Подрывники учились передвигаться ползком за танками, подкрадываться к дотам, сновисто подкладывать тяжелые ящики с взрывчаткой. Пехотинцы отрабатывали взаимодействие с легкими танками бригады полковника Д. Д. Лелюшенко. С армейских складов к пунктам исходного положения войск саперы подвозили взрывчатку. Сначала сани с ящиками тянули лошади, затем взрывчатку перегружали на санки из обыкновенных лыж и уже попарно тащили люди, утопая по пояс в сугробах. Непрерывным потоком шли к фронту снаряды и патроны...

Полученный Рубцовым приказ на наступление предписывал дивизии овладеть районом Кирка Муола — Пяллиля, с выходом на Пэйкола повернуть в направлении Сюеноя, где соединиться с наступающей 136-й стрелковой дивизией, окружить и уничтожить группировку противника. По замыслу армейской операции этот удар рассматривался как главный с выходом к основной полосе линии Маннергейма в районе Кангаспелто (Кексгольм), прорыв ее и наступление в направлении станции Ристсеппяля.

На рассвете 11 февраля 1940 года перед оборонительными сооружениями противника загрохотали взрывы...

Позже комбриг Рубцов подписал наградной лист на командира саперной группы младшего лейтенанта Николая Кузьмича Фокина...

Получив задание сделать два прохода в надолбах, младший лейтенант Фокин с группой бойцов пробрался по глубокому снегу к месту взрыва. Гранитные камни, в четыре ряда вкопанные противником глубоко в землю, были серьезной преградой нашим танкам. Один проход Фокин поручил сделать младшему командиру Телешову, другой решил расчистить с бойцами сам. Телешов, заложив под камни минные фугасы, волнуясь, забыл доложить младшему лейтенанту о готовности к взрыву. Преждевременно, без команды подпалил шнур. Сам Фокин к этому времени тоже подготовил фугасы к взрыву. Подсоединив бикфордов шнур, он отползал в безопасное место. Вдруг неожиданно для него раздался взрыв. Осколки гранита, крупные и мелкие, с разноголосым визгом пролетели над головой. Поняв, что помощник поторопился со взрывом, Фокин каким-то внутренним чутьем ощутил, что все то, что готовил он сам, нарушено. Зло выругался и потянул за шнур. Так и есть... Шнур легко тянулся, и тут же показался оборванный конец.

Возвращаться поздно. Противник, растревоженный взрывом, осветил местность ракетами и открыл по саперам ураганный пулеметный огонь. Пули свистели беспрерывно, по-

падая в гранитные надолбы, они рикошетили, издавали противный, гнусаво зуммеривший звук. Передвигаясь ползком, младший лейтенант собрал несколько обрывков шнура. Выбрав самый длинный, понял, что поджигать его будет опасно: слишком короток. «Будь что будет!» — решил Фокин и поджег шнур. Пропахивая туловищем глубокий снег, не слыша визга пуль, он рванулся в сторону нашей обороны и втиснулся в снег... Раздался взрыв...

Очнувшись, Фокин ощутил звон в ушах, сильную головную боль, тошноту. «Контужен», — промелькнула мысль. Кругом него, озаряя местность красновато-белым светом, разбрасывая фонтаны снега, гулко рвались мины. С трудом чуть приподнялся, чтоб глянуть на результат взрыва. В предрасветном сумраке явственно увидел широкий, метра в четыре, проход. «Все в порядке», — прошептал он и, чувствуя невероятную слабость, временами теряя сознание, пополз к своим...

За четверть часа до начала артиллерийской подготовки позвонил командир 62-го артполка полковник Н. И. Торопов и доложил, что он готов к работе. Такой же доклад сделал военком 117-го гаубичного полка А. И. Олешкевич.

Сквозь рассеивающийся туман сверкнуло на горизонте красноватое солнце. Содрогнулась земля от первого залпа артиллерийских батарей. Вражеские позиции покрылись чернотой разрывов. Час работали старательные артиллеристы, отправляя снаряд за снарядом на железобетонные укрепления, траншеи и огневые точки врага.

С шипящим свистом взвилась зеленая ракета — сигнал атаки. Через считанные секунды поднялись ответные ракеты в расположении полков.

С наблюдательного пункта с напряженным вниманием рассматривал комбриг Рубцов высоту Кирка Муола. Видны были торчащие бревна дзотов, сбитые проволочные заграждения, тонкими зигзагами обозначились полосы траншей...

Разбрасывая узкими гусеницами сыпучий снег, двумя кильватерными колоннами двинулись покрашенные в белый цвет танки бригады Д. Д. Лелюшенко. Пехотинцы на лыжах в белых маскировочных халатах, едва заметными точками на снежной равнине, минуя редколесье, начали продвижение к вражеской обороне. Часто замедляя ход, временами останавливаясь, упрямо ползли к надолбам танки.

— Огонь был плотным, многие дзоты превращены в кучи обломков, теперь врагу не устоять, — удовлетворенно сказал командиру дивизии начальник артиллерии полковник В. В. Ливанский, находившийся тут же.

— Да, артиллерия поработала неплохо, — обронил Руб-

цов, не отрывая бинокля от глаз. Но вот взметнулись столбы снежной пыли там, где шли танки...

— Это же уцелевшая противотанковая батарея! Вы видите, откуда она бьет? С опушки вон того редкого леска.

— Да, да. Вижу, товарищ комбриг, — ответил полковник.

Через секунду-две ярко вспыхнул идущий впереди танк, быстро покрывшись густым черным дымом... Взрыв. Оторванная башня танка поднялась вверх и плюхнулась в снег. Загорелась еще одна боевая машина. Сошла в сторону и остановилась третья. Однако колонны танков и батальоны медленно продолжали продвигаться к высоте. Пройдены надолбы, проволочные заграждения, оставалось метров четыреста. В траншее противника, казавшейся безлюдной, неожиданно безостановочно застучал пулемет, вскоре — второй, третий... Вражеская оборона ожила. Плотный пулеметный и оружейный огонь остановил наступавших, бойцы залегли в глубокий снег.

— Противник перехитрил нас. Владимир Владимирович, немедленно свяжитесь с артполками, прикажите произвести еще один огневой налет по траншеям на Кирка Муола, — сказал Рубцов полковнику Ливанскому.

— Федор Дмитриевич, боюсь, нет снарядов. Все, что подвезено, израсходовано на артподготовку, — развел руками полковник.

— Жаль, не учли мы. На время артподготовки финны, очевидно, ушли по ходам сообщения в какие-то не раскрытые нашими наблюдателями сооружения, отсиделись там... Смотрите, Владимир Владимирович, слева от нанесенного на карте дота появились еще две огневые точки, и не только они... — Рубцов и Ливанский, досадуя на недостаточно хорошо изученную вражескую оборону, наблюдали и отмечали на карте новые огневые точки врага.

— Танки оторвались от пехоты, — процедил командир дивизии, стиснув зубы.

Всем организмом, всем своим существом ощутил он сейчас состояние лежавших в снегу людей. Не приподняться, не пошевелиться. Чем помочь им? Бросить резервный, третий батальон 310-го полка? Изменит ли это положение? Нет. Высота укреплена значительно лучше, чем установлено разведкой...

Вызвав по телефону Фомина, Рубцов приказал ему:

— Николай Иосифович, выводите полк из-под огня!

Первый день наступления не принес успеха и 310-му стрелковому полку, наступавшему на Пяллили.

Командир корпуса комдив С. А. Акимов назначил новую дату наступления — 13 февраля.

Внимательно проанализировав причины неудачи, Рубцов решил скомплектовать из коммунистов и комсомольцев ударные группы, сосредоточить в полосе действий 151-го стрелкового полка все танки из приданного танкового батальона бригады Д. Д. Лелюшенко. Высоту атаковать после артподготовки и двойного арналета по траншеям врага. Наступать в трех направлениях — с юга, востока и северо-востока. Работникам политотдела дивизии быть в батальонах, морально подготовить бойцов, личным примером увлечь их вперед.

В назначенное время 13 февраля началась артиллерийская подготовка. На этот раз гаубичный полк был использован только на уничтожении вражеских дотов. От тяжелых снарядов кусок за куском отлетал бетон, оголялись металлические прутья арматуры. Артиллерия нанесла двойной удар по вражеской пехоте. Как только огонь стал уходить в глубину, солдаты противника поторопились заблаговременно занять траншеи, но тут-то они и просчитались, понеся большие потери от повторного огневого налета.

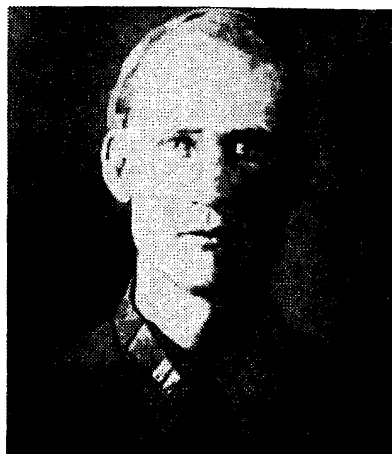
Во время наступления командир 151-го стрелкового полка Н. И. Фомин доложил комбригу Рубцову о подвиге комиссара батальона, старшего политрука Виктора Дмитриевича Кучерявого. Раненый, поднял он бойцов в атаку, сам погиб, но обеспечил победоносный натиск батальона. Вскоре после боя Рубцов узнал подробности этого подвига.

Старший политрук В. Д. Кучерявый под прикрытием бронештанга ползком вел бойцов к оборонительным сооружениям противника. До высоты оставалось двести-двести пятьдесят метров. Вражеский огонь и на этот раз остановил наступающих. Комиссар Кучерявый поднялся в полный рост, крикнув: «За Родину! За мной!», — бросился вперед.

И батальон поднялся. Вражеская пуля ранила комиссара. Он упал. Снова пулеметный и автоматный огонь противника вынудил бойцов залечь. Истекая кровью, старший политрук продолжал ползком продвигаться вперед. Находившемуся рядом с ним красноармейцу Тараносову Кучерявый сказал: «Передай комиссару дивизии и друзьям, что я сделал все что мог для выполнения приказа. И если умру, то умру за Родину». Преодолевая боль, Кучерявый снова поднялся. Несмотря на разрывы снарядов, нервную дробь пулеметов и треск автоматных очередей. В морозном воздухе отчетливо прозвучал его голос: «Товарищи! За мной! Вперед! Победа за нами!»

Припадая на раненую ногу, старший политрук повел бойцов. Через несколько шагов Кучерявый остановился, прижал руку к груди, упал. Вражеская пуля оборвала его жизнь. Но батальон рывком преодолел оставшееся расстояние и уже ворвался в траншеи противника.

Подписывая через несколько дней представление на присвоение В. Д. Кучерявому звания Героя Советского Союза, командир дивизии Ф. Д. Рубцов листал личное дело старшего политрука. На фотографии, прикрепленной к анкете, был запечатлен худощавый человек с крупными чертами продолговатого лица. В памяти Федора Дмитриевича всплыл облик комиссара 15-й Инзенской дивизии латыша Генриха Звейника. Нет, не по внешнему сходству, а по сходству стремлений, преданности пролетарскому делу. Не раз видел Рубцов этого беспокойного отважного юношу-латыша, поднимавшего бойцов в атаку, не раз слышал его страстные, западающие в душу слова, произносимые с мягким акцентом. На глазах раненого Рубцова в цепи его наступавшего батальона погиб комиссар Звейник. В порыве батальон смял тогда врага и взял курган «Острая Могила», за который дрался не одну неделю.

Старший политрук
В. Д. Кучерявый.

Через год повторилось роковое событие с вновь прибывшим комиссаром. В бою за пункт Гоксгейм под натиском на Инзенскую дивизию белогвардейского корпуса генерала Слащева дрогнул 127-й Мценский стрелковый полк. Тогда встал комиссар, старый большевик Михаил Петрович Янышев. «Товарищи! Ни шагу назад! Вперед!» — крикнул он и с винтовкой в руках рванулся на неприятеля. На глазах у бойцов комиссар покачнулся, упал. Раненный, он все-таки еще поднялся. Вторично Янышев упал, пронзенный штыком в рукопашной схватке.

А вокруг него, обливавшегося кровью, шла беспощадная борьба. Бойцы вынесли из боя тяжело раненого комиссара. Через час его не стало.

Останки героев-комиссаров покоятся у древней Кремлевской стены в Москве.

Вот такие они, комиссары. Подвиг В. Д. Кучерявого, повторившего подвиг комиссаров гражданской войны Звейника и Янышева, никогда не будет забыт.

ПИСЬМО В ПЕРМЬ

Уважаемые товарищи Ян Семенович и Иван Петрович!*

Три месяца прошло, как я расстался с вами. Бои у нас закончились, заключен договор, мы в настоящее время находимся на новой границе. Военный конфликт с Финляндией урегулирован.

Теперь, когда все позади, можно подвести некоторые итоги, сделать выводы для нашей с вами практической работы.

Скажу без преувеличения, что бойцы и командиры Красной Армии проявили массовый героизм, упорство и смелость. Более тысячи человек из нашего соединения представлены к правительственным наградам.

Однако, откровенно заявляю вам, Ян Семенович и Иван Петрович, что вести активные военные действия в условиях глубокого снега и сильного мороза с засевшим в дотах и дзотах противником очень сложно. Оборонительные сооружения были сделаны вполне на современном уровне, хорошо вписаны в местность. Огневые точки противник умело маскировал. О характере и расположении укреплений наша воздушная разведка давала нам практически очень мало информации. Наше соединение действовало на главном направлении.

Заслуживают внимания высказывания одного финского офицера, с которым мне пришлось много разговаривать, и я о них хочу вам рассказать. Вскоре после объявления о перемирии были начаты переговоры сторон о порядке отвода войск бывшего противника и перемещении советских соединений и частей на новую границу. На переговорах я был в составе нашей делегации. В один из перерывов между заседаниями, когда я вышел в соседнюю, служившую курилкой, комнату, пришел сюда же руководитель финской делегации начальник артиллерии пехотного корпуса полковник Хеклин.

— Господин комдив Рубцов, я хочу говорить с вами в неофициальной обстановке. Я хорошо знаю вашу страну, два года работал в Москве.

— Где? И кем же? — спросил я его удивленно, услышав русского речь из уст финского офицера, на переговорах не подавшего и вида, что он понимает нас без переводчика.

— Да, да, господин Рубцов. Я два года был военным аташе нашего финского посольства. Мне хочется высказать свои впечатления по ходу военных действий...

— Ну что ж, слушаю вас, господин полковник, — вступил в разговор я.

---

* Письмо Ф. Д. Рубцова комбригу Я. С. Адамсону, исполнявшему обязанности командира 112-й стрелковой дивизии, и военному комиссару этой дивизии И. П. Беляеву. Личный архив И. П. Беляева.

Сначала он говорил о малозначащих фактах и событиях. Об этой части разговора нет надобности что-то и рассказывать. Потом же Хеклин заявил:

— Артиллерия ваша действовала безукоризненно. Большинство потерь мы понесли от нее... А вот авиация, по-моему, выполняла задачи слабее. Да и у вашей пехоты не хватает выучки для действий в зимних условиях...

Я выслушал со вниманием Хеклина. Сами понимаете, лестная оценка действий нашей артиллерии представителем неприятеля вызвала у меня чувство гордости за страну, за нашу Красную Армию. В тот момент невольно промелькнула перед глазами картина развороченных железобетонных сооружений врага, и я сказал, что вполне согласен с такой оценкой действий советской артиллерии...

На командном пункте 8-й стрелковой дивизии.
На заднем плане Ф. Д. Рубцов.

— Может быть, мне не следует вступать в спор с вами, господин полковник, по поводу оценки авиации. Но ведь наша авиация вынуждена была действовать в условиях плохой погоды и видимости, — сказал я. — Да и самое главное, наше командование, прибегая к использованию авиации, всегда учитывало, что подвергается опасности мирное население.

Сощурившись, он согласно закивал головой.

Ну а в отношении пехоты я ответил вопросом:

— Скажите, господин полковник, чьей пехоте было легче действовать? Вашей или нашей? Ваша отсиживалась за укреплениями непреодолимой, как все вы считали, линии Маннергейма, а наши бойцы вынуждены были лежать в снегу по нескольку суток. Но все-таки линии Маннергейма теперь нет...

Вот такой был у меня разговор с неприятельским полковником. Главный вывод, который я делаю, это необходимость боевой подготовки личного состава в значительно более суровых условиях. При тридцатиградусном морозе приходилось ночевать в шалашах из хвойных веток.

Пехотинцы должны хорошо ходить на лыжах, и не только ходить, но и вести бой.

Признаюсь, что комсостав стрелковой части слабо подготовлен к полевой фортификации, и тем более долговременной. Блиндажи, землянки, окопы мы сооружали медленно. Думаю, что все это надо учесть в практической работе.

Пишите мне, как идут ваши дела. Как оценила боевую подготовку зимняя инспекторская поверка? Очень хотел бы побывать у вас, поговорить, посоветоваться, если такая возможность представится, дорогие мои товарищи и друзья.

30 марта 1940 года.

Ф. Рубцов

«Время получения письма от Федора Дмитриевича, — вспоминает бывший военный комиссар 112-й стрелковой дивизии Иван Петрович Беляев, ныне генерал-майор в отставке, живущий во Владимире, — совпало со временем опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении отличившихся в войне против Финляндии бойцов и командиров Красной Армии. Мы были обрадованы, что в числе награжденных орденом Красного Знамени был и прежний наш командир дивизии Ф. Д. Рубцов, получивший новое звание — комдив. Вместе с Яном Семеновичем мы телеграммой поздравили Федора Дмитриевича с награждением орденом и присвоением звания, поблагодарили его за письмо, за советы, за прежнюю совместную работу, заверили, что уральцы сделают все, чтобы использовать боевой опыт соединений, полученный в боях на Карельском перешейке, выразили пожелание встречи. В Перми жила семья Федора Дмитриевича, и мы надеялись, что он приедет за ней. Но увы... Рубцов сам приехать не смог. А когда он был переведен на новое место службы, мы еще некоторое время переписывались. Эта переписка приносила немалую пользу нашей практической работе. Но предвоенная напряженность обстановки, большая занятость помешали в дальнейшем этой переписке».

БЕЛОСТОКСКИЙ ВЫСТУП

В мае 1940 года Федору Дмитриевичу Рубцову присвоили звание генерал-майора, а в конце года он, получив назначение на должность командира 1-го стрелкового корпуса, вместе с семьей переехал в Западную Белоруссию, в город Белосток.

Нападение фашистской Германии на Польшу в сентябре 1939 года, быстрое продвижение немецких войск создали положение, потребовавшее от Советского правительства взять под защиту украинцев и белорусов, проживающих в восточных областях Польши. 17 сентября 1939 года Правительство СССР отдало распоряжение Главному Командованию Красной Армии вступить силами войск Украинского и Белорусского фронтов в западные области Украины и Белоруссии, залонив братские народы от надвигающейся угрозы фашистского порабощения. Народные собрания провозгласили Советскую власть, а в ноябре 1939 года пятая сессия Верховного Совета СССР удовлетворила просьбы народов о воссоединении западных областей Украины и Белоруссии с Украинской и Белорусской Советскими Социалистическими республиками.

Теперь наша государственная граница проходила вдоль территорий, оккупированных германскими войсками.

Предстояли неотложные задачи укрепления западных границ. Кадровые военные, получившие боевой опыт в Финляндии, переводились сюда, в части и соединения Западного и Киевского особых военных округов. После войны с Финляндией вернулась в Белоруссию и 8-я стрелковая дивизия, которой раньше командовал Ф. Д. Рубцов. Теперь она вошла в состав 1-го стрелкового корпуса. В приграничных населенных пунктах Стависки, Щучин и Коженисто разместились 151, 229, 310-й полки дивизии.

Белосток семье Рубцовых понравился. Вечерами Федор Дмитриевич с женой Евгенией Григорьевной и дочкой Леночкой любил гулять по тихим чистым улицам городка вместе. С интересом рассматривали они дворец польских магнатов Браницких, покинувших город, ратушу на рыночной площади, удивлялись обилию мелких кустарных предприятий, разнообразию витрин, вывесок, афиш. Приняв дела, Федор Дмитриевич с головой ушел в работу.

1-й стрелковый корпус прикрывал наиболее уязвимый участок западной границы. От Августова до Бреста она выступом вклинивалась в территорию Польши. Рассматривая карту, Федор Дмитриевич размышлял: «Случись война, по Бресту и Гродно ударят с обеих сторон выступа, а дальше и «мешок» затянуть могут. Опасен этот выступ, очень опасен».

Работы по укреплению границ велись не только летом, но и зимой. Сооружались долговременные огневые точки, готовились окопы и траншеи. Большое внимание командир корпуса уделял боевой подготовке. Часто уезжал в Осовец, Сокулку, Стависки, Щучин, города и населенные пункты, где дислоцировались части корпуса. Январь и февраль сорок первого были для генерала Рубцова и комсостава корпуса особенно напряженными: в марте предстояла проверка боевой подготовки комиссией Наркомата обороны. Пришлось много поработать. Комиссия осталась довольна результатами инспектирования. В аттестации на Ф. Д. Рубцова, сделанной вскоре после этой проверки, говорилось:

«...Заметен большой рост и командирская уверенность т. Рубцова в управлении корпусом. В оперативном отношении грамотный командир, в обстановке разбирается свободно... В обучении войск проявил большую энергию, настойчивость и умение... Штаб и корпусные части подготовлены хорошо. Должности командира корпуса вполне соответствует. В военное время может командовать армией»*.

Загружена работой была и Евгения Григорьевна: она заведовала организованной в Белостоке первой советской детской больницей. Сюда на коечное лечение поступали дети не только военнослужащих, но и местного населения. Поляки и белорусы, много лет прожившие в панской Польше, удивлялись, что их детей лечат бесплатно, они с трудом верили в это. По выздоровлении ребенка родители приходили к заведующей, благодарностям не было конца.

Не часто удавалось Федору Дмитриевичу возвращаться с работы домой рано. Но иногда он все-таки выкраивал вечер, чтобы побыть в кругу семьи. В такие вечера Рубцовы засиживались за полночь, советуясь, вспоминая прожитое.

— Понимаешь, Федя, здесь я как-то особенно поняла, как дорого мне все советское, наше, родное. Ты бы видел глаза полячки-матери, когда она приходит в больницу и узнает, что ее ребенок выздоравливает, что врачи его вылечили бесплатно. Наше советское полякам нравится, мы вызываем у них симпатии, и это придает силы, удваивает их!

Федор Дмитриевич с нежностью смотрел на жену, в ее счастливые серые глаза, гладил вьющиеся темные волосы.

Евгения Григорьевна любила бывать с мужем на юбилейных праздниках дивизий, на парадах и спортивных соревнованиях, с интересом слушала доклады о боевом пути и традициях соединений. Особенно запомнилась им поездка в начале июня в Осовец на юбилей 2-й стрелковой дивизии. Ог-

---

* ЦАМО СССР, личное дело Ф. Д. Рубцова № 730804.

ромное впечатление произвела на Евгению Григорьевну эта старая, построенная еще в прошлом столетии, крепость, преградившая удобный проход среди обширных болот.

— Именно через этот коридор в 1708 году прошла шведская армия Карла XII, — рассказывал Федор Дмитриевич. — Крепость строилась долго и основательно. Жаль, что она хорошо известна немцам, ведь в первую мировую войну попа-

Ф. Д. Рубцов с женой Евгенией Григорьевной
и дочерью Леной.

дала в их руки. В прочности крепостных сооружений сомневаться нет оснований, перекрытия восьмиметровой толщины, броневые, задраивающиеся намертво двери казематов. Но вряд ли в современных условиях наступающие войска повторили бы прошлое. Тогда немцы длительное время осаждали крепость тяжелой артиллерией, применили отравляющие вещества. Нет, теперь удар будет наноситься не сюда, лобовые действия не принесут успеха... Они хорошо знают крепость...

— Значит, ты считаешь, что война с фашистами все-таки может быть? — с тревогой спросила Евгения Григорьевна, пристально вглядываясь в лицо мужа.

— Ну зачем же задавать такой вопрос, Женечка? Нужно быть ко всему готовым, — уклончиво ответил Федор Дмитриевич. — А теперь пойдем, затянулась наша «экскурсия».

Если бы знали тогда Рубцовы, что всего через две недели война вплотную подойдет к их дому, черной тучей закроет небо Родины...

НЕТ, НЕПРОСТА...

В последнее время генерал-майор Рубцов вечерами подолгу задерживался в штабе. И не только потому, что днем изводила июньская жара, а к вечеру она спадала, шум города умолкал и работалось лучше. Все тревожнее и тревожнее становилось на границе. И у командира приграничного корпуса нарастала забота о боеспособности и боеготовности частей и соединений. В кабинете с причудливыми лепными украшениями на потолке, с высокими, метра в три, но узкими окнами, через которые в вечерних сумерках виднелась взметнувшаяся далеко в небо островерхая башня красного костела, вековые дубы и липы старого сквера, разливала зеленоватый свет настольная лампа, стоявшая на массивном столе из мореного дуба.

Генерал был задумчив. Перед ним лежал документ. Это была разведсводка штаба Западного Особого военного округа, подписанная начальником штаба генерал-майором Климовских и начальником разведотдела полковником Блохиным.

Рубцов время от времени рассматривает карту, перечитывает сводку: «Восточно-прусское направление. В границах справа Сувалки — Хальбург, слева Щучин — Найденбург размещаются штаб 9-й немецкой армии (город Алленштейн), четыре штаба армейских корпусов, девять штабов пехотных дивизий... В районах Алленштейна, Лидзбарка — две пехотные и две моторизованные дивизии, десять артиллерийских полков... Основная часть соединений и частей находится в тридцатикилометровой полосе от границы. В районе Сувалки — Арис продолжается подтягивание войск и тылов к границе. Артиллерия размещена на огневых позициях. Имеются достоверные сведения о местонахождении в районе Ольшанки (южнее Сувалок) тяжелой и зенитной артиллерии. Там же сосредоточены танки... В районе Остроленка — Остров-Мазовецка неоднократно замечен в ночное время шум моторов. В районе Бяла-Подляска сорок эшелонов переправочных средств (деревянные фермы, металлические понтоны)...»*.

* ЦАМО СССР, ф. 208, оп. 2454, д. 26, л. 70—73.

Мысли невольно сосредотачивались на угрозе, нависающей над соединениями корпуса, на их боеготовности. Неспроста же на территории, примыкающей к границе на протяжении полуторасот километров, сосредоточено тринадцать немецких дивизий. Нет, неспроста...

Вспомнилось последнее совещание в штабе 10-й армии. Проводил его командующий военным округом генерал армии Д. Г. Павлов, которого Рубцов знал по финской войне. В ту пору Дмитрий Григорьевич командовал механизированным корпусом. Теперь он — генерал армии, Герой Советского Союза. Внешне суров и немногословен. Пронзительный взгляд, крупное морщинистое лицо, бритая до блеска голова, широкие плечи. Не любит возражений, не прислушивается к ним. На совещании шел разговор о строительстве сооружений укрепленных районов. Более всего Рубцова взволновал доклад начальника 66-го укрепленного района полковника В. А. Дралина. По плану прикрытия границы часть войск 1-го стрелкового корпуса Рубцова должна занимать сооружения укрепрайона. Пятьдесят три дота, расположенные на выгодных позициях, могли бы сыграть большую роль. Рубцов отлично знал, что большинство из них не окончены, связью не обеспечены.

Рубцов докладывал на этом совещании о строительстве бутобетонных и деревоземляных сооружений силами 57-го саперного батальона и стрелковых частей его корпуса. Рассказывал о результатах испытаний на прочность, проведенных незадолго до совещания. Бутобетонный дот выдержал восемь прямых попаданий снарядами стопятидесятидвухмиллиметровой гаубицы. Деревоземляные огневые точки легко разрушались с первого же попадания. Рубцов предлагал на наиболее важных направлениях строить бутобетонные сооружения, обратить особое внимание на строительство укреплений в глубине обороны. К сожалению, предложение о необходимости эшелонирования обороны не встретило поддержки командующего округом.

На совещании выступили с сообщениями командиры корпусов: 5-го стрелкового — генерал-майор А. В. Гарнов, 6-го кавалерийского — генерал-майор И. С. Никитин, 6-го механизированного — генерал-майор М. Г. Хацкилевич. Последний обрадовал участников, заявив, что корпус получил новую технику. А это означало, что укомплектовался он новыми танками КВ и Т-34. Участники совещания говорили и о роли крепостей Осовец и Ломжа в отражении возможного нападения, а генерал-майор А. В. Гарнов выразил беспокойство по поводу невыгодности конфигурации границы при внезапном нападении: слишком велик выступ в западную сторону, не

может быть, чтобы будущий противник не воспользовался этим.

Генерал армии Д. Г. Павлов хмуро взглянул тогда на Гарнова, сказав, что каждому надо думать о своих делах. А об этом штаб округа позаботится.

Смысл заключительного выступления командующего сводился к внушению, чтобы не паниковали. Он говорил, что немцы добросовестно выполняют пакт о ненападении, что сосредоточение войск — это еще не признак подготовки к войне с нами. Известно, что Германский генеральный штаб неоднократно переносил дату готовящегося вторжения в Англию. С точки зрения подготовки операции и создания группировки войск вдали от Британских островов, при отличных транспортных возможностях Германии с ее автострадами сосредоточение вполне оправдано: обеспечение скрытности...

Сейчас Федор Дмитриевич углубился в просмотр «красной папки», содержащей совершенно секретные сведения по плану прикрытия границы. Насколько наши предположения по возможным группировкам немецких войск и их дислокации, изложенные восемь месяцев назад в документе, планирующем прикрытие границы, верны? Соединения 1-го стрелкового корпуса должны будут удерживать противника от Граево до Конты, в семидесятикилометровой полосе. За границей, прикрываемой 8-й стрелковой дивизией, обширное плато с перелесками и высотками, пригодное для сосредоточения и развертывания войск. Здесь большое количество дорог, идущих из Восточной Пруссии. Рельеф местности между Щучиным и Грабово удобен для действий всех родов войск. Опасен прорыв противника в направлении Щучин, Родзилув, Визна: он отрезает части 8-й стрелковой дивизии и поставит их в крайне затруднительное положение. Плацдарм южнее этого плато менее удобен для широких действий, но в лесных массивах здесь могут быть сосредоточены крупные силы войск противника. Разведывательная сводка отмечает именно в этом районе немецкие войска численностью до двух дивизий.

Восемь месяцев прошло, как Федор Дмитриевич вступил в обязанности командира стрелкового корпуса, а 8-й стрелковой дивизией, с людьми которой он сроднился при прорыве линии Маннергейма, теперь командует полковник Николай Иосифович Фомин, бывший командир 151-го стрелкового полка. Начальником штаба служит подполковник Матвей Абрамович Концевой, бывший начальник штаба капитан Н. М. Макаров теперь заместитель командира дивизии, подполковник.

Приезжая в Стависки, где сейчас располагался штаб дивизии, встречая боевых друзей, Федор Дмитриевич чувство-

вал себя несколько необычно: ведь его эта дивизия. После учений или проверки боевой подготовки генерал находил время запросто посидеть за чашкой чаю, поговорить по-товарищески о текущих делах, вспомнить бои за Кирка Муола. О том, что к концу операции из личного состава 151-го стрелкового полка, которым тогда командовал полковник Н. И. Фомин, удалось сформировать лишь батальон, конечно, тяжело вспоминать. Но война есть война. И как-то уж так повелось, об этом старались не говорить.

Теперь, проверяя 8-ю стрелковую дивизию, командир корпуса отмечал, что боевая подготовка в ней поставлена значительно лучше, чем во 2-й дивизии полковника М. Д. Гришина. Боевой опыт, полученный в боях на Карельском перешейке, помогает командному составу в его работе.

Обстановка на границе напряжена. К повышению бдительности призывает и приказ, полученный от командующего 10-й армией генерал-майора К. Д. Голубева: «В течение ближайших дней усилить бдительность охраны всех складов, казарм, помещений и городков»*. Но почему же тогда несколько дней назад предложено отправить из корпуса два артиллерийских полка на полигоны для учебных стрельб?

Тщательно обдумав подготовленные начальником штаба документы на проведение выездного штабного учения, генерал-майор Ф. Д. Рубцов подписал их.

Далеко за полночь, взглянув на часы, он подумал: «Ну и засиделся опять, Женя давно уже спит». Командир корпуса неторопливо собрал документы, перенес их в тяжелый сейф. Захлопнул массивную дверцу, запер и опечатал его.

Кончился обычный день.

22 ИЮНЯ

Гул артиллерийской канонады, неожиданно донесшийся с границы до белорусского села Визна, прервал сон штабных командиров, по-походному расположившихся на ночлег в помещении Визненского сельского Совета, накануне освобожденного для размещения штаба 1-го стрелкового корпуса, который прибыл сюда для руководства учениями. Все с тревогой вскочили... Снаряды рвались где-то в пяти-шести километрах, между Визной и границей, проходящей в полутора десятках километров.

— Что это такое? — с тревогой озираясь по сторонам, пытаясь надеть правый хромовый сапог на левую ногу, спросил

---

* ЦАМО СССР, оп. 5908, д. 3, л. 80.

шифровальщик лейтенант В. П. Белослудцев своего непосредственного начальника капитана Ф. Д. Каткова.

С вечера они вместе расположились на отдых в маленькой комнатке, накануне отведенной им для работы на учениях под спецчасть. Капитан Катков, быстро одеваясь, глянул на свои наручные часы со светящимся циферблатом, заметил на них время — четыре ноль-ноль, спокойно произнес:

— Война, товарищ Белослудцев. Война.

В прошлом участник боев на Карельском перешейке, услышав артиллерийскую стрельбу, Катков вмиг вспомнил события последних дней и уже не сомневался, что война.

За дощатой перегородкой, оклеенной обоями, в соседней большой комнате, где ночевали штабные работники, стало шумно от всеобщего движения и тревожных возгласов. Потом кто-то незнакомым, взволнованным голосом громко спросил: «Где капитан Катков? Мне капитана Каткова...»

В комнату шифровальной службы, тяжело дыша, вбежал боец с винтовкой, с шинельной скаткой через плечо. Пот градом лил с его лица.

— Вы капитан Катков?

— Да.

— Распишитесь! — вытирая левым рукавом гимнастерки пот со лба, правой рукой он протянул лист бумаги. Это была очень короткая шифровка с обозначением «молния».

Взяв дешифровальную таблицу, Ф. Д. Катков быстро расшифровал радиограмму. Появившийся помощник начальника оперативного отдела майор Е. С. Ставровский забрал шифровку для передачи генералу. Текст ее был лаконичен. В ней приказывалось командующим армиям, командирам корпусов и дивизий. Поднять части по сигналу «Гроза».

Уже в следующую минуту, когда Катков сам пошел к командиру корпуса, генерал-майор Рубцов в маленьком кабинете, на двери которого было написано «Председатель сельисполкома», читал шифровку вслух командному составу штаба корпуса... Между тем где-то вдали стреляли орудия, а в расположении частей корпуса, штабов и красноармейских казарм рвались снаряды, небо заполнял гул моторов: эскадрильи чужих самолетов шли на восток со смертоносным грузом...

Внимательно всматриваясь в лицо генерала, слушая его спокойную речь, Катков на какой-то миг мысленно перенесся в обстановку его служебного кабинета в Белостоке, когда два дня назад сразу же после разбора армейских учений, проведенных командующим, командир корпуса собрал всех работников своего штаба. Кабинет был тогда переполнен,

многие стояли, Ф. Д. Рубцов, не вставая с кресла, оглядел присутствующих, спокойно сказал: «Завтра, 21 июня в шесть ноль-ноль выезжаем в лагерь. Погрузите с собой все необходимое имущество и сейфы с документами. Переписать адреса родителей и родственников, проживающих внутри страны. Семьям на всякий случай собрать наиболее необходимые вещи. Разъяснить женам, что по всем вопросам в наше отсутствие они могут обращаться к майору Григорьеву...»

В кабинете воцарилась глубокая тишина. Предчувствие надвигающихся недобрых событий овладело присутствующими. Но вопросов никто не задал.

Сейчас, окончив читать расшифрованную радиограмму, Ф. Д. Рубцов сделал паузу, посмотрел на полковника А. М. Соколова — начальника штаба, потом перевел взгляд на начальника оперативного отдела, сказал:

— Товарищ Ставровский, немедленно отправьте с предвзятельными распоряжениями по дивизиям и частям капитанов Воронина и Филанчука, майора Игнатенко, старшего лейтенанта Аполлонова. Приказ доставить дополнительно: Использовать штабной транспорт, автомобили, мотоциклы. Начальникам служб действовать согласно боевому расписанию.

— Есть, товарищ генерал! — ответил майор Ставровский.

— Товарищ Соколов, — обратился Рубцов к начальнику штаба, серьезному, немногословному полковнику, срочно отредактируйте приказ... Все свободны.

Через полминуты кабинет командира корпуса опустел. Остались только полковник А. М. Соколов да капитан Ф. Д. Катков.

— Александр Миронович, — Рубцов обратился к полковнику Соколову совсем обычно, как он делал это раньше, — кто же будет печатать боевой приказ? Вызвана ли машинистка?

— Извините, товарищ генерал. — Капитан Катков встал по стойке «смирно». — Прошу вас поставить подпись в подтверждение получения шифровки, отметить время. Извините, так требует инструкция, товарищ генерал.

— Да-да, Федор Дмитриевич, сейчас отмечу, — сказал командир корпуса, пристально взглянув на Каткова, — дайте ваш журнал. — Красным карандашом он поставил дату: «22-06-41», время: «04.13» и размашисто расписался...

Несколько дней назад, обдумывая схему прикрытия границы, подробно изложенную в «красной папке», командир корпуса с озабоченностью разглядывал топографическую карту участка границы между Грабово и Щучином. В случае вторжения с запада на советскую территорию эта местность

удобна для действий всех родов войск неприятеля. Прорыв противника в направлении Родзилув — Визна отрезет части 8-й стрелковой дивизии от остальных сил корпуса, раздробит его. И если превосходящими силами противник нанесет еще удар в стык между 1-м и 5-м корпусами в направлении Новогруд — Ломжа, а здесь танкоопасное направление, то положение 8-й стрелковой дивизии очень осложнится.

Возможные удары противника в направлении Кольно — Стависки с форсированием реки Нарев, а тем более вдоль железной дороги Граево — Руда — Осовец не смущали Рубцова. При разработке плана прикрытия границы на наиболее опасном направлении (рубеж Щучин — Мантусово) он предусмотрел развертывание 229-го стрелкового полка 8-й стрелковой дивизии, получившего боевой опыт в финской кампании. Кроме того, участок Щучин — Мантусово прикрывался 117-м гаубичным артиллерийским полком.

Тогда Федор Дмитриевич думал, что 200-й стрелковый полк 2-й стрелковой дивизии, который займет рубеж обороны по берегу реки Бобр, к югу от крепости Осовец, в случае прорыва противника можно будет использовать для флангового удара. Поэтому сейчас, представив, что громадные силы, сосредоточенные по ту сторону границы, уже вторглись на нашу территорию, командир корпуса пристально разглядывая на развернутой топографической карте обозначения дорог и перелесков на равнинной местности, лишенной естественных препятствий для движения вражеских войск, резкими, неровными движениями заштриховал этот участок...

Не мог знать командир 1-го стрелкового корпуса, дивизии которого в семидесятикилометровой полосе от Граево до Конты должны были прикрыть государственную границу, что еще 2 июня 1941 года начальник Германского генерального штаба генерал-полковник Гальдер подписал особой важности секретный приказ о вводе через этот участок 42-го армейского корпуса под командованием генерала Вальтера Кунце в составе 87, 102, 129-й пехотных дивизий вермахта, что в качестве усиления ему придавались два полка СС, два кавалерийских полка, бригада с условным кодовым названием «900...», что танковая дивизия из группы Гудериана, стоявшая у Остроленки, изготовилась нанести удар сначала по 6-й кавалерийской дивизии в Ломже, а затем — по левому флангу корпуса генерала Рубцова и устремиться на Белосток.

Теперь эти силы двинулись, круша и уничтожая все на пути, чтобы не дать возможности советским войскам опомниться, прийти в себя...

Первое, что было сейчас необходимо командиру корпуса, — в ближайшие минуты получить возможность управлять

дивизиями и артиллерийскими полками... На самом уязвимом направлении — 229-й стрелковый полк 8-й стрелковой дивизии.

— Александр Миронович! — отрываясь от карты, Рубцов обратился к начальнику штаба полковнику Соколову. — Любыми средствами, телефоном ли, радио ли, установите связь с командиром 229-го полка Придачным. Второе. Поскольку 117-го гаубичного у нас сейчас нет *, то 130-й корпусной артполк из Красного Бора срочно перебросить на это направление. 262-й артполк пусть следует из Красного Бора ** на свои позиции: роща южнее хутора Джебзя... Третье. Нужна связь с управлением укрепрайона. Александр Миронович, без совместных действий с ним мы многое проиграем в общей обороноспособности...

— Понял, товарищ генерал. Сейчас свяжусь с 229-м полком и УРОм, разыщу полковника Баландина, он обеспечит. — Полковник Соколов вышел из кабинета.

— Симоненко! — позвал Рубцов адъютанта. Услышав свою фамилию, из общей комнаты сельсовета вбежал маленький, широкоплечий, порывистый лейтенант лет тридцати.

— Слушаю вас, товарищ генерал.

— Иван Алексеевич, — разглядывая карту, начал отдавать распоряжения командир корпуса. — Первое — подготовить машину для поездки в дивизию, если найдется краска, замаскируйте ее, получите ручной пулемет, гранаты. Второе — разыщите полковника Баландина. Третье — организуйте, чтоб на случай бомбежки во дворе подготовили укрытия, щели просто... На первое время вполне удовлетворят...

Один день, который имелся в распоряжении штаба 1-го стрелкового корпуса, накануне выехавшего на свой командный пункт в село Визну, позволил заместителю начальника штаба корпуса по связи полковнику В. Ф. Баландину проверить состояние коммутатора Наркомата связи, протянуть дополнительные линии от него до штаба корпуса, соединить проводной связью штаб с расположением корпусных радиостанций, находящихся в полутора километрах от Визны, в лесу неподалеку от шоссе на Белосток.

Проба связи накануне не удовлетворила полковника В. Ф. Баландина. С дивизиями ему удалось связаться, хотя слышимость была плохой, но с Белостоком еще с вечера связи вообще не стало. Посланная на восстановление группа связистов не вернулась. Ночью прервалась связь и с дивизиями.

---

* Находился на окружных стрельбах.

** Артиллерийский полигон в 18 км от Ломжи.

Только теперь ему стало ясно, почему это произошло. Услышав разрывы снарядов, гул авиации в воздухе, полковник В. Ф. Баландин понял, что началась война. Теперь от него, отвечающего за состояние связи, требуется сделать все, чтобы дивизии, полки, батальоны были подчинены единой воле и в любой момент могли выполнить маневр, который определит штаб корпуса.

Еще никогда он не чувствовал такой громадной ответственности, какая сегодня легла на его плечи. Сразу же, как только ему стало известно о содержании первой шифровки, он бросился на телефонную станцию, чтобы сделать все возможное для установления связи с дивизиями и частями.

На коммутаторе младший командир И. П. Новоселов, помощник командира взвода связистов, старательно накручивал ручку индуктора, вскоре он вызвал штаб 8-й стрелковой дивизии, расположенной в селе Стависки. Ответил ему дежурный по штабу старший лейтенант В. М. Власенко. Разговаривать с ним стал сам полковник Баландин:

— Я по поручению «сто тринадцатого»*. Доложите обстановку.

Сквозь шорохи и треск, доносившиеся в телефонной трубке, Баландин расслышал взволнованный голос Власенко и едва уловил то, что он говорил:

— «Сто девятнадцатый»** приказал сообщить, что части дивизии подняты по боевой тревоге и сосредотачиваются согласно боевому приказу 01. Просил ускорить переброску 262-го артполка. Сами мы с Ломжей связаться не можем. «Сто девятнадцатый» выбыл на командный пункт. Стависки только что бомбила немецкая авиация, село и склады горят...

Ни с Белостоком, ни со Осовцом, ни с Ломжей, ни с Красным Бором полковник Баландин связаться не смог. Беспомощным и бескрылым почувствовал он себя, когда лейтенант И. А. Симоненко сообщил ему о вызове к командиру корпуса. Боевой приказ артиллерийским полкам в Красный Бор не передан, с дивизией в Осовце связи не установлено...

— Товарищ Новоселов, свяжитесь с командиром вашей роты, узнайте, налажена ли радиосвязь с штабом армии, — приказал полковник Баландин. В голосе его чувствовалось раздражение. — Пусть немедленно сообщит мне, — добавил он, направляясь в штаб корпуса.

Обычно весельчак и балагур, несмотря на свой уже немолодой возраст — месяц назад ему исполнилось сорок, — любивший острую шутку и пикантный анекдот, сейчас он шел

* Постоянный позывной Ф. Д. Рубцова.

** Постоянный позывной командира 8-й стрелковой дивизии полковника Н. И. Фомина.

к командиру корпуса удрученным. «Не настолько же я лично виноват, — размышлял В. Ф. Баландин, — чтобы полностью отвечать за случившееся. Скорее это не вина, а беда. Ведь надежную связь могли обеспечить лишь кабельные линии и заранее подготовленные узлы связи, а не однопроводные многокилометровые линии и коммутаторы Наркомата связи...

— Допустим, товарищ полковник, ваше предположение об умышленной порче проводных линий верно, — хмурясь, сказал генерал Рубцов, выслушав доклад о состоянии связи. — Почему же вы не установите связь с Белостоком и Осовцом по радио? На учениях же радиосвязь всегда работала бесперебойно. Вас хвалили за радиосвязь. Не так ли, полковник?

— Да, товарищ генерал-майор, на учениях радиосвязь работала хорошо. Но сегодня, как мне доложили, на всех частотах, на которых работают наши рации, появились такие шумовые помехи, что совершенно невозможно ни передать, ни принять. Вероятно, немцы заранее подготовили и включили специальные помехосоздающие установки, товарищ генерал.

— Что же, и такое может быть. Но без связи, Владимир Федорович, нам ничего не сделать, — сказал командир корпуса, сдерживая себя от нахлынувшего раздражения, стараясь не показывать его. — На войне без связи нельзя. Отправляйте мотоциклистов, восстанавливайте проводную связь. Кроме того, я не верю, что все частоты могут забиваться. Как угодно, но связь должна быть! — жестко закончил разговор Рубцов.

200-й СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК

Гул артиллерийского обстрела поднял в четыре часа утра весь личный состав 200-го стрелкового полка.

Командиры взводов, рот, батальонов, жившие, как и бойцы, в летних палатках на территории крепости Осовец, в несколько минут с боевым оружием и амуницией выстроили на плацу полк и ждали появления командира. Дежурный по части старший лейтенант Н. Д. Колбанов доложил командиру полка о получении сигнала «Гроза» и спросил его:

— Какие будут указания, товарищ майор?

— Пакет, пакет мне! — произнес майор Г. Д. Маврин. Он сугубо по-граждански поздоровался с подошедшими командирами батальонов майором М. И. Солдатовым и старшим лейтенантом Е. А. Калячкиным: — Здравствуйте. Батальоны вывести в прилегающий к крепости лес, — приказал им.

Сам же вслед за дежурным по части забежал в штабное помещение и взял уже извлеченный из сейфа пакет под пятью сургучными печатями, со специальной пометой, старательно выведенной красивым почерком на лицевой стороне пакета, и бросился догонять ушедшие батальоны. Прислушиваясь к артиллерийскому гулу на границе, уже не сомневаясь, что началась война, он с болью в сердце подумал о судьбе батальона капитана А. А. Исакова. Этот батальон с середины мая находился на строительстве долговременных огневых точек у самой границы, там, где сейчас грохотало. Майор Г. Д. Маврин вспомнил, что на строительство дотов направлено по одному батальону из стрелковых полков Ф. Т. Леусова и В. В. Придачина. «Вот им-то и выпала участь первыми вступить в бой», — подумал он.

Маврин догнал свой полк, когда батальоны уже входили в низкорослый лес, раскинувшийся на увлажненной долине реки Бобр. Сосны, ольховник, осины курились дымкой утреннего тумана. Отдав приказания командирам батальонов о боевом охранении и наблюдении, майор разрешил привал. Опустившись на мокрую от росы траву, он достал и наконец вскрыл пакет. Быстро прочитал приказ, написанный тем же каллиграфически правильным красивым почерком: «200-му стрелковому полку занять оборону боевого участка по левому берегу реки Бобр: справа крепость Осовец (исключительно), слева крутой поворот реки, расстояние по фронту шесть километров. Левый фланг открытый... Задача полка не дать противнику форсировать реку и не пропустить его в обход крепости с юга... Связь с командным пунктом дивизии, находящимся в Осовце...»

Не прошло и часа, как на всем протяжении участка обороны красноармейцы копали окопы, строили блиндажи, укрытия, наблюдательные пункты. Между тем справа, в стороне Осовца, слышались рокот десятков самолетов и разрывы тяжелых бомб, в крепости появились огромное пламя и дым, а с границы по-прежнему доносился гул артиллерии...

НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ

Из поступивших в первой половине дня донесений от частей 8-й стрелковой дивизии штабу корпуса стало ясно, что противник нанес наиболее ощутимые удары в районе Щучина по 229-му стрелковому полку и в районе Кольно — Борково — Конты по обороне 310-го стрелкового полка. Части дивизии на сорокакилометровом фронте совместно с подразделениями 66-го укрепленного района и 87-го пограничного отряда, опи-

раясь на ранее созданные узлы обороны, ведут сдерживающие бои с превосходящими силами противника. Враг, пользуясь внезапностью, захватил приграничные деревни Коты, Раково, Кольно, Малы Плоцк.

Сообщение об оставлении населенных пунктов на левом фланге обороны корпуса взволновало генерала Рубцова. Он отлично сознавал неблагоприятность обстановки, в которой вступил в боевые действия корпус. Полки не могли заблаговременно занять установленных оборонительных позиций, связь нарушена, управление соединениями и частями не налажено. Однако скидки ни на внезапность удара врага, ни на отсутствие связи быть не может. Боевая задача корпуса — вести упорную оборону до последних сил — не может быть изменена, как оговорено в оперативных планах: «корпусу отходить не разрешено». Ему, командиру корпуса, необходимо сделать все, чтобы каждый населенный пункт удерживался нашими войсками до последней возможности. И генерал принял решение немедленно выехать в 310-й стрелковый полк, чтобы разобраться в обстановке на месте.

Много лет спустя бывший командир 1-го стрелкового батальона старший лейтенант в отставке Александр Егорович Каменев * вспоминает:

«Мой батальон постоянно размещался в белорусской деревне Коженисто. Война же застала меня и батальон в двадцати километрах от Коженисто, на окраине Ломжи, куда накануне мы маршем прибыли на артиллерийский полигон, чтобы отработать общую с артиллеристами учебную задачу: стрельба боевым снарядом через головы своих войск.

Утром 22 июня, услышав сильные взрывы, я выбежал из палатки и увидел, что в трех-четыре километрах от нас авиация бомбит аэродром. Было четыре часа утра.

С разрешения начальника артиллерии дивизии полковника В. Н. Журавлева, вскоре прибывшего в свой штаб, личный состав батальона, быстро получив на завтрак сухой паек, своим ходом вышел на Коженисто.

Мы прошли мимо разбитых взрывами домов, административных зданий и военных казарм в Ломже. Ускоренным маршем, сокращая расстояние, полевыми дорогами я привел батальон в Коженисто. Люди, экипированные по полной боевой выкладке, устали от такого напряженного перехода по июньской жаре. Нас встретил исполнявший обязанности командира нашего 310-го стрелкового полка капитан Б. Я. Попов.

* А. Е. Каменев проживает у себя на родине в д. Заонохово Оханского района Пермской области.

Я начал докладывать ему о прибытии батальона. Прервав меня вопросом «Потери есть?» и выслушав ответ, он сообщил коротко об обстановке:

— Конты, Малы Плоцк, Раково, Кольно захвачены немцами. 2-й и 3-й батальоны ведут сдерживающие бои на высотах восточнее этих населенных пунктов и в деревне Борково... — При упоминании Борково я почувствовал прилив крови к лицу, учащенное сердцебиение: моя семья, жена и трое детей, находились в этой деревне, там мы жили... Капитан продолжал: — Батальоны несут большие потери. Ваша задача, приблизившись к Борково, одной ротой занять высоту севернее Борково и открыть огонь из стрелкового оружия по немцам в деревне Раково, использовать ротные минометы. Двумя же другими ротами пройти по лощине от Борково к Раково, взять деревню, затем этой же лощиной подойти к Кольно и выбить немцев. Только что на командном пункте полка был командир корпуса и приказал отбить утраченные населенные пункты. Комбату третьего батальона Н. А. Пялову я приказал контратаковать и выбить немцев из Малы Плоцк.

Быстро собрав командиров рот, я поставил задачу и перед ними.

Первую часть приказа батальон выполнил: из Раково врага мы вышибли, уничтожив десятка полтора его солдат. 2-я и 3-я роты решительно двинулись на Кольно. Но нашей атаке фашисты противопоставили пулеметный и автоматный огонь такой плотности, что мы вынуждены были залечь и окапываться. Роты понесли большие потери. От связных я узнал, что погиб командир 2-й роты Сикорский, тяжело ранен командир 3-й роты Жданович.

Мне пришлось назначить командирами рот младших лейтенантов, до этого командовавших взводами. Откровенно говоря, я серьезно задумался: что же делать? Приказ командира корпуса я не выполнил, Кольно взять не смог. Повторять атаки — погубить батальон. Решил Кольно взять ночью. Послал связного на КП полка с донесением об обстановке, потерях и принятом мной решении. Вскоре в расположении батальона появился начальник штаба полка майор И. Н. Новиков. От имени командира корпуса он приказал прекратить атаки и отвести батальон на Коженисто. Под прикрытием 1-й роты я увел батальон...»

ВЕЧЕРОМ

В течение дня Ф. Д. Рубцов исколесил не одну сотню километров. Он побывал во многих частях дивизии полковника Фомина, увидел тех, кто принял первый, внезапный и ошеломляющий, удар немецкой военной машины. Поминутно менялась и все более осложнялась обстановка. Генерал Рубцов лично приложил неимоверные усилия, чтобы наладить в этом калейдоскопе военных событий управление. Он с горечью смотрел на дымные зарева над складами боепитания, продовольствия, бензохранилищами, штабами — все пожирал огонь, уничтожали взрывы. Машину генерала неоднократно атаковали патрулировавшие над шоссе вражеские самолеты, обстреливали автоматными очередями укрывшиеся в лесу, очевидно, диверсанты.

К вечеру командир корпуса со своим адъютантом вернулся в Визну. Как ни велико было желание побывать в Осовце, в дивизии полковника К. П. Дюкова, чтобы посмотреть обстановку на месте, а выехать в этот день он туда не смог. Слишком много затратил времени на 8-ю стрелковую дивизию и чувствовал, что ему надо быть на своем командном пункте. Рубцов твердо решил выехать в Осовец ранним утром завтрашнего дня.

Визну генерал застал в сплошном огне. В наступающих сумерках казалось, что горят не какие-то отдельные строения, а пылает громадный, раскинувшийся на большой площади костер.

Рубцов понял, что командный пункт без него перенесен уже во второй эшелон штаба, в сосновую рощу за рекой, где находились радиостанции, транспорт снабжения и другие машины. И он приехал туда по обгоревшему, но вовремя потушенному, еще дымившемуся мосту. Через четверть часа был на месте.

Полковника А. М. Соколова он разыскал в штабном автобусе. Начальник штаба просматривал отпечатанную на машинке оперативную сводку первого дня войны.

Устало опустившись на сиденье, закурив, генерал при тусклом свете автобусного потолочного светильника внимательно прочитал сводку, мысленно сверяя верность изложения в оперсводке обстановки по дивизии Фомина с фактической, отмечая, что сведения излагаются с большим опозданием...

Не ожидая вопросов, начальник штаба первым заговорил о 2-й стрелковой дивизии:

— С Осовцом, товарищ генерал, связи нет, сведения приблизительны. Сужу по отрывочным данным. Известно, что Граево несколько раз переходило из рук в руки, сейчас бой

идет за село Руда, что в одиннадцати километрах от Осовца. Крепость бомбит авиация. Батальоны, находившиеся на строительстве оборонительных сооружений на границе, заняли укрепления, несмотря на систематический обстрел артиллерией, стойко дерутся в полуокружении...

— Как связь со штабом армии? — нетерпеливо спросил Рубцов.

— Связь, Федор Дмитриевич, установить не смогли. Оперсводку собираюсь отправить с делегатом связи.

— Скажите, Александр Миронович, а полковник Пушкин вернулся из Белостока? — Голос генерала слегка дрогнул.

— Иван Иванович был у меня, ваша семья и семьи состава штаба корпуса отправлены. Побывал он и в штабе армии...

— Так. И каков же ответ командующего на мои просьбы о средствах прикрытия переправ?

— Начальник штаба генерал Ляпин заявил, что просьбы будут учтены, не сказав ничего конкретного.

— Александр Миронович, дайте, пожалуйста, бумагу.

Рубцов достал из нагрудного кармана кителя отточенный с обеих сторон комбинированный красно-синий карандаш, положив на колени поданную Соколовым папку, а на нее лист бумаги, размашисто написал:

«Тов. командующий.

Противник нахально бомбит переправы. У меня же нет средств ПВО. Имею сведения, что мой зенитартиллерийский дивизион Вы оставили в Белостоке. Вторично прошу завтра с рассветом дать два звена истребителей для действий над районом переправ Визна и Стренькова Гура.

262-й КАП из-за неукomплектованности тракторами и автомашинами оставил в Красном Бору 12 орудий. Прошу оказать помощь.

Целый день бьемся, чтобы связаться с Вами, но безуспешно.

К-р 1 СК Рубцов» *

— Отправьте в пакете с оперсводкой, Александр Миронович!

БЕЛОСТОК

Под утро 22 июня Евгения Григорьевна, ее мать Надежда Зиновьевна, дочь Лена и приехавший погостить брат Николай Григорьевич проснулись от грохота бомбовых разрывов. В ок-

* ЦАМО, ф. 353, оп. 5908, д. 2.

нах квартиры звенели стекла, дребезжала, покачиваясь, люстра на потолке, огромное зарево охватило полнеба, в котором ревели самолеты.

— Война, война... Где же Федя? — твердила Евгения Григорьевна. Она растерялась и не знала, за что ей взяться, металась из угла в угол по квартире, пока плач дочери и голос брата не привели ее в чувство. Тут зазвонил пронзительно телефон. Она взяла трубку.

— Евгения Григорьевна! Дети, дети в больнице, — на ломаном русском языке, срывающимся от волнения голосом говорила Ванда Сазинская, старшая медицинская сестра больницы.

— Сейчас буду! Коля! Оставайся дома, Федя все равно должен что-то сделать, — одеваясь, говорила на ходу Евгения Григорьевна. — Лена, не плачь! Собирайтесь! Я скоро вернусь!

Как бешено колотится сердце, ноги едва слушаются, а тут гул десятка моторов. Над головой медленно и зловеще пролетают немецкие бомбардировщики. Взрывы, взрывы...

Вот двухэтажное кирпичное здание больницы. Дежурный врач, растерянная молодая женщина, жена командира Красной Армии, и Ванда в коридоре. Вокруг них столпились дети. Испуганные личики, глаза, полные слез...

— Смотрите, смотрите, вокзал, аэродром горят, это война, война, пани доктор! — восклицала Ванда Сазинская, показывая на вспыхнувшие вдали пожары.

— Одевайте детей! Быстрее одевайте детей! — Голос Евгении Григорьевны окреп, растерянность и страх отступили. — Сейчас за ними должны прийти родители. Кто останется, отправим на восток, куда, уточню!

Действительно, через несколько минут стали прибегать запыхавшиеся родители. Они берут детей и, не задерживаясь, покидают больницу. Когда не осталось ни одного ребенка, Евгения Григорьевна с облегчением вздохнула и помчалась домой.

На квартиру приехал бригадный интендант Иван Иванович Пушкин. Этот человек был хорошо знаком Евгении Григорьевне. Его, интересного собеседника, азартного шахматиста, с большим удовольствием принимали в гостеприимной семье Рубцовых.

— Иван Иванович! Что с Федей?

— Успокойтесь, вам от него записка. — Полковник в изнеможении опустил на стул.

— Ну, скорее, давайте же...

«Милая Женя! Началась война. Я веду бой. Вам всем нужно срочно уехать. Обратись в штаб, помогут. Окажи со-

действие жене политработника Воронина, у нее последние дни беременности. Как все лучше сделать, скажет Иван Иванович.

Федя».

— Воронина уже в машине, собирайтесь, — устало сказал Пушкин.

— Почему Федор пишет, что всем нужно срочно уехать? Я же врач, военнообязанная, мне нельзя... Я должна немедленно идти в военкомат, только он может определить, где мне быть! — решительно заявила Евгения Григорьевна полковнику и Надежде Зиновьевне. — Мамошка, я останусь здесь, пойду в какую-нибудь часть, буду ближе к Феде, ты меня пойми, не могу я иначе...

В несколько минут самое необходимое было уложено в чемоданы, и вот уже машина по взбудораженным улицам движется к вокзалу. Кругом огромные зарева пожаров. Черный дым, облаками поднимаясь в небо, до неузнаваемости изменил облик города, сделал его чужим и страшным. Вереницы людей, обгоняя друг друга, спешат к вокзалу. Детский плач, крики, зловеще-спокойный рокот немецких бомбардировщиков, черными косяками пролетающих над городом дальше и дальше на Восток. Как изменился Белосток за эти несколько часов! Руины, пожарища, слезы, кровь. На большой скорости проносятся грузовики, одни с красноармейцами, другие с имуществом гражданских организаций.

Привокзальная площадь, перрон, вокзал — все забито людьми. Женщины, дети. Это семьи комсостава, партийных и советских работников, рабочих и служащих, прибывших сюда на работу несколько месяцев назад из центральных областей страны, те, кому удалось уцелеть во время бомбардировки и обстрела города немецкими самолетами.

Один за другим подходят эшелоны, резкие слова команд, брань, плач, надрывные гудки паровозов.

С тяжелым сердцем, со слезами на глазах расставалась Евгения Григорьевна со своими близкими. Целовала заплаканное, испуганное личико дочери, отрывала и снова прижимала к груди ее белокурую головку.

— Леночка! Будь умницей! Не плачь! Мы с папой скоро приедем. Слушайся дядю Колю, ну, будь сильной, — говорила Евгения Григорьевна, преодолевая спазм горла.

Вот и прощальный гудок паровоза. Куда пойдет эшелон — никто не знает, дойдет ли он — неизвестно!

В горвоенкомате совершеннейшая неразбериха: подъезд и коридоры заполнены людьми, возбужденные голоса, гулко хлопают двери кабинетов. Наконец назначение в танковую бригаду. На попутной машине — в часть...

ШТАБ ОТХОДИТ

Шел пятый день войны... За последние трое суток штаб корпуса трижды сменил свое расположение, отходя на короткие расстояния от напирającego противника, постоянно разыскивая разрозненные части соединений корпуса. Полученный приказ штаба 10-й армии — «Немедленно прервите бой и форсированным маршем, следуя днем и ночью, сосредоточьтесь севернее Слонима»* — слишком поздно определял боевую задачу на организацию рубежной обороны по реке Щара. Прорвавшиеся на флангах 3-й и 10-й армий фашистские танки, высадившиеся воздушные десантники находились уже далеко за рекой Щарой к востоку, где-то под Барановичами.

Не имея регулярной связи с дивизиями, «штакор один», как и многие другие штабы, потерял управление. Ориентироваться приходилось лишь по информации, получаемой с большим опозданием от тех редких делегатов связи, которым в этой стремительно менявшейся обстановке удавалось все-таки найти штаб корпуса и которые практически уже не знали нового местонахождения своих штабов и частей. По отрывочным данным генерал-майор Рубцов представлял обстановку в полосе действий его корпуса.

Основные части прикрытия, не успевшие занять своевременно предполье и укрепрайоны, при прорыве подвижных соединений врага в тылы наших войск оказались не в состоянии остановить фашистскую военную машину, хотя дрались стойко.

Много лет спустя бывший командир 200-го стрелкового полка 2-й стрелковой дивизии майор Г. Д. Маврин** вспоминает, как это было.

«Уже 23 июня немцы подошли к реке Бобр и с ходу попытались ее форсировать в местах, обозначенных на картах бродами. Но мы-то предусмотрели контрмеры, соорудив пулеметные позиции на обстрел бродов перекрестным огнем. Первую попытку форсирования реки полк легко отбил, уничтожив десятка три немецких солдат.

В этот день враг больше не совался. С наблюдательных пунктов я и мои комбаты видели, что на противоположном берегу все более и более накапливалась живая сила неприятеля.

---

* ЦАМО СССР, ф. 353, оп. 5908, д. 1.

** В одном из боев майор Г. Д. Маврин был тяжело ранен. Неподалеку от поля боя, прямо в санитарной машине, ему ампутировали ногу. Был захвачен в плен, находился в фашистских концлагерях. В настоящее время — пенсионер, проживает в Минске.

В ночь на 24 июня противник разведывал другие возможные места переправ. Боевое охранение и группа захвата 3-го батальона старшего лейтенанта Е. А. Колячкина за ночь взяли в плен шесть немецких солдат и фельдфебеля.

24 июня противник повел сильный артиллерийский обстрел обороны, намереваясь подавить огневые точки и форсировать реку. В бой вступила и наша артиллерия: 164-й артполк полковника Родзивилла, полковые минометные и артиллерийская батареи. Я ставил задачу на уничтожение огневых точек и нанесение удара по скоплению живой силы врага. Артиллерия работала хорошо, разбивая вражеские точки, но вместо уничтоженных, как грибы после дождя, возникали новые.

Рано утром 26 июня в расположение обороны полка на полуторке ГАЗ-ММ, оборудованной счетверенной зенитной пулеметной установкой, приехал исполняющий обязанности командира нашей 2-й стрелковой дивизии полковник К. П. Дюков. Меня он нашел на НП полка. Я попытался доложить обстановку. Дюков перебил меня, потребовав: «Короче! В двух словах, некогда!» Тогда я сказал, что попытки сосредоточившейся немецкой дивизии (так показывали пленные) форсировать реку отбиты нами совместно с артиллеристами полковника Родзивилла. Немцам нанесен серьезный урон, особенно в последние два дня. Я хотел было доложить о количестве уничтоженных и пленных фашистских солдат, но Дюков снова прервал меня. «Хорошо», — буркнул он и тут же: «Вам надо немедленно отходить! Белосток взят немцами, части корпуса в полуокружении. Отводи полк, и как можно быстрее! На Волковыск, Зельву, Слоним. Остальные части дивизии уже ушли. Передай приказ полковнику Родзивиллу. Понял?» — спросил он и повторил: «На Слоним!.. Веди лесами», — уже на ходу к машине бросил Дюков.

Я повел полк побатальонно на Супрасль, минуя Кнышин, лесами между Сокулкой и Белостоком.

Вражеские бомбардировщики буквально повисли над нами. Только дам команду на движение, снова «Воздух!», снова нас бомбят и снова в нас стреляют. Таяли люди. Три четверти лошадей и упряжек в первый же день отступления потерял 164-й артполк. Орудия транспортировать стало нечем...

За Кнышиным, на пути к железной дороге Сокулка — Белосток, неоднократно наталкивались на немецкую мотопехоту, мотоциклетные подразделения. При невозможности уйти разворачивались к бою, вступали в перестрелку.

Северо-восточнее Белостока на опушке леса мои разведчики обнаружили колонну штаба нашего корпуса.

Вскоре я нашел и генерала Рубцова. За то время, что мы не виделись, он сильно изменился, а если точнее, постарел. Может быть, мне это бросилось в глаза потому, что Федор Дмитриевич был не брит. В щетине проступившей бороды виднелась просесть, седыми были и виски его. Выглядел он сильно уставшим. Но ни удрученности, ни растерянности я не заметил. Он был в генеральской форме, неподалеку стоял его пестрый закамуфлированный ЗИМ. Увидев меня, генерал обрадовался.

— Маврин! Откуда ты здесь? — Он крепко пожал мне руку, не дав возможности доложить, увлек за собой в тень, усадил на траву рядом с собой и засыпал вопросами: — Сколько людей осталось в полку? Вернулись ли батальоны с границы? Где Дюков? Когда видел его в последний раз? Где остальные части дивизии?..

Я не успевал отвечать. Генерала обрадовало сообщение о комбате Исакове, который вышел из окружения у границы с большей частью батальона и присоединился к полку. Внимательно выслушал он и о боевых действиях моего 200-го стрелкового полка. Нахмурился, когда узнал, что в полку Родзивилла выведено из строя и брошено большинство орудий. Я мало что знал о действиях других частей дивизии из-за отсутствия связи с ними, поэтому не мог подробно информировать командира корпуса. Рассказал лишь то, что слышал на КП дивизии в Осовце от майора Б. Я. Куварина, исполнявшего обязанности начальника штаба. Куварин героем называл старшего лейтенанта Черных, командира артиллерийского дивизиона, который так «встретил» немецкую танковую часть при подходе к Осовцу, что тринадцать вражеских танков были в четверть часа уничтожены.

— Старший лейтенант Черных? — переспросил генерал. — Да ведь это его хотел полковник Гришин уволить из армии, не помню, за какое-то нарушение. А я не согласился... И он удовлетворенно заулыбался, приговаривая: «Молодец, молодец!»

Я рассказал командиру корпуса, что огнем нашей артиллерии и стрелкового оружия уничтожено немало солдат врага на подступах к крепости. Прекратив атаки, немецкое командование бросило на Осовец авиацию. Бомбили беспрестанно. Позже противник обошел крепость и прорвался севернее ее.

— Вот что, Георгий Дмитриевич, — обратился ко мне генерал Рубцов, — колонна штаба сейчас снимается и пойдет в район Слонома. — Он попросил у своего адъютанта карту, развернул ее и показал отмеченный красным карандашом кружок на зеленом лесном массиве. — Смотрите, Геор-

гий Дмитриевич, роща, конфигурацией похожая на молоток, так ее и будем называть. Завтра мы будем там. Сюда приведете людей и вы. — Свернув свою карту, он встал. За ним поднялся и я. — Вот, глядите, товарищ Маврин. Мы пойдем по этой дороге, но, как видите, местность открытая, перелески небольшие. Другой дороги здесь нет, она будет через пятнадцать километров. Белосток давно взят немцами. Сокулка тоже. Не будут же они там сидеть. Я думаю, что вот-вот немцы должны появиться здесь. Прикройте на час колонну штаба, закрепившись на тех высотах. — И он показал на поросшие кустарником, молодыми деревьями возвышенности, находившиеся метрах в пятистах. — Дорога с них хорошо простреливается. Скажите об этом же полковнику Родзивиллу.... Если сунутся, вы им дадите, — закончил командир корпуса.

— Есть, товарищ генерал, будет сделано, — заверил я».

Последний переход колонны штаба корпуса из-под Белостока в район Слонима оказался очень трудным. Всю ночь машины шли по лесным дорогам, застревая в низинах и болотинах. Уставшие командиры спали сидя, часто просыпаясь от толчков и тряски на плохой ухабистой дороге, клевали носами водители.

На восходе солнца эскадрилья вражеских бомбардировщиков обнаружила колонну в долине небольшой речки, по обеим сторонам которой стояли почерневшие печные трубы сожженных домов да дымились оставшиеся тлеющие бревна, и атаковала машины. Повернуть с дороги оказалось невозможным: слева — русло речки, справа — крутые холмы. Оставалось только одно — скорость. Разогнавшись, с трудом объезжая остатки разбитых, искореженных от бомбовых попаданий машин, колонна метров через шестьсот на огромной скорости свернула в лес.

Пострадал батальон связи, большая часть машин была разбита. Теперь штаб корпуса остался без радиостанций, значит, без всякой надежды на связь с соединениями и частями.

Похоронив заместителя начальника штаба по связи полковника Баландина и других погибших товарищей, колонна двинулась дальше...

«Вскоре после рассредоточения машин в роще под Слонимом я решил переговорить с командиром корпуса, — вспоминает ныне бывший начальник шифровальной службы шта-

ба капитан Федор Дмитриевич Катков*. — Дело в том, что меня как шифровальщика, ведущего секретное делопроизводство, беспокоила судьба архивных дел. Мне казалось, что появилась опасность утраты и попадания архива врагу. Да и, честно говоря, хотелось поговорить с генералом о создавшейся обстановке. Ко мне Федор Дмитриевич относился за просто. В Белостоке мы жили в одном доме.

Командира корпуса я нашел сидящим за столом на складном табурете, хмурым, сосредоточенно углубившимся в карту.

Как положено, поднеся ладонь к козырьку фуражки, я обратился к генералу. Федор Дмитриевич встал, подал мне руку, приветливо улыбнулся. Хмури, которую я видел на лице полминуты назад, как не бывало. Предложил мне закурить, открыв коробку «Казбека». Я не отказался.

— К сожалению, не могу предложить вам, Федор Дмитриевич, стул. Только одну раскладушку и возим-то в машине, — сказал генерал, показав на складной табурет, и сел.

Мой совет об уничтожении архива командир корпуса поддержал. Стоя у стола и разглядывая карту, испещренную главным образом синими стрелами, простиравшимися от границы до Барановичей, я сказал:

— Извините, товарищ генерал, как бы нам хоть с частью сил вырваться через эти стрелы да добраться до старой границы, ведь там же доты... старые долговременные укрепления...

— Так-то оно так, — взглянув на меня, ответил Рубцов, — но мы части прикрытия, и наша задача — как можно дольше задержать противника в приграничной полосе, взять на себя его удары, чего бы это ни стоило...

Неподалеку били зенитки по самолетам противника, бомбившим и обстреливавшим, очевидно, дорогу от Слонима на Барановичи, самолеты были где-то за лесом, совсем близко ухали разрывы бомб, иногда вокруг нас шлепались осколки разрывавшихся в небе зенитных снарядов. Кто-то из штабных работников, находящихся поблизости, крикнул: «О, сбили, горит!» Я поднял голову и увидел совсем рядом над лесом пронесшийся с длинным шлейфом черного дыма самолет с крестами на фюзеляже. Через несколько секунд раздался грохот взрыва, содрогнулась земля... И как-то сразу вдруг наступило затишье. Очевидно, самолеты улетели...

— Приказано нам сосредоточиться здесь, — продолжал разговор командир корпуса, — по левому берегу реки Щары создать рубеж обороны. Но я имею сведения, что немцы

---

* Капитан в отставке Ф. Д. Катков проживает в Пензе.

мехчастями взяли Барановичи, штаб нашей армии где-то в лесу под Минском. Раций у нас теперь нет... Ни со штабом армии, ни со штабом фронта нам уже не связаться до тех пор, пока не подойдут дивизии. Будем рассылать разведгруппы, разыскивать свои части...

Наш разговор прервала сигнальная ракета и стрельба. Через минуту прибежал запыхавшийся лейтенант:

— Товарищ генерал-майор, со стороны Слонима нас атакуют немецкие десантники...

— Какими силами? Почему раньше об этом не доложили?

— Скрытно подошли, товарищ генерал, примерно с роту.

Генерал приказал мне найти капитана Я. М. Филанчука, передать приказание организовать оборону с тыла и помочь в выполнении.

Он тут же подозвал находившегося неподалеку помощника начальника оперативного отдела капитана М. А. Воронина, приказал ему собрать для контратаки группу штабных работников. Сам же бросился к стоявшему метрах в двадцати ЗИМу. Через десяток секунд он уже бежал впереди знакомых мне товарищей в сторону противника с ручным пулеметом в руках.

Позже я узнал, что генерал, орудуя ручным пулеметом Дегтярева, укрываясь от автоматных пуль десантников за стволами крупных деревьев, перебегая от одного дерева к другому, с руки бил по немцам короткими очередями. Капитан Воронин и другие очевидцы утверждали, что не менее пятнадцати фашистов уложил лично Рубцов. Когда я спросил об этом самого Федора Дмитриевича, он улыбнулся и сказал:

— Коли я плохой генерал, отступаю, так должен же быть хоть удовлетворительным солдатом. Какая разница, кто их убил, важно, что их больше нет.

Ту атаку мы отбили.

— В покое немцы нас не оставят, еще и авиацию вызовут, надо перемещаться, — решил командир корпуса.

Часа через полтора, уже на новом месте, мы хоронили наших погибших товарищей: начальника оперативного отдела майора Е. С. Ставровского, корпусного интенданта И. И. Пушкина и других...»

ТОЛЬКО НА ФРОНТ!

Выйдя из окружения и получив в Москве снова назначение на фронт, Федор Дмитриевич немедленно выехал в Го-

мель, в штаб 21-й армии, в состав которой входил его корпус. Шел сороковой день войны...

Командующий армией оказался давнишний его знакомый генерал-лейтенант Василий Иванович Кузнецов. В предвоенное время он командовал 3-й армией Западного Особого военного округа, дислоцировавшейся севернее Белостока. Родом Василий Иванович был из села Усолье Пермской области. Рубцов познакомился с ним еще в свою бытность на Урале.

Как только командующему было доложено о прибытии генерал-майора Рубцова, В. И. Кузнецов немедленно принял его.

— Рубцов! Жив! Ко мне на корпус! Очень рад! — Генерал-лейтенант по-юношески сорвался со стула, крепко обнял Рубцова. Они расцеловались.

Федор Дмитриевич рассказал о боях под Белостоком, о выходе из окружения. О мытарствах в Москве. Нелегко ему было в управлении кадров Наркомата обороны, в Генштабе доказать свое право вернуться на фронт. «Вы нужны как преподаватель тактики в Академии имени Фрунзе, — упрямо твердили ему во всех инстанциях, — академия сейчас оголена, многие из ее стен направлены командовать во вновь сформированные армии и корпуса. А готовить-то кадры военачальников надо...»

— Я ведь тоже, брат, почти месяц выходил из окружения, — сказал Василий Иванович. — Штаб армии с остатками разных частей только и вывел. Два дня отсыпался, а на третий Семен Константинович* вызвал к проводу и спросил: «Здоров?» «Здоров», — говорю. «Ну, тогда принимай армию. За одного битого двух небитых дают», — пошутил Семен Константинович, и вот я уже неделю 21-й армией командую, — по-товарищески просто рассказал генерал Кузнецов. Потом задумался, чуть нахмурившись, закончил: — Обстановка тяжелейшая. Радоваться нечему. В оперативном отделе разберешься... Поезжайте в корпус с начальником политотдела бригадным комиссаром Гринько. Он собирался в 66-й, знает его расположение, комиссаром был в этом корпусе. Побывайте сразу в дивизиях... Разберешься сам, легче наладить оборону, а силы у врага большие...

Наступил второй день, как генерал Рубцов снова принял обязанности командира корпуса.

В основном бору, который раскинулся на несколько десятков квадратных километров и примыкал к большому белорусскому селу Озаричи, разместился командный пункт

* С. К. Тимошенко — Маршал Советского Союза, командующий Западным фронтом.

штаба 66-го стрелкового корпуса. Под прикрытием высоких прямых сосен на небольших песчаных полянах, поросших жидковатой травкой, усеянных старыми сосновыми шишками, натянуты выцветшие, светло-рыжие просторные палатки. Неподалеку от них автобусы, передвижные радиостанции, установленные на грузовиках ГАЗ-ММ, легковые и грузовые автомобили, причудливо раскрашенные с целью камуфляжа. По деревьям наспех переброшены десятки проводов связи, уходящих в разные направления от командного пункта. В этом небольшом лесном городке постоянное оживление. С рокотом приезжают мотоциклисты, спешиваются, не доехав до командного пункта, делегаты связи и под уздцы подводят заседланных лошадей к коновязи.

В одной из палаток над столом с ровной и гладкой столешницей, на которой разложена топографическая карта, испещренная множеством пометок, склонились три человека. Темноволосый, высокий, худощавый полковник с бледным цветом лица характерным картавящим говором докладывает обстановку в полосе действий 66-го стрелкового корпуса 21-й армии Западного фронта. Это полковник Пиказин — начальник штаба корпуса. Время от времени он поворачивает голову в сторону своего заместителя, начальника оперативного отдела штаба полковника Здановича, резко отличающегося от своего начальника небольшим ростом, коренастой широкоплечей фигурой.

Взглядом больших глаз из-под широких черных бровей Пиказин как бы предлагает что-то уточнить, дополнить. В любой момент Зданович готов прийти на помощь начальнику штаба.

Внимательно разглядывая вычерченные на карте синие стрелы, вонзающиеся с запада и северо-запада в красную прерывистую линию, означавшую фронт обороны, генерал-майор Ф. Д. Рубцов делает лишь ему понятные пометки на полях карты, в раскрытом блокноте. Он побывал в обеих дивизиях, входивших в состав 66-го стрелкового корпуса, и теперь слушал доклад начальника штаба.

— Прибыв на фронт, корпус имел лишь одну 232-ю стрелковую дивизию. В таком составе и начал военные действия, — продолжал докладывать полковник Пиказин. — С целью создать угрозу правому флангу прорвавшейся через Бобруйск к Могилеву немецкой группировки корпус 12 июля начал наступление с рубежа Ракшин — Погонцы — Притыка, имея задачу овладеть районным центром Паричи. В последующем необходимо было выйти на автостраду Брест — Москва и взять город Бобруйск, перерезав путь движения вражеских войск на восток. На второй день наступления

793-й и 764-й стрелковые полки взяли Паричи и выдвинулись в направлении Бобруйска.

В эти же дни 63-й и 67-й стрелковые корпуса нашей армии с оборонительных рубежей на восточном берегу Днепра форсировали реку и овладели городами Рогачев и Жлобин. Таким образом, правый фланг немецкой группировки оказался под серьезной угрозой с юга.

В середине июля на нашем левом фланге появилась 75-я стрелковая дивизия, прошедшая более трехсот километров после приграничных боев у Малориты под Брестом и потерявшая в боях половину личного состава и лошадей, большинство орудий, автотранспорта и обоза. Ее придали нам. Полоса обороны корпуса была расширена до 120 километров, на левом фланге оказалось опасное направление Мозырь — Калинковичи.

Подтянув дополнительно целую пехотную дивизию, пятьдесят танков, 16 июля противник при поддержке самолетов атаковал Паричи. Наша пехота не выдержала. Усилия комсостава оказались тщетными. Восстановить порядок удалось лишь на исходных к наступлению рубежах.

Командующий армией снял командира 232-й дивизии с должности и назначил генерал-майора Недвигина...

Слушая доклад начальника штаба корпуса, Федор Дмитриевич отчетливо представил высокого, плечистого, не по возрасту подвижного Семена Ивановича Недвигина. Первая его встреча с новым командиром 232-й стрелковой дивизии произошла вчера. Чувствовалось, что обстановку Недвигин знал плохо, не скрывал свою неудовлетворенность полками и командирами.

Сейчас, во время доклада Пиказина, Федор Дмитриевич вспомнил короткие, недвигинские характеристики боеспособности полков. В самом деле, 232-я стрелковая дивизия, до войны дислоцировавшаяся в Краснянских лагерях под Черниговом, лишь к началу июля была укомплектована запасниками по штату военного времени, получила из народного хозяйства старый автомобильный парк (преимущественно полуроторки ГАЗ-ММ) и сразу же двинулась на фронт и при серьезном нажиме не выдержала...

— В период с 16 по 20 июля, — продолжал докладывать Пиказин, — 232-я стрелковая дивизия ежедневно атаковала противника, продвигалась до одного километра, затем в результате мощнейших контратак врага отходила обратно. В этот же период нам была поставлена задача — разведав места переправ через реку Птичь, подготовить для ввода в тыл врага кавалерийского корпуса из конно-подвижной группы генерала О. И. Городовикова. Задача эта выполнена. В ночь

на 24 июля кавалерийский корпус под командованием полковника Бацкилевича лесными дорогами прошел к реке Птичь, переправился у Глусска и неожиданным ударом взял город Старые Дороги на шоссе между Слуцком и Бобруйском и узловыми станциями Слуцк и Осиповичи. Автомобильный и железнодорожный пути были перерезаны. На значительное время прерваны переброски вражеских войск и боеприпасов, нанесен большой урон живой силе.

Враг бросил на кавалерийские дивизии массу авиации, нанес большие потери и сковал действия корпуса. Все полевые госпитали были переполнены ранеными как из кавалерийского корпуса, так и из наших дивизий.

Связь со штабом корпуса нарушилась, о чем я доложил штабу армии.

75-я стрелковая дивизия вместе с бронепоездом № 50 до 29 июля сдерживала противника в районе населенных пунктов Сотники, Оголицкая Рудня, Гороховаха. Утром 29 июля она оставила город Петриков, что расположен у Припяти, и заняла оборону по восточному берегу реки Птичь...

— Да, я был на командном пункте 75-й дивизии, познакомился с полковником Пивоваровым, знаю обстановку, — сказал Рубцов задумчиво...

Полковник С. Ф. Пивоваров при первом знакомстве не понравился Федору Дмитриевичу. Очень маленький, щупленький. Узнал, где и кем служил в последние годы. «Начальник отдела разведывательного управления Генштаба, с начала войны — начальник разведотдела Резервного фронта... Ни батальоном, ни полком не командовал полковник Пивоваров. Вот что главное», — подумал тогда Рубцов.

Командир 115-го стрелкового полка майор А. Н. Лобанов, к которому приехал Рубцов вместе с Гринько и Пивоваровым, свой наблюдательный пункт разместил на высоте в одном из дотов, построенных по берегу реки Птичь еще в середине тридцатых годов и входивших в систему Мозырского укрепрайона. Слева просматривался железнодорожный мост, справа — шоссе Брест — Гомель. Полк А. Н. Лобанова оседлал и железную дорогу, и шоссе на левом фланге обороны дивизии. Два же других полка, 28-й Краснознаменный полковника А. В. Мартынова и 34-й майора Я. И. Бардеева, заняли фронтом на запад траншеи и окопы, вырытые, очевидно, еще лет десять назад, заросшие сейчас травой, бурьяном, молодыми березками и дубками. «Наверное, правильно, что окопы не тронули, не стали ни углублять, ни править, маскировка отличная, бруствер зеленый... Даже с воздуха не сразу заметишь», — подумал Рубцов. Наладить постоян-

ную телефонную связь с дивизией — первая задача, которую предстояло ему решить...

Сейчас, припоминая свои впечатления от поездки в 75-ю дивизию, Рубцов произнес озабоченно:

— А враг-то продвинулся еще на тридцать километров... — Неделю назад 75-я дивизия отражала атаки противника, обороняя станцию Копцевичи, что вблизи от реки Бобрик. Взорвав железнодорожный мост, отошла. Два дня назад оставила Петриков... И это беспокоило генерала. — Подумайте, товарищи Пиказин и Зданович, что необходимо сделать, чтобы Пивоваров со своей дивизией и шагу не шагнул дальше Птичи. Подготовьте приказ. Это — первое. — Он полминуты помедлил, оглядывая присутствующих. — Второе, в личной беседе со мной полковник Пиказин заявил, что штабные командиры для управления силами вынуждены постоянно выезжать в дивизии и полки. Думаю, — обратился генерал к полковнику Пиказину, — надо серьезно помочь вашему помощнику по связи установить с дивизиями проводную связь. Я видел, что старые линии Наркомата связи в большинстве своем здесь целы. Пусть майор Чирков продумает, что ему для этого надо, и доложит.

Третье, стабилизировать оборону необходимо и на фронте 232-й дивизии. Она и в землю не врылась, значит, свой оборонительный рубеж держит плохо, неустойчиво.

Четвертое, поскольку нет у нас сплошной линии обороны, все лесные дороги взять на учет, сделать на них завалы, а мосты заминировать. Для этого необходимо сформировать саперный батальон 75-й стрелковой дивизии, а также корпусной. Силами тыловых подразделений и местного населения срочно соорудить второй оборонительный рубеж. Учитывая рельеф местности, возможный вариант рубежа может быть: Шацилки — Давыдовка — восточный берег реки Иппа до впадения в Припять. Товарищ Пиказин, обдумайте и решите это с подполковником Фурса.

Мною дано задание полковнику Пивоварову разведать возможные с запада подходы к переправам через реку Птичь и принять меры, исключающие «сюрпризы» от противника. Надо проконтролировать исполнение.

Пятое, усилить патрульную службу, особенно со стороны болот. Задерживать всех. В том числе и выходящих из окружения. Нам надо пополнить 75-ю дивизию. — Рубцов поглядел на начальника штаба, на его заместителя и приветливо, с едва заметной лукавинкой улыбнулся: — Только повнимательней надо встречать.

Шестое, товарищ Пиказин, надо заняться госпиталями. Пошлите кого-нибудь из своих помощников посмотреть, что

там. Попросите политотдел и комиссара Рычакова помочь.

И последнее, подготовьте план наших действий по укреплению полосы обороны корпуса. Посоветуйтесь с командирами и начальниками штабов дивизий. Пусть они помогут...

Вы все свободны.

КОМИССАР РЫЧАКОВ

Прошло несколько дней, как Федор Дмитриевич Рубцов вступил в командование 66-м стрелковым корпусом. Трудно определить, насколько улучшилась в столь короткий срок боеспособность входящих в корпус соединений и частей. Но одно несомненно, и это с особой остротой чувствовал комиссар корпуса А. И. Рычаков, что решение командующего фронтом о замене командира корпуса генерал-майора Ф. П. Судакова правильно. Не сложились отношения у Алексея Ивановича с Судаковым. Комиссар корпуса не мог спокойно смотреть на постоянную нервозность, вносимую Ф. П. Судаковым в отношения с командирами дивизий, начальниками штаба и оперативного отдела. Нервозность эта возникала из-за неумения правильно оценивать сложившуюся обстановку, из-за необдуманности приказов, суетливости поведения. В новом командире А. И. Рычаков увидел полную противоположность Судакову: твердость характера, большую выдержку, доброжелательность, умение спокойно и терпеливо выслушивать других, не навязывая своего мнения, способность выделить главное, не забывая о так называемых мелочах, столь существенных на войне. Именно поэтому с первых дней совместной работы между командиром корпуса Ф. Д. Рубцовым и комиссаром установились хорошие, товарищеские отношения.

Удивительной была биография Алексея Ивановича Рычакова. Родился в 1907 году, родителей не помнил. И неизвестно, как бы распорядилась судьба отчаянным босяком-беспризорником, если бы не революция и Советская власть. В четырнадцать лет Алексей стал комсомольцем, работал сначала кочегаром, потом слесарем. Комсомол послал его учиться в Нежинскую двухгодичную совпартшколу. После ее окончания Алексей Иванович был направлен председателем завкома профсоюза. Честность, бескомпромиссность, принципиальность в сочетании с большой энергией и задором юноши были вскоре замечены товарищами. Через год молодого коммуниста избрали секретарем парткома.

С тридцатого года — служба в Красной Армии, начинал с рядового красноармейца. Вскоре А. И. Рычакова назна-

чили политруком батареи, а в тридцать седьмом доверили работу комиссара артиллерийского полка в Чернигове. Здесь за успешную боевую и политическую подготовку личного состава полка он был награжден орденом «Знак Почета». Здесь же, в Чернигове, был избран депутатом Верховного Совета СССР. Как делегат Черниговской партийной организации принимал участие в работе XVIII партийного съезда.

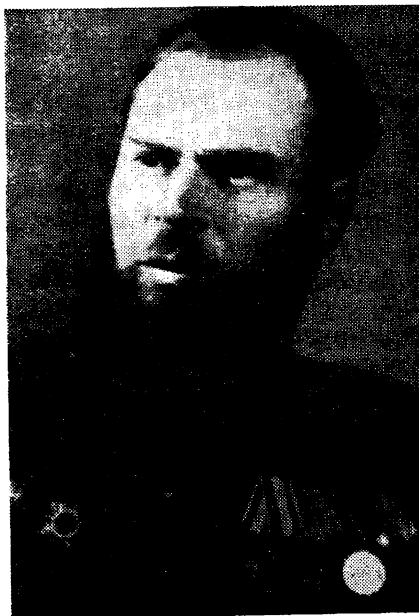
В составе 60-й стрелковой дивизии, будучи ее комиссаром, воевал на Карельском перешейке, а после окончания боев был награжден орденом Красной Звезды.

Почти весь сегодняшний день А. И. Рычаков провел в полевом передвижном госпитале № 86, а затем, побывав в оперативном отделе штаба, ознакомившись с обстановкой и планами боевых действий, направился к командиру корпуса.

— Разрешите, товарищ генерал, — откинув входной клапан палатки и заглянув вовнутрь, проговорил он мягким баритоном.

— Да, да, входите. Ряд вас видеть. — Рубцов приветливо улыбнулся, разглядывая своего комиссара. Среднего роста, с нашивками и звездами на рукавах ладно пригнанной шерстяной гимнастерки, с четырьмя шпалами в малиновых петлицах, с решительным волевым скуластым лицом, глубоко посаженными карими глазами под прямыми широкими бровями, темно-каштановыми, зачесанными назад волосами на большой голове, он выглядел несколько старше своих лет, хотя и был юношески строен. Старила А. И. Рычакова и небольшая рыжеватая бородка, которую он отпустил.

После дружеского рукопожатия с командиром корпуса Рычаков присел к столу, за которым Федор Дмитриевич только что работал. Бросив взгляд на бумаги, комиссар понял, что Рубцов подписывал подготовленные началь-

Комиссар 66-го стрелкового
корпуса И. А. Рычаков.
Фото 1945 года.

ником оперативного отдела боевые приказы дивизиям и частям, непосредственно подчиненным штабу корпуса.

— Вы слышали, Федор Дмитриевич, в утреннем сообщении Совинформбюро о наших делах говорилось? — спросил комиссар.

— О подразделении Курмашова? Слышал. Признаюсь, рад. Это что, политдонесение, которое направили в армейский политотдел, в сводку вошло?

— Да, оно, Федор Дмитриевич.

— А Курмашов-то знает об этом?

— Думаю, что знает, товарищ генерал. С редактором корпусной газеты беседовал, материал по этому рейду уже готов.

— Хорошо! Нужно и дальше громить врага по его тылам.

Выступление группы подполковника Курмашова, о котором говорили Ф. Д. Рубцов с комиссаром, было крайне дерзким и ожесточенным. Группа прорвалась через оборону противника, уничтожила до полка живой силы и семнадцать фашистских танков. Эта группа была создана для маневренных боевых действий. Рабочие-железнодорожники подготовили бронепоезд, штаб корпуса оснастил его артиллерией, счетверенными пулеметными установками, скомплектовал отряд из восьмисот бойцов и командиров, передав ему три танка БТ-26 и десяток грузовиков. При поддержке артиллерийским огнем с бронепоезда, который подходил к линии фронта, группа прорывалась в тыл врага, неожиданно выходила на его штабы, железнодорожные станции, громила живую силу и технику немецких дивизий, оказывала помощь формирующимся партизанским отрядам юго-востока Белоруссии.

— Да, такие рейды нужны, очень нужны, товарищ генерал, — согласился Рычаков. Держать фронт — одно, а наступать — это уже совсем другое дело. Вот, к примеру, 793-й полк отбил атаку немцев из села Прудок и Ельнички, да так отбил, что на плечах у фашистов ворвался в село Скалка.

— Был я сегодня там. Настроение у солдат хорошее, силу почувствовали люди. — Федор Дмитриевич встал, прошелся медленно по палатке, закурил, протянул комиссару начатую пачку «Беломора». — Но солдаты не только воевать учатся, они звериное лицо фашизма познают. Насмерть стоять научились. Вот, — Рубцов взял со стола донесение командира 764-го стрелкового полка подполковника Кошчева и подал Рычакову, — ознакомьтесь.

«...При обороне населенного пункта Селищи, — читал комиссар, — от немецкой механизированной части, прорвавшей-

ся со стороны Паричей, бутылками «КС» и связками гранат уничтожено семь танков противника. Бой длился около часа. Противник трижды переходил в атаку, но вынужден был отступить. Бойцы Кривонос Михаил Федорович, Спас Петр Иванович, Пархоменко Александр Семенович, Холоша Василий Николаевич, Мещеряков Николай Иванович, израсходовав все боеприпасы, героически погибли, но не отступили...»

Прочитав донесение, Рычаков бережно положил его на край стола, посмотрел на командира корпуса:

— Считаю, товарищ генерал, что бойцов нужно посмертно представить к наградам.

— Нужно. Дайте указание в штаб 232-й дивизии о подготовке наградных документов. И еще... Факт единоборства с танками должен быть широко известен солдатам. Ведь то, что, не имея противотанковых орудий, пэтээров, мы бьем танки, — очень важно.

Некоторое время они молча курили, прислушиваясь к доносившейся с запада артиллерийской канонаде.

— Собственно, я к вам по делу, Федор Дмитриевич, — прервал паузу Рычаков, поудобней усаживаясь на стуле. — Не совсем благополучно у нас с госпиталями... Вот сегодня был в 86-м, что размещен в лесу у села Василевичи. Много раненых, товарищ генерал. Все палатки переполнены. Во время бомбежки погиб хирург Иванов, молодой такой, после института... Теперь неотложные операции один Тихомиров делать не успевает... Три дня назад госпиталь пробомбили немецкие самолеты. Фашисты есть фашисты, им, сволочам, на все международные соглашения плевать... Во время бомбежки Тихомиров оперировал. Взрывами все палатки пошибало, хирурга контузило, а раненый так на столе и умер... Были и еще жертвы среди раненых и медперсонала. Сейчас хирургу Виталию Васильевичу Тихомирову лучше стало. Говорит, что работоспособность вернулась. Снова сутками не отходит от операционного стола.

— Ну, а как начальник госпиталя военврач второго ранга Воропаев? — спросил Рубцов.

— Старается, товарищ генерал. Правда, я его не застал, он уехал в Мозырь за медикаментами и перевязочными материалами. Помочь ему нужно. По несколько сот раненых в сутки поступает, а с эвакуацией ох как трудно! Санрота с перевозками не справляется. Подобное положение и в других госпиталях, работники политотдела во всех побывали...

— Благодарю за информацию, Алексей Иванович. Вы правы, решать вопрос о помощи госпиталям надо, и немедленно.

— Ну, засиделся я у вас, товарищ генерал.

Рычаков хотел подняться, но Федор Дмитриевич жестом остановил его.

— Я слышал, семья у вас в Овруче? Это совсем близко от линии фронта, а она еще не стабильна, эта линия. Надо подумать о семье. Я вот в свое время не успел... — тяжело вздохнул Рубцов.

Алексей Иванович слышал, что жена генерал-майора не вышла из окружения под Белостоком и, по сведениям, погибла. Знал, как Рубцов переживал, и сейчас был глубоко благодарен этому человеку.

— Спасибо, Федор Дмитриевич, семья моя переехала. Принимаю, как тяжело вам, — взволнованно проговорил Рычаков.

— Не надо... — Голос Рубцова дрогнул... Значит, переезжали семью?

— Да. Жена и дочка в Чернигове... Пишут, что добрались хорошо, остановились у родственников. А где ваша дочь?

— В Москве сейчас. За нее я спокоен. Ну, да ладно, кончим этот разговор... — Рубцов встал, решительно одернул китель, поправил волосы. — Рад нашей сегодняшней беседе, товарищ комиссар, — произнес он ровным голосом, оправившись от минутного волнения, и крепко пожал протянутую Рычаковым руку.

Оставшись один и обдумывая разговор, Федор Дмитриевич несколько раз прошелся по палатке. Он был доволен, что у него толковый комиссар, надежный и преданный человек, такой не подведет. Рубцов снова сел за стол и своим ровным, несколько размашистым почерком стал писать:

«Незамедлительно. 1. Корпусному интенданту полковнику Лященко обеспечить госпитали палатками, лучше снабжать продуктами. 2. Майору Дымову помочь санитарной службе (военврачу Коханову) в эвакуации раненых к железной дороге. Вместе с начальником артснабжения майором Тимошенко привлечь к вывозке раненых грузовики, работающие на подвозке боеприпасов. 3. Командующему артиллерией полковнику Медведеву усилить число зенитных установок для прикрытия госпиталей с воздуха...»

А Рычаков в это время по едва различимой в сгущающихся сумерках тропе спешил в политотдел корпуса, который находился тут же, неподалеку в лесу.

«Нет, не ошибся я в оценке нового командира. — Он тоже думал о только что состоявшемся разговоре. — Везет мне на хороших людей!»

Не ведал Алексей Иванович Рычаков, как распорядится

ими война. Не мог он знать, что впереди тяжелые, ожесточенные бои, окружение, борьба в партизанском отряде, работа в политуправлении Южного фронта, затем в одном из соединений 18-й армии и что в июне 1945 года он станет участником парада Победы на Красной площади в Москве...

ЧЕРЕЗ ЛЕСА И БОЛОТА

В вечерних августовских сумерках, когда в лесу уже ощущались сырость и прохлада, в плотном воздухе резко прозвучала команда: «Стой! Кто идет?»

Мужчина и женщина, пробирающиеся через лес, от неожиданности вздрогнули. У Рубцовой, а это была она, екнуло сердце, потом учащенно забилося. «Но ведь язык-то свой, родной, русский! Что я испугалась?» — подумала Евгения Григорьевна. Она хотела что-то сказать, а язык не слушался от растерянности... Лишь глаза ее были напряженно устремлены на редколесье, откуда донесся окрик. Наконец из-за крупных кустов выехали на поляну всадники. Один, другой, третий... В зеленой красноармейской форме, в фуражках с красными звездочками.

— Так, кто такие? — спросил тот же голос, но уже другим, спокойным тоном.

Евгения Григорьевна радостно глянула на своего спутника. Яков Порфирьевич счастливо, но как-то растерянно улыбался. Сама же она не могла удержать разом хлынувших слез, сдернула платок, закрыла глаза.

— Родные, здравствуйте! — произнесла Евгения Григорьевна.

— Дедушка, кто вы? — уже нетерпеливо-требовательно спросил всадник.

— Я не дедушка, мне еще сорока нет... Я подполковник Могильный, начальник штаба 2-й стрелковой дивизии, а это жена генерал-майора Рубцова, командира 1-го стрелкового корпуса, — успокоившись, доложил Яков Порфирьевич, — идем почти что из-под Белостока, оба ранены.

Красноармейцы с любопытством смотрели на худого сгорбленного старика и его спутницу.

— Жена генерала Рубцова? — недоверчиво переспросил старший конного разезда. — Впрочем, это можно проверить... Документы есть?

— Нет, товарищ младший сержант, документов у нас нет, вынуждены были уничтожить, — ответил Могильный.

Вскоре он и Рубцова находились в медсанбате, где им дали умыться, покормили, устроили в разных землянках.

Забравшись на жесткие нары, несмотря на усталость, Евгения Григорьевна долго не могла уснуть. «У своих же я, у своих, теперь все будет хорошо!» — твердила она, поглядывая в сторону двери, с нетерпением ожидая, когда же наконец придут за нею... И незаметно уснула. И вот сквозь сон Евгения Григорьевна услышала:

— Где Рубцова, здесь?

— Да-да. Я Рубцова. — Она быстро уселась на нарах и при тусклом свете кем-то зажженного во время ее сна маленького ночника, стоявшего на столе в углу землянки, пыталась разглядеть вошедшего. Но свет был так слаб, что Евгения Григорьевна не смогла разобрать ни черт лица, ни звания военного.

— Извините, пожалуйста, товарищ Рубцова, — заговорил он, — вас зовут Евгенией Григорьевной?

— Да, да.

— Я рад за вас, Евгения Григорьевна. Генерал-майору Рубцову о вас сообщено...

Дивизия, на которую вышли Рубцова и Могильный, была в составе корпуса генерала Рубцова.

— Как? Не может быть! Он жив, он близко! — воскликнула Евгения Григорьевна. — Где он?

— Мне поручено передать вам, Евгения Григорьевна, что генерал-майор Рубцов скоро будет здесь...

После полуторамесячных блужданий выйти к своим, получить весточку о муже, что он жив и здоров, это ли не счастье, это ли не награда за все пережитое?!

Теперь она ждала его, Федора, своего мужа. Ждала с таким нетерпением, какого ни разу до сих пор не испытала. А мысли возвращались к тому, что было пережито в последние полтора месяца...

Танковая бригада, в которую Евгения Григорьевна Рубцова получила назначение в Белостокском горвоенкомате, двинулась на восток и вскоре вышла на Варшавское шоссе. Среди колонны танков, грузовиков с боеприпасами и продовольствием была и полуторка ГАЗ-ММ санбата с врачом Рубцовой.

Нескончаемый поток машин, повозок. По обочине торопливо идут люди. На дороге то и дело пробки. А над всем этим с раздирающей душу деловитостью висят немецкие бомбардировщики. Самолеты с черными крестами, с утолщенными шасси, напоминающими лапы стервятника, один за другим на бреющем полете с шумом и грохотом проходят над дорогой, поливая людей градом пуль. Несколько минут движения — и новая волна самолетов. И снова команда: «Возду-ух!»

Самолеты с пронзительным завыванием входят в пике, сбрасывая бомбы. Крики, стоны, винтовочные выстрелы, пулеметные очереди... С каждым налетом все больше и больше раненых. Их кладут уже на несколько машин, и Евгения Григорьевна, которая еще день назад, прослушивая и осматривая в Белостокской больнице детей, подолгу останавливалась у каждой кровати, теперь торопливо и сосредоточенно делала перевязки, накладывала шины. Танков, в колонне которых вначале была ее машина, давно нет. Они ушли...

Уже двое суток прошло, как началась война, и все это время безостановочно на восток движутся колонны машин, и все так же непрерывно висят над дорогой немецкие самолеты. Приходится объезжать огромные воронки на шоссе. На проезжей части и обочинах валяется брошенное имущество, изуродованные и обгорелые машины, повозки, рассыпанное зерно, вздувшиеся трупы убитых лошадей.

Двое суток не смыкает глаз Евгения Григорьевна. Сидя в кабине полуторки, она с опаской поглядывает на шофера, который тоже с невероятным трудом преодолевает усталость, борется со сном. Временами он безвольно роняет голову на баранку, и, кажется, машина идет сама, подчиняясь какой-то интуитивной силе, идет почти ощупью, осторожно, но все-таки безостановочно.

Впереди Волковск. Издали видно, что город горит. Сплошной черный дым. За несколько километров пахнет гарью. Откуда-то приполз слух, что Волковск занят немцами. Одни говорят, что там высадился парашютный десант, другие — что в город ворвались немецкие танки. Возможно, что слухи провокационные, но проверять их нет возможности. Впереди идущие машины свернули с шоссе вправо, на грунтовую дорогу, чтобы обойти город. В сухом песчаном грунте машины то и дело застревают, надрывно буксуют. Движение замедлилось, а самолеты с черными крестами все так же пикируют на колонну, сея кровь и смерть, приводя в отчаяние измученных людей. Наконец черный дым и ночная темень слились почти воедино, самолеты улетели, и наступила тишина...

Очнувшись Евгения Григорьевна оттого, что кто-то нетерпеливо тряс ее за плечи.

— Вы врач? — Над ней склонился небольшого роста человек с лихорадочно блестящими в темноте глазами.

— Да!

— Здесь неподалеку тяжело раненный подполковник, шевелить боимся, прошу оказать срочную помощь!

Раненый лежал на опушке молодой березовой рощи. Вокруг него склонилось несколько человек. Кто-то светил кар-

манным фонариком. Боец вскрытым индивидуальным пакетом прижимал поверх разорванной гимнастерки обильно кровоточащую рану.

— Пропустите!

Рубцова опустилась на колени, быстро разрежала гимнастерку, нательную рубашку.

Рана была штыковая. Евгения Григорьевна поняла, что она глубокая, проколото левое легкое вблизи сердца. У раненого большая потеря крови и продолжающееся кровотечение. Дело серьезное. Может начаться пневмоторакс, попадет воздух в плевральную полость, сдавит сердце — смерть. Осторожно накладывая герметическую повязку, Евгения Григорьевна подняла взгляд на лицо раненого. Он был без сознания. Синие круги под глазами, плотно сжатые губы.

— Могильный! Яков Порфирьевич! — взволнованно проговорила Рубцова.

— Да, — ответил находившийся рядом батальонный комиссар, — вы знакомы с подполковником?

— Неделю назад Яков Порфирьевич выступал на юбилее второй стрелковой дивизии в Осовце. Почему он здесь? Что с Осовцом, где дивизия?

— Ничего не знаю. Могильный был в командировке, мы с ним вместе возвращались в Осовец.

— Рана нанесена штыком! Как же так?

— Дивизию, стоящую в Волковыске, на марше к границе атаковала немецкая авиация. Кто уцелел — в лес. Могильный из этих групп отряд собрал. А тут немецкий десант. В нашу форму поодевались, сволочи! По-русски отлично шпаят! Мы в бой вступили. Подполковник впереди. А потом все смешалось: где наши, где диверсанты? Не поймешь. Один в красноармейской форме бросился на Могильного, крикнул: «Нас предали!» — и штыком в грудь. Исчез моментально диверсант... Подполковника вынесли.

— Положите раненого в машину. Осторожно! Не трясите! — сказала Евгения Григорьевна, встала и пошла следом. Щемящая боль за Федора сдавила сердце. Что с Осовцом? Могильный не проскочил, значит, окружена крепость. «Жив ли Федор? Цела ли дивизия?» — уже в который раз спрашивала себя жена генерала Рубцова и не находила ответа.

Дальнейший путь лежал на Барановичи. По дороге на всем протяжении движения колонны стояла стена густой серой пыли. Она оседала на лицах людей, мешала дышать, проникала в легкие, вызывая удушливый кашель. Особенно тяжело приходилось раненым. Измученные не прекращающимся вот уже четвертые сутки движением, в серо-бурых от пыли и ссохшейся крови бинтах, страдающие от боли, кото-

рая усиливалась от тряски на разбитых дорогах, они с ненавистью глядели в небо, на рыжее, ослепительно жаркое солнце. Сейчас именно оно было их злейшим врагом. Солнце мучило жаждой, иссушало последние силы.

Чтобы дать раненым хотя бы небольшой отдых, колонна свернула с дороги в густой перелесок, углубилась в его прохладную зелень и остановилась. Не прошло и получаса, как по шоссе промчался отряд вражеских мотоциклистов. Значит, в Барановичах немцы. Дороги впереди нет.

Растерянность и отчаяние исказили лица людей. Батальонный комиссар, тот самый, что вместе с Могильным вступил в бой с немецким десантом, предложил такой план: всем, кто может идти, небольшими группами пробираться на восток, тяжело раненных разместить в деревне Большая Извянка (там еще немцев не было), а машины уничтожить...

Неожиданно низко над лесом пролетел немецкий самолет. Летчик заметил колонну машин, сделал круг, спикировал, и на головы людей одна за другой упало несколько бомб. Когда самолет улетел, все увидели, что батальонный комиссар остался лежать на траве. С огромным усилием он пытался приподняться. Люди подбежали к комиссару, он был тяжело ранен... Осколком задело и Рубцову; теперь идти пешком она не могла.

Комиссара и еще пятерых с тяжелыми ранениями солдат легко раненные бойцы устроили в деревне. А для подполковника Могильного и Евгении Григорьевны они соорудили в лесу просторный шалаш, оставили им кое-какие продукты, медикаменты.

— Спасибо, друзья! — говорил слабым голосом Могильный, прощаясь с бойцами. — Отлежимся немного и — к своим. Не может быть, чтобы не дошли. Я ж эти места хорошо знаю. В гражданскую с белополяками здесь воевал. Ну, счастливо вам!..

Подполковник верил в свой крепкий организм, в то, что удастся выйти к своим, и это удесятерило его силы. Рана быстро стала подживать. Уже на шестые сутки, делая очередную перевязку и, не заметив признаков загноения, Евгения Григорьевна с радостью объявила Могильному:

— Еще неделька, и мы с вами, Яков Порфирьевич, пойдём... к своим.

И вот по глухому лесному бездорожью, опираясь на палки, шли два человека, мужчина и женщина. Ссутулясь и покачиваясь, помогая друг другу, они шли на восток. Населенные пункты огибали стороной, двигались медленно, голодали, спали в стогах сена, на слежалых кучах веток, на охапках нарванной травы.

Лесное бездорожье сменялось топкими болотами. Колышущаяся, оседающая под ногами почва противно чавкала, выпуская на поверхность прозрачные пузырьки газа, засасывала до колен. Яков Порфирьевич оброс густой черной с проседью бородой. Худой, сгорбившийся, он выглядел настоящим стариком. Страдая от боли в легком, он был молчалив и сосредоточен, шел медленно, осторожно, часто отдыхая на лесных полянах.

Однажды встретили лесника, который сгребал сено. Увидев вышедших на поляну людей, измученных, в обносившейся одежде, с бледными, обескровленными лицами, лесник остановился. Он не задал ни одного вопроса, а сразу предложил пообедать в деревне и повел их к себе в хату...

Евгения Григорьевна стояла на улице у избы, когда вдруг появилась группа советских военнослужащих, конвоируемых фашистами. Пленные шли, опустив низко головы, поддерживая друг друга. Босые, без ремней, в изодранных гимнастерках, с грязными, сделанными наспех повязками на ранах. Они медленно двигались по пустой улице, подгоняемые время от времени прикладами автоматов.

Один из гитлеровцев остановился у колодца, выкачал ведро воды, напился. Потом в этом же ведре стал мыть руки. Поймав возмущенный взгляд русской женщины, конвоир презрительно расхохотался и выплеснул остатки воды в лицо Рубцовой. Неторопливо, по-хозяйски осмотревшись, пошел догонять пленных. Злость и ненависть охватили Евгению Григорьевну, но она, стиснув зубы, выдержала унижение, понимая, что в этой ситуации бессильна.

Полтора месяца непрерывного движения на восток. Леса и болота сменялись проселочными дорогами. И тогда Могильный в колонне беженцев под видом родственника шел вместе с Рубцовой дальше, навстречу еле слышной ременами орудийной канонаде...

Федор Дмитриевич появился в медсанбате лишь утром. Пыльный, с осунувшимся и утомленным лицом, с глубокой морщиной, пересекающей высокий лоб надвое. Евгения Григорьевна ужаснулась, как месяц войны состарил ее мужа.

— Федя, — только и смогла она сказать, припав к его груди.

— Ну, успокойся, Женечка, родная! Все-все позади! Дай же посмотреть на тебя, милая, — взволнованно говорил Федор Дмитриевич, то прижимая к себе, то отрывая и целуя дорогое лицо, глаза, волосы. — Прости, родная, но я к тебе всего на несколько минут. Дела. Успокойся! Леночка наша

жива, Надежда Зиновьевна и Николай тоже. В Жуковске они. Добрались благополучно. Видел всех, когда вышел из окружения и был в Москве. О тебе сообщили, что... А ты вот, живая! Гора с плеч свалилась. Женечка, дорогая, извини, пожалуйста, сейчас у меня совершенно нет времени. Ну, пока! Вечером встретимся, вечером все расскажешь, сейчас не могу, прости. — И Федор Дмитриевич, еще раз поцеловав жену, так и не успевшую сказать ему ничего, скрылся за дверью.

Весь день Евгения Григорьевна чувствовала себя необыкновенно счастливой: Леночка в безопасности, у своих, Федя жив, теперь она будет с ним вместе, останется в корпусе как врач. Все складывалось превосходно.

Вечером Рубцов, как и обещал, приехал в медсанбат. Приехал не один, а с комиссаром корпуса А. И. Рычаковым. Это сразу насторожило Евгению Григорьевну: за полтора месяца скитаний у нее обострилось чутье ко всему, что касалось ее.

— Вот что, Женя, — с ходу заговорил Федор Дмитриевич, — тебе необходимо немедленно отправиться в тыл! Понимаешь?

— Нет, нет, Федя, что ты! Я врач! Я буду в корпусе, я нужна здесь...

— Это мне решать, где тебе быть, — перебил ее Рубцов. — Я командую корпусом и считаю необходимым...

Он не договорил. Евгения Григорьевна, закрыв лицо руками, еле сдерживала рыдание. Обида за то, что ее не хотели выслушать, понять, заполнила сердце.

— Евгения Григорьевна, нельзя же так, — вмешался в разговор комиссар Рычаков. — Вы поймите, Федору Дмитриевичу воевать, воевать надо. Он должен быть спокоен и за вас, и за дочку! Он уже раз похоронил вас! Подумайте, сможет ли он не волноваться за вашу судьбу, если вы останетесь здесь? А все мысли командира корпуса должны быть целиком отданы делу.

Рубцова оторвала руки от заплаканного лица и взглянула на мужа. Бледный, но решительный, он смотрел на нее с тоской и болью. И Евгения Григорьевна поняла, что ей ничего не изменить, что Федор все взвесил, продумал и что судьба ее уже решена. Она почувствовала, что за холодностью и официальностью Федора Дмитриевича скрыта искренняя нежность, забота и что иначе он говорить не мог, так как самому ему очень трудно расстаться с нею вот так сразу.

— Хорошо, Федя, я поеду, — подавленно проговорила Евгения Григорьевна.

— Ну вот и молодец! — с облегчением вздохнул Рубцов, обнимая вздрагивающие плечи жены.

Рычаков достал ручку, блокнот в дорогом красивом переплете и на бланке депутата Верховного Совета СССР размашистым почерком написал: «Военному коменданту города Гомель. Прошу оказать всестороннее содействие жене командира корпуса генерал-майора Ф. Д. Рубцова Евгении Григорьевне Рубцовой в отправке ее в Москву, к месту нахождения семьи. Прошу учесть, что тов. Рубцова имеет ранение.

Депутат Верховного Совета СССР, полковой комиссар Рычаков».

А утром следующего дня «эмка» мчала Рубцову и Могильного из-под Калинковичей в Гомель, в штаб 21-й армии. А еще через день на санитарном поезде они ехали в Москву.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ БОИ

Когда смотришь на карту советско-германского фронта середины августа 1941 года, поражает обилие синих массивных стрел, рассекающих всю Белоруссию. Они вытянулись через Смоленск и нацелены на Москву. Синие ненавистные стрелы — удары танковой группы Гудериана. Пройдя через Кричев и Рославль, восточнее района действий корпусов 21-й армии, они своим острым жалом загнулись на юг. В военной истории можно прочесть директиву, принятую 30 июля 1941 года в ставке Гитлера: «Группа армий «Центр» переходит к обороне... В интересах последующих наступательных операций против 21-й армии следует занять выгодные исходные позиции...»

Нацелив на 21-ю армию превосходящие силы, немецкое командование решило разгромить ее, выйти на правый фланг, а затем в тылы войск Юго-Западного фронта...

Намного позже будет известно, что Ставка Верховного Главного Командования Красной Армии серьезно опасалась такого поворота наступавших немецких войск и принимала меры, но меры эти были явно недостаточны и запоздалы. Они не смогли предотвратить нависшей катастрофы...

Между тем 15 августа немецкие войска окружили 63-й стрелковый корпус 21-й армии. Дрался он героически, но не многие вышли из окружения. Погиб и командир корпуса генерал-лейтенант Л. Г. Петровский.

19 августа враг захватил Гомель. Немецкая группировка нависла над флангом Юго-Западного фронта...

Получив приказ штаба 21-й армии об отходе, оставив

прикрытие, 66-й стрелковый корпус генерала Ф. Д. Рубцова оторвался от противника. Преодолев в два ночных перехода почти стокилометровое расстояние, в ночь на 25 августа корпус переправился через Днепр и вступил на территорию Черниговской области Украины. Вместе с 28-м и 67-м стрелковыми корпусами, понесшими в боях значительные потери, корпус Рубцова получил задачу преградить путь 2-й немецкой полевой армии, максимально уничтожая ее живую силу в оборонительных боях. Трое суток сражался корпус на рубеже Любеч — Петруши — Неданчичи — Репки — Замглай. Пять суток — на сооруженных оборонительных позициях по юго-восточному берегу реки Снов. О том, какие это были дни, говорят лаконично сухие строки тех немногих сохранившихся военных донесений:

«...66-й стрелковый корпус 30 августа вел ожесточенные бои на рубеже Ильчук, Носовка, Щорс, Займище.

Потери 55-й стрелковой дивизии за три дня до сорока процентов личного состава. Уничтожено 500 человек немцев... 75-я и 232-я стрелковые дивизии выходили на рубеж Новые Млины, Бегач, Борки...» *

«...66-й стрелковый корпус 3 сентября вел ожесточенные бои по юго-восточному берегу реки Снов на всем фронте, от города Щорс до села Борки. Противник, прорвавшись в стык между 28-м и 66-м корпусами, нанес удар с севера на город Щорс и овладел им...» **

Под натиском превосходящих сил мотопехоты противника в результате вклинивания в стыки между частями и обхода с флангов — корпус отступал.

Ночью дивизии отрывались от врага, проходили двадцать-тридцать километров, занимали выгодные для обороны рубежи и окапывались. Новые позиции корпус удерживал до тех пор, пока враг снова не обходил с флангов, либо не рассекал корпус на части, заходя в тыл. Часто невозможно было установить, где передовая, где тылы: кругом стрельба, постоянный интенсивный артиллерийский и минометный обстрел противником.

Стремясь прижать дивизии 66-го стрелкового корпуса к широкой и многоводной Десне, преграждавшей советским войскам пути отхода, 35-й и 43-й армейские корпуса гитлеровцев, хорошо оснащенные автоматическим оружием, при поддержке танков повели бешеные атаки...

— Товарищ Фурса, — сказал генерал Рубцов вызванному на командный пункт корпусному инженеру, — вам дается времени ровно двадцать четыре часа для того, чтобы силами

* ЦАМО СССР, ф. 375, оп. 5146, д. 3.

** Там же.

295-го отдельного саперного батальона построить в районе приречного села Салтыково-Девица два моста. Имейте в виду, товарищ подполковник, одного моста мало... необходимо два... Приказ ответственный, от его выполнения зависит жизнь тысяч людей... После переправы мосты должны быть немедленно уничтожены. Исполнение — семь ноль-ноль 9 сентября.

— А вот о госпиталях и раненых особый разговор. Переправу их нужно начать немедленно. Я думаю, что это можно сделать по железнодорожному мосту в районе Чернигова. С нашим соседом, 15-м стрелковым корпусом, обороняющим Чернигов, мы договоримся. Каково ваше мнение, товарищ Фурса?

— Постараемся, товарищ генерал-майор. Сделаем все возможное. На шпалы Черниговского моста положим дощатой настил и организуем переправу автомашин с ранеными, — подумав, заверил подполковник Фурса. — На время прохождения госпитального автопарка необходимо будет артиллерийское прикрытие, особенно зенитное, товарищ генерал.

— Хорошо. Об артиллерии мы побеспокоимся... Вы свободны.

Минули сутки. Утром 9 сентября после двадцатикилометрового ночного перехода дивизии начали переправу по наведенным мостам. Не прошло и четверти часа, как над мостами появилась «рама», немецкий самолет-разведчик. А еще через час эскадрилья «юнкеров» нанесла бомбовый удар. Один из мостов, деревянный, балочный, на сваях, пострадал: сорвало пролет. Движение остановилось. Под вражеским артиллерийским обстрелом саперы 295-го отдельного сапбата старшего лейтенанта Кондратова восстановили мост. Но во второй половине дня крупный отряд вражеских мотоциклистов атаковал арьергард 55-й стрелковой дивизии. Бой завязался в непосредственной близости от переправы. Шквальным огнем расстреливая защитников, мотоциклисты прорывались на мост.

— Взорвать мост! — крикнул подполковник Фурса своему заместителю майору Федорову, который отвечал за исполнение приказа командира корпуса по уничтожению переправы.

Часы отсчитывают секунды: пять, шесть, семь..., а взрыва нет. В чем дело? Почему? И с противоположного берега навстречу немецким мотоциклистам, пригибаясь, бросились по опустевшему мосту майор Федоров и старший лейтенант Яковлев. Вот они уже на середине моста, у взрывного фугаса... Проходят еще несколько секунд напряженного ожидания. Фурса видит, как Федоров и Яковлев одновременно приподнялись и спрыгнули в воду... А мотоциклисты, пробив по-

следний заслон, с грохотом же мчались по мосту. И в этот момент средний пролет моста резко поднялся высоко в воздух вместе с частью немецкого передового отряда, переломился и, развалившись на отдельные куски, рухнул в воду. До подполковника Фурсы и всех, кто напряженно следил за мостом, донесся оглушительный грохот взрыва...

Измотанные многодневными боями дивизии 21-й армии не смогли задержать хорошо вооруженного противника и на Десне. Прорвавшись через оборону 15-го стрелкового корпуса 5-й армии, левого соседа корпуса генерала Рубцова, враг захватил плацдарм на левобережье Десны у населенного пункта Вибли, что в десяти километрах от Чернигова.

Днем и ночью озарялись Вибли пожарами, вся наша артиллерия была по плацдарму. Но гитлеровское командование не жалело своих солдат, заполняя плацдарм свежей живой силой.

Командир 15-го стрелкового корпуса полковник М. И. Бланк, выполняя приказ командующего фронтом, трижды пытался ликвидировать этот плацдарм. Безуспешно. В четвертый раз, может быть в отчаянии, он сам пошел во главе атакующих. Полковник Бланк погиб, но сбить врага с плацдарма так и не удалось.

На следующий день противник переправил на плацдарм дополнительные части и стал обтекать дивизии 66-го корпуса с тыла. Одновременно на правом фланге, в расположении 229-го стрелкового полка 55-й стрелковой дивизии, появились фашистские автоматчики, в водолазных масках переправившиеся по дну реки. Враг рассчитывал на панику, но замыслы его провалились: метким прицельным огнем автоматчики были все уничтожены.

Однако заход немецких подразделений в тыл со стороны плацдарма у Вибли после двухдневных кровопролитных боев вынудил генерала Рубцова отвести корпус и занять оборону на рубеже Вертеевка — Комаровка.

В последующих боях за реку Остер и город Нежин 66-й стрелковый корпус понес большие потери. В дивизиях оставалось не более четверти личного состава. Кончались боеприпасы, из-за отсутствия горючего были выведены из строя и брошены тракторы-тягачи и тяжелые орудия, большая часть транспортных средств. Оставшиеся машины и повозки оказались переполнены ранеными.

Чем дальше уходили на юг, тем меньше встречалось лесов, тем уязвимее становились войска для неприятельской авиации...

В середине сентября 2-я немецкая танковая группа вышла в район восточнее города Прилуки. А с юга на соединение

к ней подходили к Лохвице механизированные и танковые войска Клейста.

Наступило утро 16 сентября. Взошло на востоке солнце. На небе ни облачка. По обеим сторонам пыльной проселочной дороги стояли тучные поля несжатой темноколосой пшеницы, местами смятой проехавшими автомобилями. Колонна машин оперативной группы штаба 66-го стрелкового корпуса, держа направление на районный центр Прилуки, медленно подходила к селу Толкачевка, что в двенадцати километрах северо-западнее Прилук.

Федор Дмитриевич Рубцов, сидя в кабине «эмки-пикапа», дремал, временами на миг просыпаясь и снова проваливаясь в сон... Генерал был утомлен постоянным недосыпанием, вконец измотан в двадцатидневных упорных боях подвижной обороны. Вдруг он проснулся от хлесткой автоматной очереди, которая роем пуль прошла по автомобилю. Звякнуло, разваливаясь на части, ветровое стекло. Машину резко развернуло, бросило на обочину. Вася Гаценко, возивший Рубцова более двух лет, перенесший вместе с генералом все тяготы и муки выхода из окружения под Белостоком, сменивший за последние два с половиной месяца три автомобиля, сейчас внезапно склонился на рулевое колесо, безжизненно опустив голову и руки. По виску его тоненькой стружкой стекла кровь...

Где-то рядом звучным хлопком разорвалась граната. Выпрыгивая из грузовиков и автобусов, штабные работники и бойцы охраны укрывались в высокой пшенице, многие ложились прямо на дороге, за скатами автомобильных колес. Миг — и, выхватив пистолет, Рубцов притаился за двигателем. Обстановку оценил молниеносно: стреляли со стороны огородов, лентой протянувшихся между хатами и дорогой. Присмотревшись, генерал увидел в зелени картофельной ботвы гитлеровцев в черных фуражках. «Эсэсовцы! Откуда они здесь? — мелькнула мысль. Отчетливо услышал выкрик на немецком языке... К остановившейся в беспорядке колонне машин с шумными возгласами побежали фашисты, на ходу стреляя длинными очередями из своих автоматов.

— Огонь! — скомандовал Рубцов и, быстро прицелившись в высокого немца, размахивавшего «вальтером» и поминутно оглядывавшегося назад, выстрелил... Эсэсовец, споткнувшись, остановился, прижал руку к животу, обернулся, что-то крикнул и сел в траву. «Ранил я его, стал плохо стрелять, — с укоризной подумал Рубцов и начал ловить на мушку другого гитлеровца...

Слева, совсем близко, отрывистыми короткими очередями заработал ручной пулемет Дегтярева. И генерал обрадовался:

«Симоненко! Жив, значит...» Вдалеке раздалась очередь второго пулемета. Фигуры в черных с засученными рукавами мундирах останавливались, падали... Одни, хоронясь в зелени огорода, лежа продолжали вести автоматный огонь, другие быстро отползали к хатам.

— Товарищ генерал, посмотрите! — услышал Рубцов голос старшего лейтенанта Симоненко. — Товарищ генерал! — Адьютант теперь был совсем рядом с ним, одной рукой он придерживал пулемет, другой показывал на въезд в село. — Вон там...

Рубцов обернулся и увидел пять-шесть неуклюжих тупорылых автомашин с длинными кузовами, из которых выпрыгивали немцы. А за ними, поднимая пыль, вынырнули танки с черными крестами на броне.

— Отходить!! Отходить на восток, к реке! — скомандовал Рубцов. — Передать по цепи. Симоненко, остаться на месте! Пулеметчикам на пять минут прикрыть отход!

Двести-триста метров, которые отделяли бойцов и командиров штабной колонны до камышовых зарослей, оказались неимоверно трудными...

Танки открыли огонь. Рвались снаряды. С визгом летела шрапнель. Вдогонку свистели пули... Вот наконец и плавни! В рост человека камыши, хлюпающая жидкая грязь. Все дальше от огня и металла! Плавни надежно укрыли оперативную группу штаба от неожиданно появившегося вооруженного до зубов врага.

А потом был трехчасовой переход пешком до Прилук.

Нагромождением машин, разбитой техникой, скоплением войск встретил их город. С трудом нашли второй эшелон штаба корпуса, установили местонахождение и связь со штабами дивизий.

Враз сгустившиеся сумерки принесли короткий, но такой желанный отдых.

Утром следующего дня генерал-майор Рубцов получил от командующего армией приказ — временно передать дивизии в непосредственное подчинение штабу армии для использования их в обороне Прилук. А самому командиру корпуса вместе со штабом и оставшимся личным составом корпусных частей — артиллерийского полка, саперного батальона, батальона связи — выдвинуться в район восточной окраины Пирятина. Задерживая и подчиняя себе оторвавшиеся группы отступающих частей любых дивизий и армий, организовать оборону по берегу реки Удай и хотя бы на десять-двенадцать часов задержать немецкие подвижные соединения.

Такой несколько необычный приказ получил генерал-майор Ф. Д. Рубцов 17 сентября 1941 года.

И СНОВА ПЕРМЬ

А пятью днями раньше этого, вечером 12 сентября, пассажирский поезд Москва — Пермь прибыл на станцию Пермь II. За вагонным окном было пасмурно, капли дождя медленно скатывались по серому от пыли стеклу, оставляя чуть заметные ниточки следов.

Евгения Григорьевна с дочерью Леной и матерью Надеждой Зиновьевной неторопливо пробирались к выходу из вагона. Поезд поставили на второй путь: на первом разгружали эшелон с ранеными. И здесь, в глубоком тылу, неотступно преследовала Евгению Григорьевну война. Спустившись на перрон, она огляделась. Встречающих не было. Крепко сжав руку дочери, пошла к перекидному мосту и стала подниматься по его ступенькам. Надежда Зиновьевна не отставала, то и дело поправляя сползающий с головы платок.

Толпа пассажиров, прибывших с поездом, быстро редела, и теперь на перроне остались лишь военные, да мелькали белые халаты медсестер и санитаров. Вдруг щемящее чувство одиночества снова охватило Евгению Григорьевну. Она болезненно пережила расставание с Федором. И теперь, приехав в город, в котором прошли счастливейшие годы ее жизни, город, откуда около двух лет назад она провожала Федора Дмитриевича на войну с Финляндией, Евгения Григорьевна ощутила прилив горькой тоски.

— Женья, Женечка! — услышала Рубцова голос, который показался очень знакомым, и оглянулась. Перешагивая сразу через две ступеньки, обходя встречных, поднималась по лестнице, запыхавшись, Наталья Кузьминична Кузнецова, с которой они вместе работали в детской клинике. Рубцова бросилась ей навстречу, обняла и уже не смогла сдержать слез.

— Женечка, милая, не надо, успокойся! — торопливо говорила Наталья Кузьминична, целуя подругу. — Понимаешь, задержалась в клинике, телеграмму получила, спешила к поезду, думала, что успею. Не надо же так, успокойся. Надежда Зиновьевна, Леночка! Здравствуйте! Надежда Зиновьевна, вещи-то где у вас? Дайте я понесу, устали с дороги. Пойдемте ко мне домой, — скороговоркой сыпала Кузнецова, взволнованная этой встречей.

Так, поддерживая одной рукой Евгению Григорьевну, которая все еще не могла успокоиться, в другой неся небольшой чемоданчик, Кузнецова, поминутно оглядываясь на Лену и Надежду Зиновьевну, направилась к трамвайной остановке.

Переполненный трамвай нервно вздрагивал. Доехали до Разгуляя. Вот и небольшой деревянный домик на улице Островского, где живет Наталья Кузьминична с сыном.

— Проходите, раздевайтесь, я сейчас чай поставлю! — В маленькой двухкомнатной квартире Кузнецовых было тепло и уютно. — Поживете пока у меня, мы со Славой в меньшую комнату перейдем, а вы тут, в этой устраивайтесь, — говорила хозяйка, расставляя на столе, покрытом цветной клеенкой, чайные чашки, нарезая тоненькими ломтиками хлеб.

Когда все поужинали, Наталья Кузьминична стала готовить постели: Надежду Зиновьевну с Леночкой устроила спать на диване, Евгению Григорьевне постелила на полу.

До поздней ночи засиделись подруги в тесной кухне. Наталья Кузьминична смотрела полными сочувствия глазами в худое, измученное лицо Рубцовой и слушала рассказ о выпавших на ее долю испытаниях. Кузнецова сама провела не одну бессонную ночь, думая о муже, от которого вот уже около трех месяцев не было писем.

Утром следующего дня Рубцова пошла в областной военкомат. Надо было решить вопрос о работе. Немноголюдно на улицах Перми. Лица редких прохожих озабочены, у магазинов длинные молчаливые очереди женщин и детей.

В облвоенкомате Евгению Григорьевну принял начальник политотдела. Внимательно выслушав, обещал помочь в определении на работу.

— А теперь, товарищ Рубцова, зайдите к начальнику финчасти Тохтуеву, я позвоню ему, чтоб запросил документы в Главном управлении кадров на оформление денежного аттестата на вашу семью.

— Тохтуев в Перми? — удивилась Евгения Григорьевна. — Он работал на этой же должности в штабе дивизии, которой командовал мой муж. Я хорошо знаю Тохтуева.

— Вот и отлично. Ну, до свидания, желаю вам успеха!

В финансовой части Рубцовой выдали карточки. Отпечатанные на специальной гербовой бумаге различных цветов, сплошь из талончиков с названиями видов продуктов, они как бы приобщали ее к суровой жизни трудового города, отдающего все фронту, работавшего на победу. Один килограмм пятьдесят граммов хлеба будет получать вся ее семья на день. Здесь были карточки и на масло, и на сахар, и на крупу... Но все в таких малых количествах... «И одному-то человеку не хватит, а как жить всем троим?» — подумала Евгения Григорьевна, разглядывая карточки.

Назначение на должность врача-ординатора госпиталя 1712 Рубцова получила на следующий день. Теперь специализация хирурга, которую она по совету Федора Дмитриевича прошла в Минске накануне войны, пришлась очень кстати.

Госпиталь размещался в корпусе педагогического института (угол улиц Карла Маркса и Пушкина) и совсем недав-

но принял первых раненых. В здании оборудовали санпропускник, приемное отделение, столовую, операционную и перевязочную палаты. Добротное выстроенное помещение поразило Рубцову белизной просторных палат, чистотой постельного белья. Аккуратно выкрашенные в светлые тона коридоры, с мягкими шерстяными дорожками, цветы на высоких подоконниках, удобная мебель — все говорило о том, что промышленные предприятия города не пожалели сил, создавая уют для тех, кто уже побывал в пекле войны, защищая свою Родину. Пермская художественная галерея передала госпиталю несколько десятков картин, написанных известными мастерами. И теперь полотна украшали стены коридоров.

Начальник госпиталя, высокий, худой военврач второго ранга Александр Михайлович Соснин, имел уже опыт госпитальной работы на Халхин-Голе и в период боев с Финляндией. Энергичный и предприимчивый, уравновешенный, но требовательный к сотрудникам, он повел дело грамотно, вникая во все мелочи госпитального быта. Александр Михайлович внимательно выслушал Рубцову о том, что пережила она до того, как попала в Пермь, и, когда та кончила свой рассказ, просто сказал:

— Будем работать.

— Но я не сделала еще ни одной операции, как говорится, «ножа в руках не держала», мне оглядеться нужно!

— Некогда, некогда, уважаемая Евгения Григорьевна, оглядываться, фашисты не будут ждать, пока мы опыт приобретем. Да вы сами прекрасно это знаете, немало уже крови видели. Вникайте во все в процессе работы. Максимум внимания и терпения к раненым. За помощью обращайтесь к начальнику отделения Нине Васильевне Белецкой. Она прекрасный специалист, всегда поддержит.

Придя из госпиталя, Рубцова застала дома Наталью Кузьминичну.

— Знаешь, Женя, кого я сегодня встретила? Яна Семеновича Адамсона. Он сначала не поверил, что ты... у меня установилась. Из Москвы докатились слухи о твоей гибели. Он передавал большой привет, очень просил зайти. Ну, что ты встала у порога, раздевайся.

— Нет, нет, Наташа. Я сейчас же схожу к Яну Семеновичу. Он друг Федин, может, что-то знает о нем, — торопливо застегивая непослушными пальцами пуговицы и отступая к двери, взволнованно говорила Евгения Григорьевна.

Как только дежурный по штабу доложил о Рубцовой, Адамсон вышел в приемную и, взяв Евгению Григорьевну под руку, проводил в свой кабинет. Она огляделась. Здесь все было как при Федоре Дмитриевиче.

— Вот и встретились, — взволнованно проговорил Адамсон, пододвигая Рубцовой стул. — Хорошо, что вы в Перми, здесь помнят и ценят Рубцова, здесь вы как дома.

— Ян Семенович, что вы знаете о Федоре? — сразу же спросила она.

— Пока ничего. Да успокойтесь, пожалуйста, не надо так волноваться. Поберегите себя!

— А как вы, как ваши дела?

— Был на фронте, недолго, правда. Вскоре получил приказ о передаче дивизии другому командиру. Самого опять в Пермь послали. Не хотел с фронта, да приказы не обсуждают. Расскажите-ка о себе лучше!

И снова, уже в который раз, Рубцова говорила о страшных первых днях войны, о выходе из окружения вместе с полковником Могильным, о ранении, о встрече с Федором Дмитриевичем.

Прощаясь, Адамсон внимательно посмотрел в серые, с еще не высохшими на ресницах слезинками глаза Евгении Григорьевны и проникновенно сказал:

— Что бы ни случилось, — держитесь, вы жена офицера. Если что узнаю о Федоре Дмитриевиче, сообщу непременно. Но верю, верю, что он жив! А вы со всеми нуждами сразу ко мне. Кстати, как у вас с зимней одеждой? Вот что, завтра же ступайте в военторг и получите телогрейки с валенками, я распоряджусь. Зима на Урале, сами знаете, лютая. Ну, до свидания!

С головой окунулась в свою работу врач Рубцова, и все личное, недавно пережитое, как бы отступило на второй план, укрылось в самых сокровенных уголках души. Вместе со всеми людьми она хотела одного — победы над врагом.

Евгении Григорьевне досталась сложная палата. Большинство раненых с поражением нижних конечностей, были и с ожогами. Особую тревогу вызывал двадцатилетний лейтенант Борис Орлов, бывший студент Ленинградского судостроительного института. У него тяжелый ожог нижней части живота и ног. Воспаленными, мутными от нестерпимой боли глазами он часами глядел в потолок, не произнося ни слова. У Бориса обожжена треть тела.

Много долгих бессонных ночей провела Рубцова у его постели. Она знала, что такие раненые не выживают, но как могла боролась за его жизнь, не раз меняла курс лечения. Орлову неоднократно переливали кровь, вводили в организм растворы, а улучшения состояния больного не наступало...

Евгения Григорьевна медленно идет по палате. Вот уже немолодой боец Иван Егорович Евсеев. Все врачи и сестры госпиталя обращаются к нему по имени и отчеству. У Евсеева

тяжелое ранение правой ноги. Но даже прикованный к койке, этот коренастый, крепкого телосложения мужчина не растерял оптимизма и жизнелюбия. У Евсеева началась гангрена. Ногу надо ампутировать.

— Не дам, слышите, не дам! — гремит по палате его голос. — Ни в жизнь без ноги не буду!

— Иначе смерть, — жестко обрывает Рубцова.

— Смерть?! А вы зачем тут?! Лечите! Резать не дам!

— В таком случае я не могу бороться за вашу жизнь. Да поймите же вы это наконец!

— Не можешь — не берись, пусть другие лечат! — упрямо бросает Евсеев и отворачивает лицо к стене.

Время терять нельзя. И после мучительных раздумий Рубцова идет к начальнику отделения Н. В. Белецкой, организует консультацию профессора М. С. Знаменского.

Беден арсенал медицинских средств. Антисептические растворы, витамины, стрептоцид и усиленное питание — вот все, что можно применить. «Бесполезно, погибнет», — бьется в сознании беспокойная мысль. Но, чудо! К концу недели опухоль на ноге Евсеева стала заметно спадать, уменьшилась синюшность. Раненый и сам чувствует, что потихоньку выкарабкивается из цепких лап смерти.

— Спасибо, доктор! — говорит он Рубцовой после очередного обхода. — Да я за эту ногу десяток фашистских гадов уложу!

Напряженны будни госпиталя. Особенно трудны ночи, когда с эвакуопункта раздается тревожный звонок, предупреждающий о прибытии эшелона с фронта. В госпиталь прямо ночью вызывают сотрудников, в приемное отделение перетаскивают носилки, в помещениях производится генеральная уборка, заправляются чистым бельем постели, пополняются медикаменты, стерилизуются хирургические инструменты и перевязочный материал.

И вот начинают прибывать машины, полуторки и трехтонки, с побывавшими в самом пекле бойцами. Они измучены долгой дорогой, истощены, повязки, нередко наложенные еще семь-восемь суток назад, бурые от запекшейся крови. Десятка полтора машин выстраивается на улицах перед госпиталем. Выгрузкой раненых занят весь персонал госпиталя. И среди всех выделяется высоким ростом Александр Михайлович Соснин. Он быстр в движениях, немногословен, но врачи, сестры, санитары, работники хозяйственной службы выполняют его приказания стремительно и точно.

Приглушенные и громкие стоны раненых, спокойные, ласковые голоса сестер, шум машин, крики команд, отчаянные возгласы — все сливается в характерный и ни с чем не срав-

нимый госпитальный гул. Да, прием раненых — самый трудный рабочий день. Когда раненые осмотрены, накормлены, размещены по палатам, врачи и сестры от усталости буквально валятся с ног, и только начальник госпиталя кажется таким же спокойным и неутомимым. Но как бы ни уставала Евгения Григорьевна, а придя домой, непременно сядет за дневник. Вся в мыслях о муже, на страницах тетрадки поведет разговор с ним. Вот уже месяц они в Перми, а от Федора Дмитриевича никаких вестей. От недобрых предчувствий и тоски сжимается сердце.

Нашими войсками оставлены города Гомель, Чернигов, Киев... Напряженная тишина в госпитальных палатах, угрюмые лица раненых, среди которых много украинцев. Под Харьковом родина Рубцовой. Там брат, сестра, тетя... И Федор где-то в той стороне. Почему же не пишет он? Прав Адамсон, нельзя предаваться унынию, держаться нужно. Да и не только самой держаться, надо еще и раненых хоть на короткое время отвлечь от тяжелых дум, подбодрить.

ПИРЯТИН

Высокая дамба через пойму тихой, но полноводной реки Удай (начальный участок шоссе Пирятин — Сумы) сплошь забита войсками. Соединения, части и отдельные подразделения в стремлении покинуть город Пирятин, который в эти дни оказался на скрещении путей отступавших армий Юго-Западного фронта, неудержимым потоком пробивались к дамбе. Враг, используя все заднепровские аэродромы, с раннего утра бомбил скопления советских войск. Армады немецких штурмовиков и бомбардировщиков через двадцать-тридцать минут пиратствовали в воздухе. После каждого налета сотни убитых и раненых, разбитые, исковерканные и горящие автомобили, черные тучи ядовито-удушливого дыма от горелой резины и крашеного металла.

«Пока не закрыта последняя горловина, надо спешить!» — думал Ф. Д. Рубцов, тревожно оглядывая хаотическое нагромождение войск и техники.

Оставшиеся в живых, из тех, кто прошел по дамбе и мостам через Удай в Пирятине 18 сентября 1941 года, до конца дней своих будут вспоминать высокого генерал-майора, наводившего порядок и организованность. Да, генерал Ф. Д. Рубцов сам регулировал движение, определяя очередность выхода на дамбу. Порой он властно приказывал сбросить с насыпи остановившиеся, преградившие путь автомобили и повозки. И все, что он предлагал или приказывал, исполнялось

безоговорочно и немедленно. Комиссар Рычаков, начальник политотдела Карасев, прокурор майор Синельников, офицеры оперативного и строевого отдела штаба вместе с командиром корпуса разбивали возникавшие пробки. Одновременно из мелких групп отступавших частей и подразделений создавали новые формирования, которые во главе с назначенными тут же командирами уходили занимать оборонительные позиции. А там, за рекой, у восточной окраины поселка Заречный, полковник Зданович руководил подготовкой обороны.

Проявив упорство, придержав напиравшие войска, генерал Рубцов пропустил колонну машин штаба фронта. За ней медленно пробилась колонна дивизий и частей 5-й армии генерала М. И. Потапова. А позже прошли дивизии и 66-го стрелкового корпуса генерал-майора Ф. Д. Рубцова. Он узнавал в движущихся колоннах хорошо знакомых людей с изможденными лицами, с серо-грязными повязками, бурыми от пятен крови.

От гудков автомашин, громкой ругани, отчаянного ржания лошадей, от грохота разрывов авиабомб и постоянного рева самолетов над улицами города и дамбой стоял тяжелый, режущий уши гул.

— Рубцов, товарищ Рубцов! — услышал генерал знакомый голос.

Взглядом Федор Дмитриевич с трудом отыскал закамуфлированный ЗИМ, медленнодвигающийся в колонне грузовиков, и узнал привставшего на подножке машины генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова.

— Двигайтесь на Городище, на Городище!.. — крикнул Кузнецов. В этот миг с грохотом пронеслись над головами один за другим три самолета с черными крестами на фюзеляжах, свинцовым градом поливая проходящие войска. Командующий прокричал еще что-то, но уже ничего невозможно было разобрать.

Дверка машины захлопнулась. Рубцов понял только, что Городище — новый пункт следования.

А войска все шли и шли...

Около трех часов дня на восточной окраине Пирятина и на дамбе стали рваться снаряды. Враг начал артиллерийский обстрел.

— Старший лейтенант Симоненко! Выяснить, откуда бьет артиллерия! — приказал Рубцов своему адъютанту.

Вскоре начальник разведотдела полковник Плетнев доложил о подошедших с востока немецких танках, которые и вели артиллерийский обстрел.

В пять часов дня в одной из хат на окраине Пирятина командир корпуса провел экстренное совещание.

— Порядок, товарищи, будет такой, — сказал генерал. — Начальники служб, командиры частей в пределах одной-двух минут, не более, — подчеркнул командир корпуса и посмотрел на часы, — доложат о состоянии дел. Потом — предложения штаба... Полковник Плетнев, начинайте!

Не радовали генерала доклады командиров. Немцы прорвались и оседлали дороги, накапливают силы, очевидно, для блокирования советских войск в Пирятине. Большие потери личного состава. Нехватка орудий, снарядов, патронов. Связи со вторым эшелonom не установлено. Полевые госпитали переполнены ранеными, трудно с эвакуацией...

Последним докладывал начштаба полковник Пиказин. Изменился, очень изменился полковник. Будучи сухощавым; несколько бледным вообще (следствие обострения язвы желудка), в последние недели колоссальной нервной и физической нагрузки он сдал, весь высох, сильно поседели его черные, как смоль, волосы.

— Личного состава в корпусных частях мало, боеприпасов почти нет. Новые, сегодня созданные нами формирования, малобоеспособны...

Рубцов встал. Напряженная тишина сразу повисла в хате.

— Да. Положение критическое. — Голос генерала дрогнул. — Приказ командующего — отходить на Городище, остатки дивизий нашего корпуса уже там. Попробуем внезапно ночным тараном прорваться через вражеский заслон. Поручаю всем вам, — генерал-майор пристальным взглядом окинул присутствующих, — собрать через час всех водителей автомашин и тракторов. Привлечь технику независимо от ее принадлежности, замаскировать ее в кустарниках и подготовить к маршу. По сигналу красной ракеты завести машины, построить в пять-шесть рядов. — Рубцов попросил у полковника Здановича карту, расстелил. Жестом он пригласил всех придвинуться к столу. — По второму сигналу начать движение. Я думаю, вот здесь, у села Высокого, на максимальной скорости прорвать заслон. Иным путем этот населенный пункт не обойти. Проскочим... Сплошного кольца окружения пока нет. Противник не успел сосредоточить достаточных сил на путевых магистралях... В машины посадить весь личный состав, включая и роты, что сегодня сформированы. Следовать на Деймановку, потом на Городище... В оставшееся время пополнить боеприпасы. — Чуть помедлив, добавил: — К поиску патронов и гранат приложить усердие... Какие будут дополнения? — Он снова взгляделся в сосредоточенные лица командиров.

— Товарищ генерал-майор, как быть с шифрами? — спросил начальник связи майор Чирков.

— Уничтожить, — после короткого раздумья сказал генерал. — Оперативные и другие документы, имеющие ценность для врага, сжечь. Особенно списки личного состава. Политотделу уничтожить бланки партийных документов и учетные карточки коммунистов... Комиссар возражений не имеет?

— Нет. У меня лишь одно дополнение, Федор Дмитриевич, — сказал Рычаков и встал. — Я бы предложил всем, находящимся здесь, оставить для себя по последнему патрону...

С наступлением сумерек сводный отряд Рубцова, размещенный на машинах, был готов к прорыву. По установленному сигналу огромная колонна набрала скорость. Водители нервно сжимают колеса рулевого управления, они напряжены до предела, наготове пулеметчики...

Многорядная колонна машин без света подошла к Высокому. В какие-то считанные секунды село озарилось настоящей иллюминацией: не жалели немцы ракет. Крики, лающие возгласы команд, автоматные и пулеметные очереди.

Теперь все зависело от умения и сметки водителей. Автомашины, объезжая немецкие бронетранспортеры и автомобили, стоящие на дороге, сшибая заборы и плетни, увертываясь от плотного пулеметного огня, группами и в одиночку пробивались через село.

Расчет на смелый неожиданный натиск был точен. Колонна прорвалась с минимальными потерями, оставив несколько десятков горящих вражеских автомобилей.

В полночь она подходила к Городищу.

НОЧЬ В ГОРОДИЩЕ

Село было сплошь забито войсками. С огромным трудом удалось разыскать хату, где находился командующий 21-й армией и оперативная группа его штаба. Переполненная горница тускло освещалась светом керосиновой лампы. На широких деревянных лавках, большой печи, просто на полу, укрывшись с головой шинелями, лежали офицеры штаба, а сам генерал-лейтенант В. И. Кузнецов, начальник штаба генерал-майор В. Н. Гордов и несколько полковников, склонясь над столом, изучали развернутую, сильно потертую на сгибах оперативную карту. В слабом свете лампы, еле пробивавшемся через табачный дым, не сразу заметили они вошедших Рубцова, Рычакова, Пиказина и Здановича, озирающихся, туда ли они попали. Осторожно перешагивая через лежащих на полу людей, Рубцов приблизился к столу:

— Товарищ командующий!

В. И. Кузнецов оторвал от карты взгляд красных, воспаленных глаз:

— Рубцов! — и, поднявшись из-за стола, крепко пожал вошедшим руки.

Федор Дмитриевич начал докладывать, но командующий остановил его:

— Потом докладывать будешь, живы — это главное. Голодны, наверное? Мы вот тут перекусили немножко, чай еще не остыл. Давайте устраивайтесь. Без церемоний.

— Спасибо, товарищ генерал. Действительно, со вчерашнего вечера в рот ничего не брали, — за всех ответил комиссар Рычаков.

Несколько старших офицеров поднялись, уступая место у стола, на краю которого лежали прикрытые газетой нарезанные ломти хлеба, а чуть подальше — консервные банки, кружки и несколько кусков сахара.

Ели молча, сосредоточенно пережевывая хлеб, толсто намазанный свиной тушенкой, так же молча пили обжигающий губы кипяток, перехватывая из руки в руку горячие кружки. Рубцов взглянул на часы, они показывали два ночи. Генерал был так измотан и голоден, что пережевывал эту случайную пищу и запивал ее кипятком равнодушно. Усталость свинцовой тяжестью сдавливала веки, а в сознании с необычайной ясностью проплывали события этого дня. Смещение тылов и войск, потеря управления соединениями и частями, окружение — все это шемящей болью наполнило сердце... А потом вспомнилась уютная квартира в Белостоке, своя тихая комната с рабочим столом, с книгами... Теперь там хозяйничали солдаты врага... И Федор Дмитриевич мысленно перенесся в предпоследнее мирное пристанище своей семьи — в Пермь, город, далекий от линии фронта.

В Перми в эту пору стоит теплое бабье лето, сухое, солнечное, грибное... Хотя и редко, но с каким желанием он вместе с Женей и Леной бродил по лесам в округе Перми, собирая последние крепкие подосиновики, рыжики, опята. Теща очень любила чистить их и жарить. А какие она борщи варила вкусные... И никак не могла привыкнуть к тому, что на Урале признают только супы. Но, помнится, очень даже по душе Надежде Зиновьевне пришлось уральские пельмени... Сейчас он так захотел получить от семьи письмо. Знал, они тоже волнуются за него, подумал, что надо бы подать о себе весточку, жив, мол. Но когда писать, и где те почтальоны, которые из этого ада вынесут письмо и доставят по адресу?..

Опытный военачальник, с боями прошедший в гражданскую от Воронежа до Новороссийска, от Каховки до Крыма, громивший со своей дивизией наиболее укрепленные узлы

линии Маннергейма на Карельском перешейке, сумевший в первые недели этой войны выйти с большой группой бойцов и командиров из окружения под Белостоком, генерал Рубцов в который уже раз задавал себе один и тот же вопрос — как быть дальше?

И, словно прочитав его тревожные мысли, Василий Иванович Кузнецов сказал:

— Сейчас одна задача — вывести как можно больше людей. Анализировать, искать просчеты будем после победы. Положение, Федор Дмитриевич, сложнее, чем было под Белостоком и Гродно. И не только потому, что местность открытая и водные преграды. Давайте-ка вместе думать! Вот здесь, по восточным берегам рек Многи и Сулы, растянулись крупные механизированные соединения немцев. Сведения точны, получены от командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника Кирпоноса. Тут нам не прорваться, тем более предстоит форсирование двух рек. Совершенно ясно, мосты и переправы под особым контролем противника. Выходить надо небольшими группами... По возможности необходимо сообщить об этом командирам дивизий и дать им свободу действий... — Командующий замолчал.

В хате на некоторое время воцарилась тишина.

— Действительно, надо выходить небольшими группами, — согласился Рубцов. — Большой шанс на успех может быть в южном направлении. Попробовать вот здесь переправиться через Удай, — генерал склонился и карандашом показал на карте место, — пройти километров пятнадцать в непосредственной близости от Сулы и лишь где-то между Мгарью и Березоточей форсировать эту реку? Там немец нас не ждет...

— Пожалуй, вы правы, Федор Дмитриевич. — Генерал-лейтенант Кузнецов снова поглядел на карту. — Но нужно спешить, дорог каждый час. Товарищ Рубцов, какие у вас остались саперные подразделения?

— Батальон старшего лейтенанта Кузнецова, товарищ командующий.

— Вот что... Поручите срочно разыскать командира саперного батальона. Необходимо сейчас же начать делать плоты, использовать все, что держится на воде!

Спустя час старший лейтенант Кузнецов вместе со своими саперами, которых осталось не больше взвода, приступил к изготовлению плотов. В дело пошли доски и бревна колхозных построек. А на рассвете 19 сентября на западной окраине села появились немецкие мотоциклисты, грузовики с пехотой, броневики, открывшие бешеный огонь. Плоты спешно грузились в машины...

— Товарищ командующий! Василий Иванович! Уводите свой штаб... Скорее! Мы прикроем ваш отход, — открыв дверь в знакомую хату, торопливо крикнул Рубцов. В правой руке он держал карабин.

— Хорошо, Федор Дмитриевич... Прощаться не будем. До встречи!*

Слева Удай, справа полукругом огибающая Городище река Многа, километра через полтора она впадает в Удай, который у Березоточи вливается в полноводную Сулу. По берегам болотистые камышистые плавни. А с запада враг.

Все ожесточеннее разгорается бой. Оставшиеся в селе по приказу Рубцова перекрыли дороги, ведущие к реке, давая возможность своим оторваться от противника. Дрались небольшими группами, и уже невозможно было руководить этим боем. Кончались боеприпасы — оружие становилось ненужным. Медленно отходили в плавни...

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Отстреливаясь на ходу из винтовок, карабинов и пистолетов от наседавших эсэсовцев, укрываясь за хатами и плетнями, короткими перебежками уходила к южной окраине села группа бойцов и командиров. Высоким ростом и генеральской формой был издали приметен Федор Дмитриевич Рубцов. Городище быстро наполнялось немцами. Ревели мотоциклетные моторы, били резкие автоматные и пулеметные очереди, порой отчетливо слышались команды. В минуту опасности бойцы из разных дивизий и частей сплотились вокруг генерала, готовые принять смертельный бой, но не сдать врагу. Солнце еще не взошло. Над рекой поднимался густой туман, и в нем надеялся укрыться этот небольшой отряд.

Огненная полоса осталась позади, до реки каких-то метров триста-четырееста... Как вдруг из-за поворота улицы внезапно вынырнуло мотомеханизированное немецкое подразделение — последний путь был отрезан.

— К бою! — крикнул Рубцов. — Приготовить гранаты!

---

* Генерал-лейтенант В. И. Кузнецов с группой командиров и красноармейцев штаба 21-й армии вышел из окружения. Был назначен командующим 1-й ударной армией, которая преградила путь немцам на Москву. С 1943 года по март 1945 года был заместителем командующего 1-м Прибалтийским фронтом, в дни штурма Берлина генерал-полковник В. И. Кузнецов возглавлял 3-ю ударную армию. В 1945 году ему было присвоено звание Героя Советского Союза. После Великой Отечественной войны был председателем ЦК ДОСААФ, командовал войсками Приволжского военного округа, работал в Генеральном штабе Советской Армии. Умер в 1964 году.

Бойцы, прижавшись к хатам, открыли из-за плетней прицельный огонь по фашистам. Мотоциклы круто развернулись, несколько машин опрокинулись. Из-за угла ближней избы выполз броневик. Но не успел он сделать ни одного выстрела: генерал выхватил гранату и, приподнявшись, швырнул ее. Взрыв поднял столб огня, вражеская машина запылала.

— Так их! — услышал Рубцов голос адъютанта Симоненко. Хотел повернуться к нему и вдруг почувствовал в ноге резкую боль.

С противоположной стороны дворов к хате, за которой укрылся генерал, стреляя на ходу, бежала группа фашистских автоматчиков. По ним и открыл огонь Симоненко. Рубцов пытался подняться и — не смог.

— Генерал ранен! — крикнул залегший неподалеку красноармеец.

Несколько бойцов перебежками бросились к Рубцову. Но немецкие автоматчики уже начали окружать двор. Они заметили генерала и поняли, что он ранен. Немцы, видимо, захотели во что бы то ни стало взять генерала живым.

Бой длился еще около получаса. Падали фашисты, на смену им ползли другие. Меньше и меньше становилось наших бойцов. И помощи ждать было неоткуда. Все реже гремели винтовочные выстрелы. Их уже почти не слышно было из-за трескотни немецких автоматов.

«Русс генерал, сдавай!» — Немцы вплотную подошли к двору, в котором Рубцов вместе с солдатами занял круговую оборону. Истекая кровью, прижимаясь к земле, он стрелял по высывавшимся из-за угла хаты фигурам, стараясь каждую пулю послать в цель. Кончились патроны в карбине... Он стал стрелять из пистолета.

«Прекратите сопротивление, генералу гарантируем жизнь!» — на ломаном русском языке раздалось из-за плетня.

Вокруг стало тихо-тихо. Нарушил тишину генерал. Он дважды подряд выстрелил по рыжему детине, перебежавшему двор. Вскрикнув, немец упал. И сразу застрекотали кругом автоматы... Резко вздрогнул и вытянулся Симоненко, сраженный пулей. Вот выронил из рук винтовку еще один боец.

Кончились патроны у комкора. Тогда Рубцов достал последнюю оставшуюся у него лимонку, неторопливо вложил в нее запал.

Прижавшись к земле, словно прощаясь с нею, Федор Дмитриевич прикусил губу и закрыл глаза. Напряженно стучавшее сердце тоскливо сжалось, Рубцову, как наяву, привиделась Пермь. Из городов, в каких довелось служить, она запомнилась больше всего. Здесь прошли самые счастливые и удачливые годы. Он подумал о жене, о дочке, не зная, что

всего неделю назад они вернулись в Пермь, которая и для них стала родной...

Прошла минута, другая, третья... Фашисты обрадовались: наконец сдается русский генерал.

Осторожно выходили они из-за хат, наготове держа автоматы.

И когда они были возле Рубцова, он выдернул из гранаты чеку, раздался взрыв...

Так, плечом к плечу со своими солдатами в неравной схватке, погиб генерал-майор Федор Дмитриевич Рубцов.

РАССКАЗЫВАЕТ ЗДАНОВИЧ

«День девятнадцатого сентября сорок первого года всем нам, кто остался в живых после боя в Городище, кто прошел через камышовые плавни реки Удай, остался в памяти как день самых тяжелых испытаний в жизни, — так начал рассказ тридцать лет спустя начальник оперативного отдела штаба 66-го стрелкового корпуса, ныне Герой Советского Союза генерал-майор в отставке Георгий Станиславович Зданович*. — Помню, еще гремела перестрелка в селе, еще наседали на нас мотоциклисты, броневики и вражеские автоматчики. «Уходить через плавни на юг, уходить группами», — приказал командир корпуса генерал Рубцов.

Высокий густой камыш скрыл нас от врага. Вода доходила до колен, поэтому автоматчики врага прекратили преследование. Но вскоре начался артиллерийский и минометный обстрел, рвались снаряды и мины, поражая наших людей осколками, обдавая ошметками грязи. Обстрел продолжался минут тридцать, потом противник нас потерял.

В группе было человек сто. Я шел впереди, в середине комиссар Рычаков, замыкал шествие полковник Пиказин. Куда нам идти? Где и как переправиться через Удай? Посоветовавшись со старшими офицерами, решили пройти еще километра четыре на запад и уже потом переправиться на противоположный берег. Волновала судьба командира корпуса, он остался там, в Городище, не вышел из боя.

Поздним вечером подошли к какому-то притоку реки метров пятнадцати шириной, с сильно заболоченными берегами. Попробовали его преодолеть на камышовых плотиках. Не получилось — плотики тонули. Нашлась у кого-то запасливой автомобильная камера. Надули ее. Связали из индивидуальных перевязочных пакетов и ремней «канат». Перетащить ко-

---

* Г. С. Зданович в настоящее время проживает в Воронеже.

нец его на другой берег реки взялся начальник связи майор Чирков. «Когда-то Амур без отдыха переплывал», — сказал он и, быстро разувшись, нырнул... И не выплыл. Что случилось с ним, не знаю. Возможно, от нервного перенапряжения отказало сердце. Минуты через три бросился в воду один из младших командиров. Однако найти майора не смог.

Потом, переплыв речку, этот юноша стал нас по одному перетаскивать на камеру. Разогревшись в переходе, теперь мы в ожидании переправы стояли в холодной воде и сильно замерзли. Многих трясло как в лихорадке.

Ко мне подошел полковник Пиказин и отвел в сторону. Стуча зубами от озноба, он сказал:

— Товарищ Зданович, я совсем обессилел, ноги сводит судорога, мне не дойти. Вы закаленнее меня. Выведите людей, найдите мою семью и передайте ей, что я боролся до конца...

Было темно, и я не видел лица полковника. Смутная догадка неприятно пронзила меня. Но тут же я отбросил ее.

— Что вы! Нельзя падать духом. В любом положении надо выжить и отомстить врагу. Мы поможем вам, — сказал я Пиказину и поручил бойцам поддерживать подполковника при ходьбе.

— Ну ладно. Сделай все, чтобы вывести колонну, — настойчиво повторил Пиказин.

Мы переправились и снова пошли. Слышалось унылое однообразное чавканье под ногами, изредка неожиданный всплеск: утомленные бойцы, отступаясь, падали в воду. И снова медленное движение. Вода становилась глубже. Идти было все тяжелее. Неожиданно в конце растянутой колонны прогремел выстрел. «Пиказин!» — мелькнула догадка. Действительно, по колонне передали о гибели Пиказина. Сняв головные уборы, люди застыли в молчании. Прошло минуты две. С гнетущими мыслями мы снова двинулись в путь.

Метров через четыреста уперлись в реку, раза в три шире той, через которую переправились. С громадными трудностями преодолели и ее. Так хотелось, чтобы это было последнее препятствие, чтобы река именовалась Удаем? Но она ли?..

Движение продолжалось. Вода становится все глубже и глубже. Вот уже до пояса! Идти стало невозможно. «Куда нас ведут? Измена!» — услышал я позади возмущенные голоса. И тут какое-то бессилие, апатия охватили меня. Я почувствовал острую головную боль. Потом в глазах поплыли круги. С трудом различал голоса:

- Что с ним?
- Поддержите!
- Падает!

Меня взяли за плечи, не дали упасть. Как сквозь туман вижу человека в летной форме, с другой стороны — медицинскую сестру. «Откуда они? — думаю и вспоминаю: — Да они же шли в нашей колонне!»

— Товарищ полковник, вздремните! Мы вас поддержим... — сказала медсестра.

Сколько прошло времени — не знаю. Позже рассказали, что минут через пятнадцать я проснулся. Сознание прояснилось, и боль в голове приутихла.

— Поворачиваем назад! — сказал я, нутром почувствовав, что впереди пути нет. Люди меня поняли...

Медленно идем. Уже светло. Вдруг издалека отчетливо слышу крик:

— Полковник Зда-а-н-о-в-ич! К комис-с-а-р-р-у-у!

Что за чертовщина! Все ли ладно со мной? Вслушиваюсь. Крик повторился. Да, это голос Рычакова! Где-то в стороне! Он же шел в колонне... Где он сейчас? И почему кричит? Могут услышать немцы, всполошатся...

Торопливо выбираюсь с глубоководного участка плавней, иду на голос. С беспокойством думаю, почему кричал Рычков: «Неужели он потерял веру выбраться из этого чертова болота (через много лет я узнал, что оно действительно называется Чертовым) и решил выполнить договоренность на Пирятинском совещании о последнем патроне?»

С опаской подхожу к Рычакову.

— Где ты пропал? — спокойно спрашивает он. — Уже около двух часов мы ищем вас! Из болота вышли, немцев нет!

Только теперь я понял, что переправились мы в последний раз все-таки через Удай, а в камышах, сами того не заметив, зашли в старое заросшее русло реки.

Люди, покачиваясь, выходили из болота, обессиленно падали на землю. Нужно обсушиться, хоть чуть-чуть отдохнуть, ведь главные опасности выхода из окружения ждали нас впереди.

Где командир корпуса Рубцов и смог ли он оторваться от преследования, мы не знали».

РАБОТАТЬ ДЛЯ ПОБЕДЫ

Утром 3 ноября умер Борис Орлов. Сколько сил приложила Евгения Григорьевна в борьбе за жизнь этого юноши, но смерть оказалась сильнее.

За все время Борис ни разу не заговорил о доме и, только умирая, позвал маму. Он из-под Ленинграда, сейчас даже сообщить ей невозможно: территория-то занята врагом.

В госпитале установлено правило: лечащий врач как самый близкий человек провожает в последний путь своего бывшего пациента. Впервые была Евгения Григорьевна вместе с палатной сестрой Зиной Кунгурцевой на военном кладбище. Где только не появляются теперь вот такие могильные холмики с красной пятиконечной звездой! И здесь, далеко от фронта, война убивает солдат...

6 ноября Рубцова направилась в госпиталь раньше обычного. Улицы города украшены флагами, но нет того радостно приподнятого настроения, которое накануне Октябрьского праздника охватывало горожан в мирное время: во всем чувствуется напряженность, какая-то озабоченность. Ведь у каждого пермяка лежит на плечах тяжелый груз войны, а у многих — личное горе, связанное с потерей близких.

Несмотря на ранний час, в палате оживление. Рубцова обходит раненых, внимательно выслушивает, делает пометки в историях болезни.

— Ну как, Иван Егорович, — обращается она к Евсееву, у которого хотела ампутировать ногу, — скоро ходить начнем?

— Оно и плясать можно будет... — отвечает Евсеев, широко улыбаясь.

Вечером в госпиталь пришли артисты Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова, эвакуированные в Пермь в начале войны. Раненые, кто мог ходить, собрались в зале. Бойцы с волнением слушали русские народные песни, арии из знаменитых опер...

— Сталин выступает!

— Речь Сталина передают! — неожиданно послышались возгласы из коридора — и оборвалась песня, в зале включили репродуктор. Раненые, присутствующие здесь, медицинские сестры, врачи, артисты театра — все напряженно умолкли.

«Я уже говорил.., что война создала опасную угрозу для нашей страны.., что эта опасность не только не ослабла, а, наоборот, еще более усилилась. Враг захватил большую часть Украины, Белоруссию, Молдавию, Литву, Латвию, Эстонию, ряд других областей, забрался в Донбасс, навис черной тучей над Ленинградом, угрожает нашей славной столице — Москве...

...Нужно перебить всех немецких оккупантов до единого...» — Репродуктор донес шум аплодисментов, минуты две три аплодировали в далеком московском зале, где сейчас проходило торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Октябрьской революции. Наконец шум утих, и снова Сталин все тем же размеренным голосом продолжал:

«Для этого необходимо, чтобы армия и наш флот имели

деятельную поддержку всей страны, чтобы наши рабочие и служащие, мужчины и женщины работали на предприятиях не покладая рук и давали бы фронту все больше и больше танков, противотанковых ружей и орудий, самолетов, пушек, минометов, пулеметов, винтовок, боеприпасов...»

Слушая речь, Евгения Григорьевна с гордостью думала о том, что есть и ее вклад в общее дело борьбы с врагом, пусть маленький, но все-таки есть. После сегодняшнего обхода восемнадцать своих пациентов перевела она в категорию выздоравливающих. Это же больше, чем пол взвода! Скоро все они встанут в строй, снова будут бить фашистов.

Работать для победы — вот что сейчас требуется от нее.

ДЕКАБРЬ СОРОК ПЕРВОГО

Зима в этом году наступила рано. Уже в первых числах ноября выпал снег, выпал, да так больше и не стаял. А в декабре начались морозы, жестокие, лютые. Нескончаемые снегопады до неузнаваемости изменили Пермь. Такого обилия снега пермяки не помнили давно. Улицы почти не расчищались, снег навис огромными шапками на крышах домов, сугробился у заборов. Одетая в телогрейку, валенки, закутанная в шерстяной платок, спешила Евгения Григорьевна в госпиталь. Это был, пожалуй, единственный путь, по которому она ежедневно ходила последние два месяца. Работа — дом, дом — работа, на остальное просто не хватало ни времени, ни сил. Уже около месяца Рубцовы жили в небольшой квартире, недалеко от госпиталя, которую помог получить Ян Семенович Адамсон. От Федора Дмитриевича не было никаких вестей, и недобрые предчувствия уже давно не покидали Евгению Григорьевну.

«Не мог, не мог он молчать столько месяцев! — думала Рубцова, с трудом обходя прохожих на узкой, протоптанной в глубоком снегу дорожке. — Не такой Федор. Если ранен — написал бы, сообщил...» Неизвестность страшила ее, но эта неизвестность оставляла и надежду.

Прийдя в госпиталь, Рубцова заметила необычное оживление.

— Что случилось, Зиночка? — обратилась она к Кунгурцевой, с которой близко сошлась по совместной работе.

— Вы разве не знаете, радио не слышали? Город Калинин освобожден! — сияя, ответила энергичная Зина.

Раненые очень любили ее за мягкие, ласковые, почти не приносящие боли руки, за неподдельную доброту и знание своего дела.

— Вот сейчас снова сводку передавать будут, видите, многие из палат вышли, — продолжала торопливо говорить Кунгурцева, как всегда приветливо улыбаясь Евгении Григорьевне.

По притихшему коридору чуть приглушенный репродуктором прокатился торжественный голос Левитана: «Сегодня, 17 декабря, войска Калининского фронта овладели городом Калинин. Войска генерала Лелюшенко заняли город Клин...» Рубцова слышала фамилию Лелюшенко от мужа, Федор Дмитриевич и Лелюшенко вместе воевали на Карельском перешейке.

Почту ждали все с большим нетерпением. Уже знали, что в газетах опубликован Указ Президиума Верховного Совета о награждении 65-й стрелковой дивизии орденом Красного Знамени. Евгения Григорьевна с трудом подавила волнение: ведь это та дивизия, в которой Рубцов был начальником штаба, а потом, до перевода в Пермь, исполнял обязанности командира.

И снова острая боль кольнула сердце: «Федор, Федор, что с ним?»

Раненые только и говорят о разгроме немцев под Москвой. Ожили люди, веру обрели, силы почувствовали. Особенно счастливы те, с кого сегодня сняли гипс. Их трое в палате Рубцовой, уже о выписке поговаривают...

Тридцатого декабря Евгения Григорьевна пришла домой поздно. Леночка и Надежда Зиновьевна уже спали. Усталым движением она сняла платок, пальто (недавно купила) и, не разуваясь, прошла на кухню. Сегодня ей выпал очень тяжелый день — была сложная операция. Если раньше, когда госпиталь только начинал работать, большинство операций делали профессор М. С. Знаменский, начмед Р. И. Морозова и хирург Н. В. Белецкая, то сейчас делают и другие хирурги.

Около трех часов простояла сегодня за операционным столом Евгения Григорьевна, удаляя многочисленные осколки из бедра красноармейца Лилюнова, прибывшего с последним эшелонем. Старшая операционная сестра Лиза Иванова была ассистентом, руководила операцией опытный хирург Нина Васильевна Белецкая. Особенно трудным оказалось сложить раздробленную, искромсанную кость, сшить сосуды. Нужно сделать все, чтоб раненый вернулся в строй. Время от времени Рубцова вглядывалась в строгое лицо Нины Васильевны, в ее глаза, и та одобрительно покачивала головой.

По-домашнему мирно тикают на стене ходики, слышится ровное дыхание спящих, мамы и Леночки.

«Надо хоть чай разогреть», — подумала Евгения Григорьевна, поднимаясь со стула.

Вдруг в дверь постучали, негромко, но настойчиво. «Кто бы это?» Открыла — на пороге заведующая детским садом. Она хорошо знала Федора Дмитриевича и Евгению Григорьевну: ведь сад был для детей комначсостава. До войны Рубцовой, как детскому врачу, приходилось часто бывать там. Она и сейчас дружила с Татьяной Ивановной.

— Извините, что так поздно, — возбужденно проговорила гостья, нерешительно останавливаясь в прихожей. — Вы читали? Вот! Указ в «Звезде» о награждении Федора Дмитриевича! Я сейчас газету достану, — торопливо добавила она, видя растерянность на лице Рубцовой.

Евгения Григорьевна не могла выговорить ни слова. Непослушными руками она развернула протянутую ей газету.

— Да вот же, вот! В самом центре напечатано! — показала Татьяна Ивановна.

«За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и мужество награждена группа начальствующего состава Красной Армии орденом Ленина...» — одними глазами читала Евгения Григорьевна, и взгляд ее застыл на фамилии мужа, в числе семи награжденных — генерал-майор Ф. Д. Рубцов...

— Господи, да успокойтесь вы, жив Федор Дмитриевич!

— Нет, Танечка, это посмертно! Такой короткий список... Это посмертно!

Прижав к груди газету, Рубцова прошла в кухню, безвольно опустилась на стул. Растерянно смотрела на нее из коридора Татьяна Ивановна, переступая оттаявшими валенками.

— Вы идите, Танечка, идите, — дрожащим голосом сказала тихо Рубцова.

«Нет, не верю в радостную весть! — думала Евгения Григорьевна. — Зря вы так спешили, Татьяна Ивановна!»

Она еще и еще раз перечитывала скупые газетные строки. Ниже было помещено фото, на нем крупным планом изображены орудия и машины, брошенные противником на шоссе освобожденного участка Западного фронта.

Так же мирно тикали ходики да слышалось легкое посапывание спящей Леночки. Но встревоженная Надежда Зиновьевна поднялась:

— Женечка, ридна моя! Не вирь, шо нема Федора, не вирь! Ведь не сказано в газете об етом.

— Нет, мамочка, сердцем чувствую, погиб он...

Мать и дочь до утра не сомкнули глаз. Тяжелым камнем легло на их сердце предчувствие горя.

СТРАШНАЯ ВЕСТЬ

Евгения Григорьевна хорошо знала это двухэтажное кирпичное здание старинной постройки на улице Кирова, в котором размещался Пермский облвоенкомат. Она не раз была в нем после эвакуации, устраивая жизненно необходимые дела. А после бессонной ночи, проведенной над страницей газеты с Указом о награждении Федора Дмитриевича орденом Ленина, она приходила сюда с настоятельной просьбой установить, где ее муж, более четырех месяцев не подающий о себе никаких вестей.

Теперь она спешила в облвоенкомат по письменному вызову, присланному на ее имя. За бесконечно долгие месяцы ожидания она передумала все. Очевидец страшных событий первых недель войны, она знала, как в хаосе отступления, вызванного внезапною атакой врага, попадали в окружение целые армии, как гибли тысячи солдат, пробивавшихся к линии фронта. Она представляла различные ситуации, в которые мог попасть Федор, но ни разу не возникала мысль о возможном его пленении.

Принял Рубцов высокий полковник с усталым лицом, с черными, утомленными глазами.

— Здравствуйте, товарищ Рубцов, садитесь, пожалуйста! — Сам он вышел из-за стола, прошелся по кабинету. — Скажите, когда вы в последний раз получили письмо от мужа?

— Когда? — Недоуменно вопрошающие глаза Евгении Григорьевны повлажнели. — Писем не было. Только вот это. — И она положила на стол газету. — Товарищ полковник, вы получили ответ на запрос? Не томите!

— Да. — Полковник медленно протянул ей конверт. — Евгения Григорьевна, будьте мужественны...

«...Пермскому областному военному комиссару, — стала она читать, — на ваш запрос управление кадров НКО сообщает, что командир 66-го стрелкового корпуса генерал-майор Ф. Д. Рубцов, 1896 года рождения, героически погиб за нашу социалистическую Родину. Тов. Рубцов посмертно награжден орденом Ленина. О месте захоронения управление кадров данными не располагает...»

К самому худшему готовилась Евгения Григорьевна. Но сейчас, прочитав скупые, лаконичные строки, окаменела. Что-то оборвалось внутри. Слез не было. Полковник увидел, как в прямую линию сжались побелевшие губы Рубцовой и смертельная бледность проступила на ее лице.

Негнушимися пальцами взяла Евгения Григорьевна стакан воды, поданный полковником. Медленно, с трудом прео-

долевая спазму, сделала несколько глотков. Ее не успокаивали, не говорили обычных в подобных случаях утешительных слов. Кто-то еще вошел в кабинет, заговорил с ней о документах, то ли на пособие, то ли на пенсию...

Она плохо помнила, чем закончился этот разговор в облвоенкомате. Медленно вышла из кабинета, как во сне, спустилась по металлической литой лестнице, очулась уже на улице. В душе было одиноко и жутко. Той жизни, которой она жила семнадцать лет, больше нет. И не будет... Лена никогда не увидит отца...

«Лена! Вот что у меня еще осталось! Она удивительно похожа на Федора! Федор. Как он погиб, где похоронен?»

Она вспомнила, как, выходя из окружения, видела десятки простых деревянных обелисков с надписями, сделанными фиолетовыми карандашами на приколоченных наспех дощечках. Может, на могиле Федора и этого нет?..

«Все равно я найду тебя, Федя! Мы придем с Леной к твоей могиле... Я найду тебя, чего бы это ни стоило», — как заклинание твердила Рубцова, двигаясь вверх по улице Карла Маркса, по той ее стороне, где бодрым солдатским шагом ходил когда-то Федор Дмитриевич.

ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ

Поиск могилы Федора Дмитриевича привел Евгению Григорьевну и Лену в село Калайденцы, что на Полтавщине, вблизи районного центра Лубны. На День Победы вместе с ними навестить могилу друга приехал генерал-майор Г. С. Зданович.

Старая женщина Федорина Хомовна Перевал, пережившая здесь страшную годину войны, рассказывает со слезами и скорбью в голосе:

Командир 66-го стрелкового
корпуса генерал-майор
Ф. Д. Рубцов.

«В сентябре это было. Дни стояли тогда еще жаркие. Село наше немцы не все пожгли, хаты многие остались. Но дымом сильно тянуло и гарью. Как ветер подует с поля, где бой шел, так в селе смрадом запахнет... Много наших и немцев поубивало. Немцы немцев схоронили, а когда ушли, мы начали своих хоронить. В селе одни бабы да ребятишки, и те поховались...

Я, как сейчас, помню тот день. За водой пошла к колодцу, что на площади. Недалеко тут моя хата. Уж вечерело. Вдруг по улице едут черные машины с крестами. Железные. Урчали страшно, остановились на площади. На передней машине человек лежал. Видно, что наш, русский. Весь в крови. Рубаха нижняя в тело влипла, вся красная. Головакинута назад. Рослый он был, лет сорока, красивый. Немцы его с машины стащили, все возились около него, думали, видеть, что оживет... Синие брюки на нем и полосы красные по бокам. Я хорошо это помню. Брюки на ногах изорваны и в крови тоже. Потом оставили его, на двор школьный пошли. Туда они пленных согнали.

Стою я, ни жива ни мертва, ноги к земле пристыли. И жалко того человека, и страшно. Уйти бы, да не могу. А он, бедный, лежит на траве... Потом, смотрю, из школьной ограды пленных с лопатами ведут. Офицер немецкий показал им место у забора, вот тут, под грушей. Ну, они копать стали. Не хоронили немцы наших, да тут, видно, сподобились. Пленные копают могилу, а сами еле на ногах стоят. Раненые, все в бинтах, голодные. Я воду уж набрала, идти надо. Смотрят они на ведро с водой, губы сухие облизывают... Думаю, будь что будет. Подошла к ним, ведро протянула, а сама на немца с автоматом гляжу. Тот кричит, руками машет, но стрелять не стал.

Вырыли могилу неглубокую. Загнали их опять в ограду, другие вышли. Немцы брезент притащили. Показывают, мол, заверните мертвого. Ну, наши завернули, в могилу осторожно опустили...

А утром на могиле той памятник деревянный, и написано черной краской: «Русскому генералу Рубцову за храбрость». — Федорина Хомовна замолкает, из глаз ее, выцветших от старости и пережитого горя, капаят слезы. Она торопливо утирает их цветастым передником. — Вот здесь он и был похоронен... Груша эта тогда молодая еще была, прямо под ней и могилку рыли...»

После этой встречи и горестного рассказа прошло несколько лет... Есть в центре села Калайденцы высокий, цвета золота монумент советскому воину-освободителю. Это братская могила тем, кто погиб, но не сдался врагу. Сюда же перене-

сены бережно останки генерал-майора Ф. Д. Рубцова. Он похоронен вместе с солдатами, вместе с которыми и жил, и воевал.

Не увядают цветы на этой могиле, как никогда не увянет память народная, любовь и уважение к своим верным сынам.

По-особому торжественно было у монументов в День Победы. Юные пионеры застыли в почетном карауле. Седой генерал-майор Г. С. Зданович, на груди которого сияет «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, склонил голову к могиле верного побратима по оружию.

Вместе с бабушкой, Евгенией Григорьевной, приезжают на могилу деда его внучки, приезжает дочь Елена Федоровна.

Почтить память человека, который отдал свою жизнь за нашу победу, приезжают и приходят рабочие и колхозники ближайших городов и сел.

Главная площадь районного центра Лубны, пионерская дружина Калайденцовской средней школы носят имя Ф. Д. Рубцова.

Навечно стал он почетным гражданином города Лубны.

ЭПИЛОГ

Работая над книгой, я не раз встречался с Евгенией Григорьевной Рубцовой, переписывался с нею.

Однажды из далекого Харькова, со своей родины, Евгения Григорьевна приехала в Пермь на встречу ветеранов 112-й стрелковой дивизии. Немало лет пожилая женщина разыскивала однополчан Федора Дмитриевича.

Много и взволнованно рассказывала она тогда о прожитых с Федором Дмитриевичем годах, о том, каким любящим мужем и отцом он был. С душевной теплотой Евгения Григорьевна говорила о Перми, где живут ее верные друзья, что город очень изменился и похорошел.

Вместе с Рубцовой я был на встрече ветеранов 112-й стрелковой дивизии. С интересом слушал их выступления. Особенно мне запомнилась взволнованная речь коренастого полковника-артиллериста — Петра Венедиктовича Зароастрова, который говорил и такие слова: «Прочный фундамент отличной выучки и высокой дисциплинированности личного состава нашей дивизии заложил комбриг Федор Дмитриевич Рубцов...»

Незадолго до этого я слышал о Федоре Дмитриевиче в воспоминаниях участников боев на Холхин-Голе — политра-

ботников Николая Ивановича Работкина и Павла Александровича Неволлина. Ветераны с глубокой признательностью вспоминали Ф. Д. Рубцова за выучку кадрового состава 82-й стрелковой дивизии, которой он командовал, когда служил в Перми...

Выступающий после П. В. Зароастрова подполковник в отставке Владимир Алексеевич Петюнин сказал: «Комбриг Рубцов уделял большое внимание стрелковой подготовке

Е. Г. Рубцова в музее школы № 93 г. Перми.
12 мая 1973 года.

личного состава, сам отлично стрелял и нас научил меткой стрельбе; вы все знаете, как это пригодилось в годы войны!..»

Слушая выступающих, я поглядывал на Рубцову, она не скрывала слез. Искренним уважением проникнут я к Евгении Григорьевне, в чьем характере отразились лучшие черты русской женщины.

Через несколько месяцев произошло у меня интересное знакомство с бывшим начальником штаба 1-го стрелкового корпуса Семеном Павловичем Ивановым, работавшим в 1940—1941 годах вместе с Ф. Д. Рубцовым в Белостоке.

Узнав о моем намерении написать книгу о Ф. Д. Рубцове и выслушав мою просьбу, генерал армии С. П. Иванов сказал:

— Трудно помочь вам, ибо за неделю до нападения фашистской Германии я был переведен в другую армию.

— Но никто лучше вас, Семен Павлович, не сможет рассказать о предвоенных буднях приграничного первого стрелкового корпуса, — заявил я генералу и протянул ему доверенную коллективную фотографию работников штаба и политотдела корпуса. На снимке рядом с генерал-майором Ф. Д. Рубцовым сидел подполковник С. П. Иванов. С большим интересом рассматривал сейчас генерал армии снимок, и казалось мне, что в памяти Семена Павловича оживают минувшие годы...

Мы беседовали долго. Расставались как старые знакомые. Пожимая на прощание руку, Семен Павлович обещал мне всяческую поддержку. И сейчас я с благодарностью вспоминаю его помощь.

А потом были Центральный Государственный архив Советской Армии, Центральный архив Министерства обороны СССР, в которых я работал. Но документов 1-го и 66-го стрелковых корпусов не оказалось... Они были сожжены по приказу Ф. Д. Рубцова в последние часы существования штабов. Лишь по немногим сохранившимся донесениям и некоторым другим оперативным документам штабов армий и фронтов оказалось возможным восстановить и проследить ход боевых действий.

В фонде 10-й армии меня заинтересовало дело, в котором были записка командра 1-го стрелкового корпуса Ф. Д. Рубцова, написанная командиру 10-й армией Г. Д. Голубеву, и оперативная сводка первого дня войны. Тут же приложен разорванный темно-желтый пакет с сургучными печатями. И оперативная сводка, и записка, и пакет были пробиты либо пулей, либо осколком, отверстие равной формы говорило об этом. А сверху чужая немецкая надпись... Лишь после разгрома фашистской Германии документы первого дня войны попали по своему назначению — в наши штабы, затем в архив.

Так на протяжении многих лет по крупицам собирался материал, воссоздавался образ генерал-майора Ф. Д. Рубцова.

Годы все дальше уносят нас от трагических и героических событий Великой Отечественной войны, но никто не забыт, и ничто не забыто. Эта книга — дань уважения героям, отдавшим жизнь за Родину. И пусть молодое поколение, родившееся в мирные дни, знает, какой дорогой ценой досталась нашему народу Победа. Пусть учится на примере павших героев и оставшихся в живых ветеранов войны стойкости, мужеству и беззаветному служению Отчизне.

Кунгур — Пермь.
1972—1980 гг.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Центральный архив Министерства обороны СССР

- ф. 353, оп. 5108, д. 1, 2, 3, 4.
ф. 375, оп. 5146, д. 3.
ф. 1060, оп. 2, д. 2, 3.
ф. 1216, оп. 2, д. 1.
ф. 1СК, оп. 7965, д. 1, 2, 3.
ф. 208, оп. 2454, д. 27; оп. 1016, д. 17, 77; оп. 3038, д. 15.
Личные дела: 730804 — Рубцов Ф. Д.
055807 — Рычаков А. И.
641915 — Фомин Н. И.

Центральный государственный архив Советской Армии

- ф. 1250, оп. 1, д. 109.
ф. 1251, оп. 1, д. 2.
ф. 3365, оп. 1, д. 12.
ф. 1196, оп. 3, д. 6, 7.

Партийный архив Пермского обкома КПСС

- ф. 105, оп. 1, д. 16, 18; оп. 38, д. 46, 5, 7, 63; оп. 134, д. 16.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг. Т. 1, 2. М., 1963.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1970.

Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении: Воспоминания командарма. М., 1969.

Симбирская губерния в 1918—1920 гг.: Сборник воспоминаний. Ульяновск: Кн. изд-во, 1958.

Ананьев К. Е. В боях за Перекоп (записки участника). Госвоениздат. М., 1935.

Сандалов Л. М. Пережитое. Воениздат, М., 1966.

Анфалов В. А. Бессмертный подвиг. М.: Наука, 1971.

Василенко М. И. Комкор. «Советская Белоруссия», 10 февр. 1970.
Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Лениздат, 1968.

Воспоминания, материалы, письма

И. Н. Базилевича, И. П. Беляева, М. Д. Гришина, Ф. М. Демяненко, Д. К. Ежикова, Ф. Ф. Жмаченко, П. В. Зароастрова, Г. С. Здановича, С. П. Иванова, В. К. Искрова, А. Е. Каменева, Л. Г. Карасева, Ф. Д. Каткова, А. И. Козлова, Н. М. Козлова, И. В. Костюкевича, С. З. Кремнева, С. Ф. Крыжановского, Н. И. Кузнецова, Г. Д. Маврина, Г. Я. Мандрика, С. А. Маркушевича, Я. П. Могильного, А. В. Мосина, В. А. Петюнина, Г. Л. Ротенберга, Е. Г. Рубцовой, Е. Ф. Рубцовой, А. Н. Симбаева, П. К. Соломко, В. В. Тихомирова, В. С. Тохтуева, Д. Т. Фурса, И. И. Шурхало.

Автор приносит глубокую благодарность всем, кто документами, личными воспоминаниями, советами оказал помощь в работе над этой книгой: генералу армии С. П. Иванову, генерал-полковнику Ф. Ф. Жмаченко, Герою Советского Союза генерал-майору Г. С. Здановичу, генерал-майорам И. П. Беляеву, М. Д. Гришину, С. А. Маркушевичу, полковникам П. В. Зароастрову, Л. Г. Карасеву, Я. П. Могильному, Д. Т. Фурсе, а также другим ветеранам Великой Отечественной войны: И. Н. Базилевичу, М. И. Василенко, Ф. М. Демьяненко, Д. К. Ежикову, В. К. Искрову, А. Е. Каменеву, Ф. Д. Каткову, А. И. Козлову, П. М. Козлову, И. В. Костюкевичу, С. В. Кремневу, С. В. Крыжановскому, Н. И. Кузнецову, Г. Д. Маврину, Г. Я. Мандрику, А. В. Мосину, В. А. Петюнину, Г. Л. Ротенбергу, А. Н. Симбаеву, П. К. Соломко, В. В. Тихомирову, В. С. Тохтуеву, И. И. Шурхало.

СОДЕРЖАНИЕ

Порох держать сухим...	5
Дома	8
Встреча в школе	11
Предчувствие	14
Из дневника Евгении Григорьевны	15
На Карельском перешейке	18
Письмо мужу	23
Штурм	24
Письмо в Пермь	30
Белостокский выступ	33
Нет, неспроста...	36
22 июня	39
200-й стрелковый полк	45
На левом фланге	46
Вечером	49
Белосток	50
Штаб отходит	53
Только на фронт!	58
Комиссар Рычаков	64
Через леса и болота	69
Оборонительные бои	76
И снова Пермь	82
Пирятин	87
Ночь в Городище	90
Последний бой	93
Рассказывает Зданович	95
Работать для победы	97
Декабрь сорок первого	99
Страшная весть	102
Через много лет	103
Эпилог	105

**Иван Александрович
Мялицын**

ГЕНЕРАЛ РУБЦОВ

И. о. заведующего редакцией Б. Зеленин. Редактор
В. Богомолов. Художник И. Одинцов. Художественный редактор Н. Горбунов. Технический редактор В. Чувашов. Корректор И. Пархомовская.

ИБ № 816

Сдано в набор 01.04.81. Подписано в печать 23.06.81 г.
ЛБ02073. Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл.-печ. л. 6,51.
Усл. кр.-отт. 6,86. Уч.-изд. л. 6,727. Тираж 3000 экз.

Заказ № 332. Цена 20 к.

Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь,
ул. К. Маркса, 30.

Книжная типография № 2 управления издательств,
полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь,
ул. Коммунистическая, 57.

Мялицын И. А.
М99 Генерал Рубцов. — Пермь: Кн. изд-во, 1981. —
109 с. — (Замечательные люди Прикамья).

ИСБН
Документальный очерк жизни и военной деятельности генерал-
майора Ф. Д. Рубцова.

М $\frac{11203-56}{M152(03)-81}$ 8-81

355С